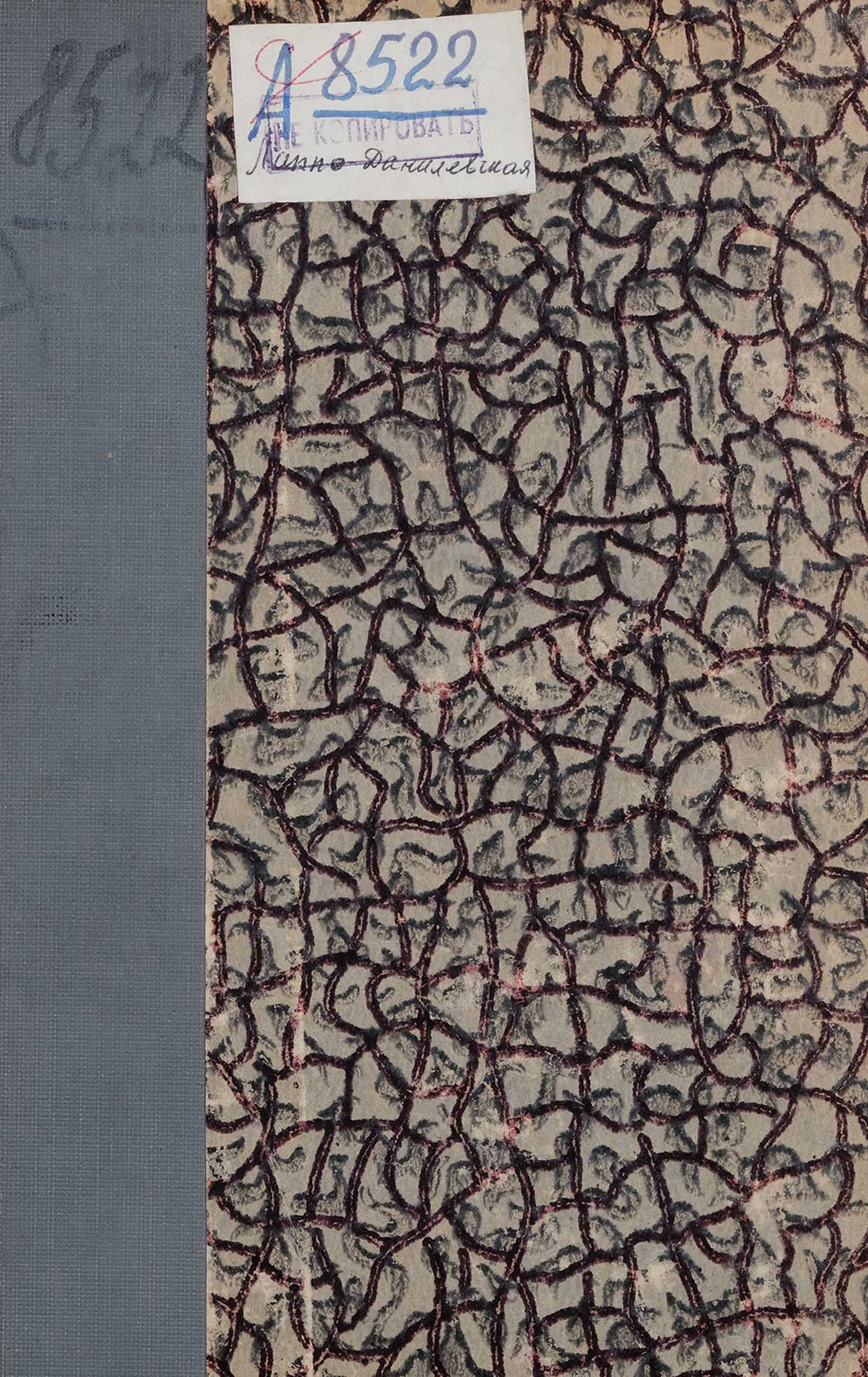
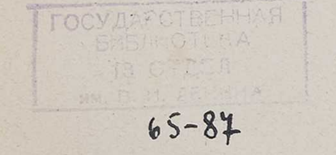

А 8522
НЕ КОПИРОВАТЬ
Лаппо-Данилевская
8522

Sperling

Н. А. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКАЯ

ПОРУГАННЫЙ.

Главный складъ изданія:
35, rue de Sèvres. Paris.

2014022079

Посвящаю моимъ
дѣтямъ
Федору и Татьянѣ

I.

Обуглившійся фитиль догорѣвшей оплывшей свѣчи нѣсколько разъ вспыхнулъ, метнувъ по потолку и по бѣлымъ, крытымъ извѣсткой, стѣнамъ причудливо уродливыми тѣнями, трепетно замигалъ синимъ огонькомъ и сразу потухъ. Маленькая, подъ самой крышей комната, только что, какъ будто метавшаяся вмѣстѣ съ огонькомъ въ его предсмертномъ угасаніи, на секунду потускнѣлъ. чтобы всплыть въ мирномъ лунномъ сіяніи, вливавшемся черезъ небольшое распахнутое окно.

Человѣкъ, сидѣвшій у простого деревяннаго стола, отодвинулъ книгу, поднялъ опущенную между ладонями голову и устремилъ взглядъ въ голубыя небеса, начинавшія все болѣе и болѣе свѣтлѣть въ сіяніи мѣсяца. Страницы большой, толстой книги, лежавшей передъ нимъ между облокоченныхъ о столъ рукъ, покрылись серебристымъ налетомъ. И за окномъ и въ комнатѣ было совсѣмъ тихо. Недвижно висѣла отдернутая кисейная занавѣска. Безвѣтрянное дыханіе наступавшей ночи не тревожило покоя, казавшейся совсѣмъ темной, листвы громадныхъ густыхъ деревъ сада обнесеннаго высокой стѣной, тянувшейся по ту сторону пустынной улицы. Въ матовомъ свѣтѣ, молодое лицо, сидѣвшаго за столомъ, человѣка казалось блѣдное, съ трагическими тѣнями душевной усталости; оно поражало несоотвѣтствіемъ строгой линіи носа и бровей, съ тяжелой растянутой линіей рта. Надъ слишкомъ открытымъ лбомъ были зачесаны назадъ прямые, какъ бы выцвѣтшіе, свѣтлые волосы. Острый взглядъ сѣроватыхъ глазъ былъ подернутъ смягчающей ихъ тѣнью тоскующаго духа. Лицо выгля-

дѣло строго и было мало красиво. Мысли — тяжелыя и трудныя давили душу. Изъ за разстегнутой на груди сорочки видна была сильная мускулистая шея и грудь.

Въ ту минуту какъ онъ тяжело вздохнулъ, дверь комнаты тихо подалась. Кто то вошелъ. Онъ повернулъ голову и, напряженно щурясь, силился разглядѣть въ матовомъ полу-свѣтѣ лицо вошедшаго, безмолвно остановившагося у двери. Охваченный неожиданной радостію, взволнованный и растерянный, онъ поднялся съ возгласомъ:

— Свѣтловъ! Неужели, это вы?! Въ такую минуту!... въ такую трудную для меня минуту!... Васъ прислалъ ко мнѣ самъ Господь. — Онъ испытывалъ странное и радостное, и тревожное волненіе, при видѣ вошедшаго, спокойно и ласково смотрящаго на него, друга.

Онъ обнялъ его и вдругъ почувствовалъ желаніе припасть къ нему на грудь и дать волю давно подступавшимъ слезамъ. Пересиливъ себя, онъ нащупалъ подлѣ умывальной миски стаканъ, зачерпнулъ изъ кувшина воды и выпилъ.

Вошедшій опустился на край большой громоздкой деревянной кровати.

— Свѣтловъ, дорогой мой, когда же вы пріѣхали?

— На дняхъ.

— Кто вамъ указалъ мой адресъ? Я, кажется, никому его не давалъ.

Вошедшій, не отвѣтивъ на вопросъ, улыбнулся и положилъ руку на плечо Алексѣя, опустившагося на кроват рядомъ съ нимъ.

— Вотъ вы вошли, и сразу я почувствовалъ душевную бодрость. Ахъ, я столько, столько пережилъ за эти годы, столько разъ душа моя искала васъ... а вы забыли меня.

— Нѣтъ, Алексѣй, — я не забылъ васъ. Я объяснялъ вамъ, что для жизни души нѣтъ ни времени, ни пространства. Любовь — это жизнь души. Какое значенiе, какую преграду можетъ создать дальность раздѣляющей насъ мѣстности или годовъ? Духъ царитъ надъ землей, а не земля надъ духомъ.

— Все это такъ, а вотъ я вижу васъ, и сразу чувствую облегченiе. Въ разлукѣ я сознавалъ васъ, а теперь я васъ чувствую и радъ этой близости, потому что убѣждаюсь, что вы не забыли меня, что по прежнему мы близки.

— Значитъ, вы сомнѣвались въ моей любви; а я не сомнѣвался въ вашей. Вы оставались близки мнѣ, и для меня не было разлуки.

— Ахъ, Свѣтловъ, тихiй аскетъ мой, какъ все въ васъ строго и стройно; а я все мечусь, не могу найти себя, не знаю, чего хочетъ отъ меня Богъ... Что-же это я! — встрепенулся онъ, подымаясь съ мѣста. — Я такъ обрадовался, что даже не спросилъ хотите ли вы ѣсть.

— Нѣтъ, нѣтъ, сидите. Я не голоденъ.

— Вы останетесь у меня ночевать? Я васъ прошу, не отказывайте мнѣ.

— Хорошо, я останусь.

Алексѣй облегченно вздохнулъ и опять сѣлъ на кровать, обнявъ Свѣтлова за плечи.

— Разскажите мнѣ о себѣ: вы сюда совсѣмъ прiѣхали?

— Нѣтъ, я проѣздомъ.

— Какъ это мнѣ грустно! Никогда я такъ не хо-

тѣлъ имѣть васъ подлѣ себя какъ теперь. Мнѣ кажется, что мою ладью захлестываютъ волны. Я слабѣю духомъ. — Алексѣй понурилъ голову.

— А помните, какъ въ ночь бѣгства изъ тюрьмы вы говорили, что отдадите свою жизнь на служенiе Богу и людямъ?

— Помню, помню, Свѣтловъ. — Алексѣй поморщился какъ отъ физической боли. — Съ тѣхъ поръ я такъ много пережилъ, моя душа столько разъ готова была взлетѣть, но падала съ измятыми крыльями. Я оказался на перепутьи въ дремучемъ лѣсу. Когда мы съ вами встрѣтились въ тюрьмѣ и когда каждую минуту меня могли разстрѣлять, увѣряю васъ, не смотря на угрозу смерти, на душѣ у меня тогда было удивительно какъ хорошо. Это происходило отъ близости съ вами... Ахъ, какъ я мучился потомъ, когда мы разстались, какъ я боялся за васъ! И вдругъ эта неожиданная втрѣча на базарѣ въ Константинополѣ. Какой былъ радостный день! Помните, какъ сiяло солнце, какъ кололи глаза яркiе, слѣпящiе на всемъ блики! Я издали узналъ васъ, бросился къ вамъ сломя голову, чуть не перевернулъ лотокъ съ фруктами, а вы стоите и такъ свѣтло, спокойно улыбаетесь... Какъ странно, что въ самые тяжелые, скажу — трагическiе моменты моей жизни вы оказываетесь подлѣ меня. Благодарю за это Господа.

Выплывшая изъ за края окна полная луна озарила всѣми лучами маленькую комнатку, и въ его голубомъ сiянiи прекрасно было лицо Свѣтлова.

— Вотъ я вспомнилъ бѣгство изъ тюрьмы. Разскажите мнѣ подробно, какъ все это произошло? Я какъ то началъ писать воспоминанiя и ничего не вышло. Такъ велико было тогда напряженiе нер-

вовъ, что я дѣйствовалъ или, вѣрнѣе, подчинялся вашимъ дѣйствіямъ, какъ во снѣ. Объясните мнѣ, какимъ образомъ вамъ удалось открыть дверь нашей камеры?

— Я повернулъ ручку, и она открылась.

— Но вѣдь я отлично помню, какъ часовой заперъ ее снаружи на замокъ.

— Да, заперъ.

— Ну, такъ какъ же? Просто невѣроятно! когда мы вышли изъ камеры, то часовой, сидѣвшій у дверей, оказался спящимъ; ну, а вотъ второй — въ концѣ корридора, что онъ, тоже спалъ или его не было?

— Онъ спалъ.

— А когда мы шли по двору и, помните, изъ за угла показалась фигура одного изъ сторожей; я хотѣлъ бѣжать, и вы взяли меня за руку. Куда же онъ дѣвался? По моему, онъ, какъ будто, остался стоять на мѣстѣ.

— Да, онъ стоялъ на мѣстѣ.

— Но почему, почему?! Онъ даже не окликнулъ насъ. А ужъ какъ калитка воротъ оказалась не запертой я абсолютно не понимаю. Когда меня, помню, ночью привели въ эту тюрьму, сопровождавшіе солдаты звонили, пока ни вышелъ караульный, что бы открыть. А тутъ, на-те — и калитка оказалась незапертой. Просто чудо! Чѣмъ больше вдумываюсь, тѣмъ болѣе поражаюсь. Согласитесь сами, Свѣтловъ, что въ ту страшную ночь, наканунѣ моего разстрѣла, все произошло совершенно невѣроятно.

— Для Господа все возможно.

— Да, да конечно... все возможно, — задумчиво отвѣтилъ Алексѣй. — Вотъ видите, дорогой, —

прервалъ онъ минутное молчаніе, — мнѣ надо вамъ сказать такъ много — много, а вотъ мысли налетѣли всѣ сразу, и я не знаю съ чего начать. Хочу говорить о настоящемъ, о «сегодняшнемъ днѣ», а передъ глазами встаютъ картины минувшихъ дней. Я все мечусь моимъ неугомоннымъ, не нашедшимъ себя духомъ.

— Вижу это, Алексѣй, и скорблю, ибо все во власти свободной воли человѣка.

— Ахъ эта наша свободная воля! — вздохнулъ Алексѣй. — Гдѣ ея свобода, когда она вся въ плѣну у жизни, вся подъ давленіемъ окружающихъ насъ событій, обстоятельствъ и нашихъ чувствъ.

— Свобода воли обрѣтается въ великихъ страданіяхъ борьбы противъ искушеній. Ищите и обрящете.

Странно прозвучали эти слова. Алексѣй насторожился. Сердце его учащенно забилось. Онъ пристально посмотрѣлъ на Свѣтлова, который сидѣлъ на краю кровати, съ руками мягко опущенными на колѣни, съ лицомъ, обращеннымъ въ сторону открытаго окна. Лунный свѣтъ ровной матовой дымкой окутывалъ продолговатое нѣжно-блѣдное лицо съ небычайными лучистыми глазами.

— Свѣтловъ! — Алексѣй схватилъ его за руки, чувствуя все болѣе и болѣе наростающее волненіе. Ему вдругъ почудилось, что вокругъ него творится что то странное, таинственное.

— Это я, Алексѣй.

Алексѣй поднялся, закрылъ ладонями лицо и, весь трепетный, съ учащенно бьющимся сердцемъ, старался понять, что съ нимъ происходитъ, и что творится вокругъ него въ этой тихой, лунной свѣтлой мглѣ.

— Мнѣ сейчасъ такъ хорошо и, въ то же время, такъ странно жутко. Нервы разгулялись. За послѣднее время въ особенности я живу очень напряженной жизнью. Какъ разъ передъ вашимъ приходомъ, силился собрать всего себя и понять. Да, я сбился съ моего пути. Я почти не рѣшаюсь раскрыть передъ вами всю мою запутанную душу и, въ то же время, мнѣ такъ надо это сдѣлать, именно передъ вами.

Алексѣй подошелъ къ окну и устремилъ взглядъ на небо. Взъерошенные волоса торчали прямыми пучками надъ большимъ лбомъ, пересѣченнымъ глубокой складкой напряженной мысли. Въ молчанiи прошло много минутъ. Онъ отошелъ отъ окна, чиркнулъ спичку и закурилъ. Глубоко втягивая въ себя дымъ, онъ силился подавить внутреннее волненiе. Швырнувъ окурокъ за окно, онъ вернулся на прежнее мѣсто и заговорилъ, часто повторяя и сбиваясь на мелкiя, скучныя и ненужныя подробности:

— Вы знаете, дорогой другъ, какъ я люблю Бога и какъ хочу, какъ стремлюсь близко подойти къ Нему, но происходитъ нѣчто роковое: между мной и Господомъ становятся люди. Эти люди какъ будто воздвигаютъ стѣну между мной и Нимъ. Черезъ эту стѣну я никакъ не могу перелѣзть и стою, тоскующiй и скорбный, ищущiй и не находящiй пути.

— Вы говорите, — люди? — переспросилъ Свѣтловъ.

Алексѣй отвѣчалъ не сразу:

— А можетъ быть, кромѣ людей есть еще и то, что заложено во мнѣ самомъ. Я себѣ самому становлюсь тяжелъ. Со дна души подымается все

прошлое, встаютъ картины уже изжитого, похороненнаго и снова манитъ къ себѣ, воскрешаетъ желанія, зоветъ къ исканіямъ въ настоящемъ того, отъ чего я успѣлъ отойти. Тогда мнѣ чудится, что я обманываю себя, что ничего новаго во мнѣ не произошло, что я остался такой же какъ и былъ, что стоитъ сдѣлать какой то одинъ шагъ и весь я окажусь все тотъ же, то есть, какъ былъ до встрѣчи съ вами въ тюрьмѣ, до всего, что я пережилъ за эти годы.

— Конечно, все, что въ васъ было, все при васъ и осталось; но кромѣ этого въ васъ прибавилось нѣчто новое, а именно осужденіе въ себѣ тяготѣнія ко злу; у васъ окрѣпло сознательное стремленіе къ совершенству. Вы говорите: стоитъ сдѣлать одинъ шагъ, и я окажусь тотъ же. Шагъ этотъ вы сдѣлать можете и можете упасть гораздо ниже, чѣмъ падали раньше, но теперь паденія эти будутъ сопровождаться сильнѣйшими страданіями души, сильнѣйшими угрызеніями совѣсти, потому что въ сознательности дурныхъ поступковъ само собой заложено страданіе и мука совѣсти. Пока вы творили зло безъ сознанія грѣха, вы были менѣе отвѣтственны.

— Ахъ, какъ вы правы, какъ вы ужасно правы, Свѣтловъ! Вѣдь я лгу, самому себѣ лгу, что я не знаю пути. Я знаю, знаю хорошо, но я не хочу сказать себѣ этого, чтобы не сознавать налагаемыхъ обязательствъ. Сейчасъ я сбился съ пути, потому что есть женщина, которую я люблю, и которая любитъ меня... и вотъ... — Алексѣй развелъ руками и понурилъ голову.

— Когда вы подходили къ ней, что влекло васъ? — голосъ Свѣтлова звучалъ строго.

— О, какъ вы прозорливы! — всплеснулъ руками Алексѣй. — Да, да, страсть, голая страсть звѣря.— бичуя себя воскликнулъ онъ.

— Не люди становятся между вами и Богомъ, а вы сами возводите стѣну. Каждый поступокъ — это однимъ камнемъ больше или меньше въ возводимой стѣнѣ.

Нѣсколько минутъ Алексѣй сидѣлъ, погруженный въ мысли и чувства, разомъ всколыхнувшіяся и обступившія его.

— Если я ее оставлю, я увѣренъ, что она погибнетъ: она слишкомъ слаба духомъ и боится жизни.

— А если вы останетесь съ ней?

Алексѣй нѣсколько минутъ молчалъ, провѣряя себя.

— Тутъ вотъ и начинается страшная путаница, страшная двойственность въ самомъ себѣ: оторваться отъ нея, — для меня мука, а остаться съ ней — терпѣть адъ въ сознаніи измѣны послушанія Ему. Вы знаете, что я хотѣлъ отдать Ему всего себя. И душу, и сердце, и всѣ мысли хотѣлъ устремить къ Небу.

— А отдали ихъ землѣ, — печально проронилъ Свѣтловъ. — Голова его была опущена; тѣнью глубокой грусти были обвѣяны тонкія черты лица, казавшіяся, при кроткомъ свѣтѣ луны, необычайно хрупкими.

—Развѣ, оставаясь съ ней, вы творите волю Его? Развѣ Онъ такъ велѣлъ врачевать больную и слабую душу? Развѣ такой близостью вы укажете ей путь истины? Нѣтъ, вы любите эту женщину любовью къ самому себѣ, къ своимъ страстямъ.

— Да, да, да, любовью къ себѣ, къ своимъ подлымъ страстямъ! — съ горечью воскликнулъ Алексѣй.

— Ну, чтоже мнѣ дѣлать? Какъ я долженъ поступить? Если я ее брошу — она погибнетъ. И для чего только я встрѣтился съ нею?! Я сознаю, что въ каждомъ словѣ вашемъ кроется великая правда и осужденіе мнѣ, но какъ трудно ввести въ жизнь эту правду, какими цѣпкими клещами затягиваетъ насъ въ своемъ ежечасномъ движеніи эта жизнь, вся преисполненная противорѣчій, невольныхъ ошибокъ, невѣденія грядущаго часа и кипѣнія низкихъ, подлыхъ страстей.

— Если бы люди умѣли побѣждать эти низкія страсти, то на землѣ давно было бы царствіе Божіе.

— Свѣтловъ, другъ мой, что мнѣ дѣлать? — простоналъАлексѣй. — Разстаться съ ней — это вырвать сердце изъ живого тѣла.

Свѣтловъ молча поднялся, прошелъ, мимо окна, къ столу, за которымъ недавно сидѣлъ Алексѣй, протянулъ руку и взялъ лежавшій, подлѣ большой раскрытой книги, старенькій томикъ Евангелія, страницы котораго отъ частаго употребленія сильно поблекли. Онъ раскрылъ его и, не перелистывая, не глядя, протянулъ Алексѣю.

— Вотъ здѣсь. — Онъ указалъ на, залитую серебристымъ свѣтомъ, страницу.

« А я говорю вамъ, если правая рука соблазняетъ тебя, отсѣки ее и брось, ибо лучше пусть погибнетъ она, чѣмъ все тѣло твое будетъ ввергнуто въ геену огненную... » — Алексѣй прочелъ, опустилъ Евангеліе и задумался. Свѣтловъ смо-

трѣлъ на него, держа ласковую руку на его плечѣ.

— Да, я сдѣлаю надъ собой усиліе: я возьму себя въ руки, это рѣшено. Я обѣщаю вамъ, мой чистый и кроткій другъ. Вы подлѣ меня, и я чувствую въ себѣ новыя силы.

Алексѣй улыбнулся. Въ глазахъ его стояли слезы.

Въ эти минуты душевной близости къ Свѣтлову, ему, поддающемуся острой, нервной впечатлительности — казалось легко и просто заставить себя перемѣстить чувство изъ центра плотскихъ влеченій въ область чисто духовную. Присутствіе Свѣтлова страннымъ образомъ стряхивало съ него наслоенія жизненной пыли, укрѣпляло и просвѣтляло душу.

— Не разъ я наблюдалъ надъ самимъ же собой, что воля иногда бываетъ заложена въ настроеніяхъ, которыя мы сами въ себѣ утверждаемъ. Я знаю, что можно заранѣе подготовить себя, такъ сказать, ввести себя въ извѣстную рамку психологическаго настроенія; если держать себя въ ней, не позволять себѣ ни въ чемъ переступать за строго означенную черту, тогда гораздо легче бороться съ собой, со своими грѣховными желаніями. Вѣдь я очень грѣшенъ... вы не знаете, Свѣтловъ, до чего я грѣшенъ въ самомъ себѣ.

— Знаю это.

— Другъ мой, вы молитесь иногда обо мнѣ?

— Я много молился и молюсь Отцу Небесному о душѣ вашей.

Алексѣй смахнулъ упрямо набѣжавшую слезу. Онъ находился въ состояніи умиленной радости отъ неожиданнаго появленія Свѣтлова и отъ того, что онъ рѣшилъ измѣнить то, что уже много вре-

мени тяжелымъ камнемъ лежало на его совѣсти. Сейчасъ, послѣ разговора съ другомъ, ему казалось, что онъ сдѣлаетъ это легко и безболѣзненно, лишь бы почаще видѣться со Свѣтловымъ, у котораго онъ черпалъ силу для борьбы съ тѣмъ, что пригибало его къ землѣ, на перекоръ его желанiямъ.

Было поздно. Свѣтловъ, полуодѣтый, лежалъ съ опущенными вѣками на громоздкой деревянной кровати. Иногда полуоткрывая глаза, онъ слѣдилъ изъ подъ длинныхъ рѣсницъ за выраженiемъ лица Алексѣя, полулежавшаго рядомъ съ нимъ и возбужденно пересказывающаго ему подробности своей жизни за минувшие годы.

—Скажите, развѣ я не правъ? — закончилъ Алексѣй вопросомъ свой длинный разсказъ, всегда волновавшiй его сомнѣнiями чего то не вѣрно выполненнаго или не вѣрно понятаго.

— Да, случается, что испугавшись крутого подъема, человѣкъ сворачиваетъ съ тропы, ведущей въ гору и попадаетъ въ дремучiй лѣсъ, гдѣ тщетно и долго блуждаетъ. Или еще бываетъ такъ: — продолжалъ Свѣтловъ. — Видя приближенiе грозы и бури, люди медлятъ обойти домъ свой, чтобы закрыть всѣ окна и двери и этимъ оберечь свое жилище, и вотъ, врывается въ него гроза, опустошаетъ и сжигаетъ его, и тогда, удрученные горемъ и нищетой, люди принужденны строить новое жилище.

Свѣтловъ умолкъ и закрылъ глаза. Алексѣй задумался надъ только что слышанными словами и, примѣняя ихъ къ себѣ, испугался ихъ прозорливой истинѣ. Мысленно, шагъ за кагомъ, онъ отодвигался къ своему прошлому, и передъ нимъ вста-

вали картины его нерадѣнія къ жилищу святыни—къ душѣ своей, которая столько разъ опустошаясь блекла и опалялась грозами бурныхъ страстей.

Тихо было въ комнатѣ и на улицѣ. Лунные лучи, крадучись, одинъ за другимъ, незамѣтно выскальзывали за кисейную занавѣску, и комната постепенно темнѣла.

Алексѣй опустилъ на подушку взлохмаченную голову, въ которой картины минувшаго смѣнялись одна за другой, вызывая въ сердцѣ то боль, то обиду и раскаяніе. Онѣ сразу оборвались, какъ бы соскользнули въ пропасть...

Онъ проснулся, отъ того что въ открытое окно врывался свѣжій вѣтерокъ, и первые лучи солнца, скользя по лицу, слѣпили глаза сквозь закрытыя вѣки. Сразу вспомнивъ о Свѣтловѣ, онъ поднялъ вѣки и, не видя его рядомъ съ собой, оглядѣлся: его не было. Алексѣй сѣлъ на кровать, стараясь припомнить, когда же онъ ушелъ и сказалъ ли свой адресъ. Ему припомнилось ласковое прикосновеніе къ плечу и слова, произнесенныя нѣсколько разъ: я прійду къ тебѣ, но ты не забудь того, что обѣщалъ...

II.

Неожиданное свиданіе съ Свѣтловымъ яркимъ лучемъ прорѣзало тяжелую трудовую жизнь Алексѣя, вливъ душевную бодрость въ его глухую борьбу съ самимъ собой.

Какъ разъ это былъ періодъ, когда онъ, уставъ бороться и подавивъ внутренній протестъ, далъ волю страстямъ опустошившимъ всѣ плоды его упорной борьбы съ самимъ собой за предшество-

вавшіе годы. Онъ чувствовалъ, что создавшаяся въ немъ раздвоенность не только лишала его внутренняго равновѣсія и душевнаго мира, но становилась опасной, отодвигая его все дальше и дальше отъ идеала, который все же не переставалъ жить въ его душѣ.

Онъ всталъ позднѣе обычнаго, такъ какъ это былъ воскресный день. На душѣ было легко и радостно. Не заботясь о своей внѣшности, онъ быстро одѣлся, равнодушный къ нѣкоторой неряшливости своего костюма, къ нечищеннымъ ботинкамъ, смятому воротнику и запятнанымъ брюкамъ. Онъ вышелъ на улицу. Изъ набѣжавшей тучки только что вылился теплый дождикъ. Стоялъ свѣжій запахъ утра и прибитой пыли. Солнце уже опять сіяло, и небо было ясно. Углубленный въ свои мысли, онъ шелъ, разсѣянно глядя передъ собой, ступалъ по лужамъ и забрызгивалъ ботинки и низъ панталонъ, приводя ихъ въ еще болѣе неопрятный видъ.

Съ чувствомъ громадной любви къ Богу, никогда не угасавшей въ его душѣ, онъ вошелъ въ храмъ и, благоговѣйно, опустился на колѣни. Въ душѣ была огромная потребность общенія съ Богомъ. Въ боковомъ притворѣ совершалась глухая обѣдня. Онъ, горячо молясь, прослушалъ ее и, въ ожиданіи поздней обѣдни, съ проникновеннымъ глубокимъ раскаяніемъ, исповѣдался, отъ всего сердца укрѣпивъ себя въ рѣшеніи измѣнить отношенія къ любимой имъ женщинѣ. Въ храмѣ царила молитвенная тишина. Густые тягучіе аккорды несли въ высоту, вмѣстѣ съ звуковой волной, волну молитвеннаго подъема. Послѣ многихъ недѣль, Алексѣй причастился и, испытывая свѣтлую крылатую

радость, мысленно устремлявшую все его существо къ Богу, — вышелъ на улицу просвѣтленный и, какъ бы, обновленный. Ему было жаль, что именно въ эти счастливыя минуты рядомъ съ нимъ не было Свѣтлова.

Онъ вернулся домой и, какъ обыкновенно дѣлалъ это въ праздничные утра, прочелъ главу изъ Евангелія раньше, чѣмъ приготовилъ себѣ кофе. Каждое слово, особенно яркимъ согрѣвающимъ лучомъ, умиляя и радуя, падало въ его душу.

Маленькая бѣдная комната переполненная свѣтомъ солнца, казалась ему въ это утро необычайно милой, потому, что въ ней жило воспоминаніе минувшаго вечера. Ямка на подушкѣ еще хранила слѣды отъ головы Свѣтлова. Алексѣй, проходя мимо, провелъ ласковой рукой по этой смятой подушкѣ, съ мыслью о новой встрѣчѣ, о новыхъ бесѣдахъ.

Былъ первый часъ, когда онъ подымался по лѣстницѣ небольшой гостинницы. Какъ и всегда, онъ слегка волновался отъ мысли что сейчасъ увидитъ ее, но къ волненію этому примѣшивалась грусть, смягченная увѣренностью, что она все пойметъ, какъ надо.

Онъ едва постучалъ, какъ она немедля отозвалась.

— Алеша милый, какъ хорошо, что ты пришелъ раньше. Какъ разъ я думала о тебѣ.

Она отбросила шляпку, къ которой пришивала бантъ, встала съ кресла и обняла его.

— Цѣлыхъ два дня мы не видались съ тобой. Я такъ соскучилась по тебѣ.

Она не отнимала рукъ, обнимавшихъ его шею и смотрѣла на него преданнымъ взглядомъ большихъ

темнокарыхъ глазъ съ длинными загнутыми рѣсницами.

— Что же ты думала? — Онъ мягко розмялъ обнимавшія его руки и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Я думала о томъ, что все таки, въ концѣ концовъ, будетъ гораздо лучше, если мы устроимся вмѣстѣ. Или крошечную квартирку наймемъ, или поселимся въ одномъ отелѣ, а то видимся урывками, и нѣтъ полноты счастья въ сознаніи любви. А еще кромѣ того...

— Что же ты не договариваещь? Что — кромѣ того?

—Да такъ, вообще... — Что то раздумывая, она перебирала ленты недоконченнаго банта на соломенной шляпкѣ.

— Какъ я не люблю этихъ недоговоровъ! Говори же, въ чемъ дѣло?

— Онъ опять былъ здѣсь, Алеша, — не подымая глазъ робко произнесла она.

У него что то екнуло въ сердцѣ.

— Когда онъ былъ? — спросилъ онъ, подавляя непріятное чувство.

— Вчера днемъ.

— Чтоже онъ говорилъ?

— Все то же... что любитъ меня, что готовъ жениться хоть сейчасъ.

— Онъ же отлично знаетъ, что жениться не можетъ, такъ какъ ты не вдова. Я ему не вѣрю ни въ чемъ: онъ не хорошій человѣкъ. Зачѣмъ онъ лазитъ сюда? Зачѣмъ ты его принимаешь? Неуежели ты не понимаешь, что мнѣ это болѣе, чѣмъ непріятно. Конечно, если тебѣ это все равно...

— Что ты говоришь, Алеша! Вѣдь ты знаешь, какъ я тебя люблю... но что же мнѣ дѣлать? По-

стучится и входитъ. Вчера мнѣ было какъ то даже жутко съ нимъ: онъ такъ грубо меня за руку схватилъ, когда я сказала, что не хочу его видѣть. — Этого вы запрѣтить мнѣ не можете; я все равно къ вамъ буду приходить, — отвѣтилъ онъ. Я его знаю и увѣрена, что онъ будетъ настаивать на своемъ.

— Ну, это положимъ! — криво усмѣхнулся Алексѣй. — Я тебя не понимаю, Маруся: можно подумать, что ты, дѣйствительно, какой то ребенокъ. Каждая женщина находитъ способы отдѣлаться отъ назойливаго поклонника, а ты, какъ будто, боишься его. Выгони его разъ на всегда.

— Не могу я его выгнать, никакъ не могу... Ты забываешь, что это тянется съ самой войны, что я его выходила отъ смерти и поставила на ноги... что наконецъ, я многимъ ему обязана, и что...

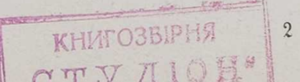
— Это ужъ я сто разъ слышалъ, — нетерпѣливо оборвалъ Алексѣй. Отъ его благодушнаго, радостнаго состоянія духа не оставалось и слѣда, потому что передъ рѣшеніемъ, безъ труда принятымъ наканунѣ, начинала выростать стѣна въ видѣ глухой ревности. Онъ заложилъ руки за спину и, чтобы успокоиться, сталъ, молча, ходить изъ угла въ уголъ. Каждый разъ, при нажимѣ на подгнивающую половицу, дребезжалъ стаканъ въ небольшомъ шкапикѣ, гдѣ стояла посуда.

— Господи, какъ это несносно! Переставь, пожалуйста, свои стаканы.

Она покорно встала и отодвинула стаканъ.

— Ты, кажется, не въ духѣ? Что нибудь случилось?

— Конечно, случилось. Развѣ ты сама не понимаешь, Маруся, что каждый визитъ къ тебѣ этого

типа меня глубоко огорчаетъ. Не за себя, а за тебя. Что у васъ тамъ было я знать не хочу... дѣло не въ прошломъ, а въ томъ, что онъ назойливо пристаетъ къ тебѣ, зная, что твое сердце не свободно.

— Онъ все таки увѣренъ, что женится на мнѣ и настаиваетъ на разводѣ, какъ настаивалъ и раньше.

— А на меня какъ же онъ смотритъ?

— Онъ говоритъ, что ты никогда не женишься на мнѣ. — Она покраснѣла и ниже склонила голову надъ работой. — Что же, Алеша, въ этомъ онъ вѣдь правъ.

— Онъ правъ, но не по тѣмъ причинамъ, которыя, вѣроятно, выставляетъ тебѣ. Я не могъ бы жениться на разведенной, ибо этимъ нарушилъ бы заповѣдь Христа, строго соблюдаемую Церковью, къ которой я принадлежу, а кромѣ того... ты вѣдь знаещь, что мои жизненные планы не совпадаютъ съ женитьбой.

Она нагнула голову еще ниже. Навертывавшіяся слезы туманили глаза и мѣшали работать.

— Если я не женюсь на тебѣ, то только потому, что между нами стоитъ нѣчто выше земныхъ страстей; онъ же если и женится на тебѣ, то все же безъ наличія настоящей любви, потому что человѣкъ онъ не хорошій и не добрый. Запомни слова мои: если ты не отстранишь его со своего пути, онъ тебя погубитъ.

— А онъ какъ разъ вчера говорилъ мнѣ, что ты ничего, кромѣ страданія, мнѣ не принесешь, — тихо произнесла она, силясь удержать слезы.

Онъ остановился, придвинулъ стулъ близко къ ея креслу, сѣлъ и положилъ ей руку на плечо:

— Маруся, пойми хорошенько, что я тебѣ скажу: страданіе страданію рознь. Если я и принесу ихъ тебѣ и себѣ, то они будутъ слѣдствіемъ благородныхъ чувствъ, слѣдствіемъ борьбы добра противъ зла, стремленіемъ къ высшимъ достиженіямъ. Это будетъ страданіе низменнаго за свободу духа въ добрѣ, а не во злѣ. Но отъ такихъ страданій ни ты, ни я не опустимся ниже,—наоборотъ: мы будемъ, страдая, подыматься выше и выше. Если же, избави тебя Господь, ты когда нибудь сойдешься съ этимъ человѣкомъ, то, погрузившись вмѣстѣ съ нимъ въ самую бездну низменныхъ страстей, будешь нести на себѣ крестъ его пороковъ. Я знаю, что онъ пьяница, а человѣкъ, который пьетъ — способенъ на что угодно.

— Онъ теперь совсѣмъ не пьетъ.

— Мало ли что онъ говоритъ — вѣрить ему нельзя.

— Какъ ты про него, такъ же и онъ про тебя говоритъ и увѣряетъ, что эгоистъ не онъ, а ты, что ты меня совсѣмъ не любишь, что напрасно я такъ привязалась къ тебѣ, такъ какъ ты все равно меня бросишь.

Она заплакала, закрывъ руками лицо.

— Маруся, Маруся, неужели ты сама не можешь разобраться гдѣ правда, гдѣ истинное чувство? Ну, положимъ, что онъ правъ, и что я эгоистъ, но вѣдь эгоизмъ этотъ не такого глубокаго характера, чисто житейскаго, не могущій ни оскорбить твоей души, ни сдѣлать тебѣ зла. Этотъ эгоизмъ унижаетъ меня же самого, но не можетъ вредить тебѣ. Вспомни, развѣ я когда нибудь обидѣлъ твою душу или чѣмъ нибудь оскорбилъ тебя? Развѣ я оставался безразличенъ къ твоимъ горес-

тямъ? Да, я эгоистиченъ, и это очень плохо, но если бы ты захворала или у тебя случилось бы горе, то я бросилъ бы все, чтобы быть подлѣ тебя.

—Ну, если онъ не правъ, если ты дѣйствительно сильно любишь меня и не хочешь, чтобы онъ являлся ко мнѣ, то устрой такъ, чтобы мы были вмѣстѣ, а то послѣ такихъ словъ его, мнѣ становится до того жутко, до того страшно, что вдругъ я останусь опять одна, какъ тогда... Нѣтъ, нѣтъ, я не могу и думать объ этомъ! Отталкиваю его, просто — гоню отъ себя, а вдругъ ты, и правда, оставишь меня?! Алеша, отъ этихъ мыслей у меня туманится разумъ, и я готова на что угодно, только бы знать, что наша любовь на всегда.

— Неужели ты такъ боишься жизни, что готова цѣпляться за кого угодно, лишь бы не быть одной?

— Не за кого угодно: за того, кого люблю я, и кто любитъ меня.

— А кто же тебя любитъ?

— Ты, а можетъ быть тоже и онъ, но я то люблю только тебя и... того далекаго, разлюбившаго меня. Но тотъ — какъ сонъ, какъ далекій сонъ, связанный со всѣми чудесными снами моей юности.

Она тяжело вздохнула и вытерла мокрые, отъ слезъ, глаза.

— Значитъ, если бы я умеръ или судьба вдругъ оторвала меня, и я долженъ былъ бы куда нибудь уѣхать, то ты не смогла бы остаться вѣрнымъ, любящимъ меня другомъ, потому что изъ страха остаться одной, склонилась бы на уговоры этого человѣка. Вѣдь такъ?

— Ахъ, я не знаю!... Я знаю только одно, что тоскую безъ тебя, и хочу быть съ тобой навсегда. Послушай, Алешенька, скоро здѣсь освободится де-

шевая комната, вотъ я и подумала, что было бы хорошо, еслибы ты ее взялъ.

— Когда освободится? — Спросилъ Алексѣй и въ ту же минуту удивился, зачѣмъ онъ задалъ этотъ ненужный вопросъ, такъ какъ внутри себя уже отрѣшился отъ связи съ нею.

— Черезъ двѣ недѣли.

Чтожъ, надо подумать, — произнесъ онъ, чтобы что нибудь отвѣтить.

Она встала, прильнула къ нему, обвила руками его шею и зашептала горячо и страстно.

— О, какъ будетъ хорошо! Вмѣстѣ, всегда вмѣстѣ... Не надо будетъ смотрѣть на часы, скрываться, торопиться, мучительно ждать, мучительно разставаться....

Въ его глаза смотрѣли большіе золотисто - каріе, ласковые и просительные глаза. Надъ алой и пухлой верхней губой темнѣлъ пушокъ, блестѣли ровные влажные зубы, алѣли щеки, прекрасна была линія темныхъ бровей и мягкая волна глянцевитыхъ волосъ, вѣнчающихъ чистый нѣжный лобъ. Все было притягивающе женственно и увлекательно страстно въ этомъ слабомъ женскомъ существѣ.

Алексѣй, такъ точно приготовившій весь разговоръ, такъ точно представлявшій себѣ все, что онъ ей скажетъ и какъ добьется того, что она, уразумѣвъ, съ грустной покорностью воспріиметъ и подчинится его доводамъ,—почувствовалъ въ самомъ себѣ полную неподготовленность и не находилъ нужныхъ словъ, чтобы высказать рѣшеніе, твердо принятое наканунѣ.

Она говорила ему о своей любви, о томъ, что

только съ тѣхъ поръ какъ онъ полюбилъ ее, она опять вполнѣ счастлива, зная, что нашла въ немъ истиннаго господина своего, съ которымъ ей жизнь не страшна.

— Если ты бросишь меня, Алеша, я погибну; я знаю навѣрное, что погибну, потому что у меня совсѣмъ нѣтъ воли. Когда тебя нѣтъ со мной, мнѣ всегда какъ будто чего то страшно.

— Чего же ты боишься?

— Сама не знаю... Боюсь жизни, боюсь, что ты меня мало любишь. Вчера, когда онъ началъ говорить о томъ, что все это у насъ съ тобой не на долго, — у меня просто умъ началъ мутиться.

— Онъ для того именно и говоритъ. Ты его поменьше слушай. — Алексѣй опять почувствовалъ въ себѣ приливъ раздраженія, — всегда вызываемый именемъ и вспоминаніемъ глубоко ему антипатичнаго человѣка.

— Врядъ ли онъ, вообще, кого нибудь любитъ,— пожалъ плечами Алексѣй.

Онъ провелъ съ нею весь день и хотя обаяніе ея красоты, какъ и всегда, волновало его, однако, мысли его были все время сосредоточены на воспоминаніяхъ минувшаго вечера, казавшагося какимъ то тихимъ, чудеснымъ откровеніемъ.

Начало вечерѣть. Въ открытое окно, въ которое врывался, вмѣстѣ съ жаркимъ днемъ, грохотъ и гомонъ улицы, потянуло прохладой, и шумъ началъ стихать. Онъ поднялся и взялся за шляпу. Она вскинула на него испуганные глаза.

— Я очень поздно легъ и страшно усталъ. Пріѣхалъ мой большой другъ, и мы бесѣдовали съ нимъ чуть ли не до свѣту, — проговорилъ онъ съ дѣланнымъ спокойствіемъ. Онъ чувствовалъ силь-

ное волненіе, больше всего страхъ, что не съумѣетъ справиться съ собой и уступитъ искушенію.

— Что жъ это, Алеша?! Ты никогда еще такъ рано не уходилъ.—Она стояла передъ нимъ съ лицомъ, сразу измѣнившимся отъ огорченія.

— Право же я усталъ, Маруся.

— Усталъ? А ты всегда говорилъ, что какъ бы ни усталъ, только подлѣ меня и отдыхаешь. Ты не думай, я не... — Она вспыхнула и отвернулась.

Онъ нѣжно взялъ ея руку и положилъ себѣ на грудь.

— Марусенька, у меня сегодня такъ сложно-сложно на душѣ и въ мысляхъ; если я останусь, то будетъ еще труднѣе. Не тебя я боюсь, а самаго себя.

— Это что же: разговоры съ другомъ? — Сейчасъ же отгадала она, руководимая женскимъ чутьемъ.

— Разговоръ съ другомъ только укрѣпилъ, — новаго ничего не внесъ.

— Алеша, не уходи... Ради Бога не уходи! Разскажи мнѣ въ чемъ дѣло. Иначе я буду всю ночь мучиться.

Онъ опустился на диванъ и притянулъ ее за руку, чтобы она сѣла съ нимъ рядомъ. Она охватила его шею руками.

— Ну, говори. — Темныя брови совсѣмъ сдвинулись и лицо приняло выраженіе страданія.

— Маруся, такъ жить, какъ мы съ тобой живемъ — очень большой грѣхъ. Для меня еще больше, чѣмъ для тебя.

Она вздрогнула, не сводя съ него немигающаго взгляда.

— Я полонъ глубокаго раскаянія о моемъ прош-

ломъ: оно такое грѣховное, такое пошлое. Разъ я это понялъ, я долженъ вести иную жизнь и поступать по законамъ Христа, строго осуждающаго отношенія подобныя нашимъ.

— Ну, что же ты рѣшилъ?

— Мы должны, Маруся, измѣнить ихъ.

— Ты хочешь меня бросить? — Вся кровь сразу отлила отъ ея лица.

— Господь съ тобой, милая! Совсѣмъ я этого не хочу.

— Я ничего не понимаю. Объясни, какъ слѣдуетъ.

— Что же тутъ объяснять! Будемъ любить другъ друга, но только иначе: вѣчной и неизмѣнной любовью.

— Алеша, да какъ же это иначе? Вѣдь не можемъ же мы любить другъ друга какъ братъ и сестра.

— Мы должны.

— Ты хочешь сказать: мы должны убить любовь?

— Не любовь, а страсть.

Она розняла руки и, опустивъ голову, задумалась.

Въ комнату вливались сумерки; тюлевая занавѣска тихо колыхалась.

Вмѣсто радостнаго подъема, котораго Алексѣй ожидалъ отъ себя, въ сердце, вмѣсто съ сумерками, вливалась тоска.

Послѣ долгаго молчанія, она спросила:

— Это тебѣ совѣтуетъ твой другъ?

— Онъ проситъ меня объ этомъ, потому что онъ любитъ Бога и любитъ меня.

— А что будетъ со мной, ему все равно?

— Нѣтъ, не все равно. Если мы побѣдимъ иску-

шеніе, то обоимъ намъ будетъ хорошо и радостно.

— И вотъ сегодня , ты уже рѣшилъ отдалиться отъ меня? — ея голосъ дрогнулъ.

— Если я останусь, — что жъ изъ этого выйдетъ?! Маруся, другъ мой дорогой, вѣдь я уже не разъ намекалъ тебѣ, что меня мучатъ наши отношенія, что я страдаю отъ сознанія грѣха, который лишаетъ меня возможности сліянія съ Христомъ... Отъ меня отлетаетъ радость духа, я не могу молиться, мои уста нѣмѣютъ. Что могу я Ему сказать въ свое оправданіе? Что могу я у Него просить, нарушая Его волю? Нѣтъ у меня больше чистыхъ восторговъ, нѣтъ подъемовъ души... Весь я въ земной пыли, весь сталъ сѣрый, съ тяжелыми мыслями, съ грубыми страстями.

— Съ грубыми страстями?! Это, значитъ, я. Значитъ, все изъ за меня?! Я покрыла тебя этой пылью, я отняла всѣ восторги?! Боже мой, Боже мой, а я такъ горячо благодарила Его за счастіе нашей любви, за радость, которую Онъ даетъ мнѣ въ сознаніи, что опять я не одна, что ты меня любишь. Значитъ, я творю грѣхъ и втягиваю въ него и тебя?

— Не ты, — мы творимъ грѣхъ, — твердо проговорилъ Алексѣй.

Она встала, подошла къ окну и долго, молча, глядѣла въ темнѣющее небо.

— Ну, что жъ дѣлать: значитъ, такая доля моя, — потухшимъ голосомъ произнесла она и повернулась къ нему лицомъ. Въ комнатѣ почти стемнѣло, и онъ не видѣлъ его выраженія.

— Тотъ, что приходилъ ко мнѣ вчера, былъ правъ: онъ предсказывалъ мнѣ, что ты бросишь меня.

— Онъ тебѣ предсказывалъ, и ты ему вѣришь?

Такъ пусть же онъ предскажетъ тебѣ и то, что выйдетъ изъ твоего довѣрія къ нему. — Алексѣй поднялся и гнѣвно направился къ дверямъ. Въ ту же минуту она бросилась къ нему и, упавъ на колѣни, обняла его ноги, приникла головой:

— Не уходи отъ меня такъ... я постараюсь понять... я постараюсь переработать себя...

Гнѣвъ у него сразу упалъ. Онъ сталъ увѣщевать ее, говоря о своей любви къ ней, о своихъ душевныхъ страданіяхъ. Она слушала молча, конвульсивно сжимая его руки и роняя слезы, которыхъ онъ въ темнотѣ не видалъ.

— Иди, Алеша, иди... — шопотомъ произнесла она, наконецъ, слегка отстраняясь отъ него.

Отъ этихъ словъ какъ будто кто то ударилъ его въ грудь.

— Иди же... — повторила она.

— Ты оскорблена... Ты не поняла меня.

— Нѣтъ, я все поняла. Я какъ то сразу устала. Уходи.

Въ немъ поднялась горячая волна мужского протеста. Онъ уже готовъ былъ протянуть руки, чтобы привлечь ее къ себѣ, но, сдѣлавъ надъ собой громадное усиліе, всталъ.

— Мы оба устали.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и, съ тяжелымъ сердцемъ, вышелъ.

Едва за нимъ закрылась дверь, она подошла къ кровати, упала лицомъ въ подушки и громко зарыдала.

III.

Алексѣй не отдохнулъ за ночь, такъ какъ мучительныя противорѣчивыя мысли мѣшали сну. Онъ тосковалъ, что Свѣтловъ ушелъ не оставивъ своего адреса, не давъ ему возможности не только прійти къ нему, но даже и написать. На работу — трудную, непривычную, безмѣрно утомлявшую и дергавшую его нервы несоотвѣтствующей его образованію и воспитанію, обстановкой, — онъ отправился съ усталымъ тѣломъ и печальной душой. Вернувшись домой, когда уже спадалъ жаръ, и суета большого города начала стихать, онъ, едва вошелъ въ комнату, увидѣлъ на столѣ письмо, издали узналъ почеркъ и, съ тревожнымъ сердцемъ, поспѣшно вскрылъ его:

« Я на все согласна, милый Алеша, только бы я знала, что ты, попрежнему, будешь около меня. Послѣ вчерашняго разговора, я чувствую себя очень несчастной. Жду тебя, а если не можешь прійти, то хоть напиши нѣсколько ласковыхъ словъ ».

... На все согласна... только будь подлѣ меня... — громко повторилъ онъ прочитанную фразу. Усталый, запыленный заводской копотью, онъ опустился на стулъ и задумался. Не такого результата отъ разговора съ ней желалъ онъ. И, въ то же время, могъ ли онъ расчитывать на нѣчто иное? Когда страсть стихала, уступая мѣсто разсудку и твердой критикѣ, онъ видѣлъ Марію такою, какова она была: ограниченной, пассивной, безвольной, мало образованной, крайне чувственной, но кроткой и глубоко ему преданной. Она любила его, не

критикуя и не разсуждая. Любила здоровой молодостью, безъ всякихъ иныхъ запросовъ, кромѣ запросовъ своей плоти, которые она считала вполнѣ законными, разъ они отвѣчали чувствамъ сердца .

Онъ, считавшій себя очень умнымъ, будучи образованъ, умѣя мыслить, критиковать и углубляться въ самого себя, не смотря на все это, стоялъ на мертвой точкѣ и не могъ совладать съ собой, а отъ Маріи — ограниченной и пассивной — ждалъ какихъ то горячихъ порывовъ къ борьбѣ со страстью, которую она не только оправдывала, но и считала высшимъ своимъ благомъ. Если онъ понималъ, что отношенія ихъ преступны передъ Богомъ, то долженъ былъ стать въ роль учителя, а не ждать отъ нея, непосильной для ея натуры, помощи.

И вдругъ ему пришла въ голову тревожная, больная мысль: а что если его старшій братъ правъ, называя его упрямымъ фантазеромъ, вбившимъ себѣ въ голову, гордыни ради, протестъ противъ своей родной церкви.

... — Еще и не такъ усложнишь свою жизнь... съ самаго дѣтства привыкъ все дѣлать по своему, наперекоръ общему мнѣнію. Вотъ и достукался до послѣдней крайности, — говорилъ ему братъ.

— Упрямецъ ли?... Фантазеръ ли?... — спрашивалъ себя въ эту минуту Алексѣй. Да, онъ ждалъ почему то отъ Маріи не только одного покорнаго согласія, но и горѣнія въ борьбѣ со страстями, которыя она считала единственнымъ для себя счастіемъ. Она не раздѣляла, потому что не понимала его стремленій. И самъ онъ, все понимающій въ своихъ намѣреніяхъ, развѣ того онъ ждалъ отъ

себя? Гдѣ же его горѣніе? Почему же послѣ вчерашней первой побѣды надъ самимъ собой, почему сегодня онъ такъ вялъ духомъ, такая грусть въ сердцѣ? Гдѣ же желанные подъемы и восторги? Нѣтъ ихъ... Гдѣ то глубоко въ мысляхъ, какъ будто запрятано даже сожалѣніе, что собственной рукой онъ начинаетъ ощипывать пышный букетъ своей единственной радости въ этой тусклой жизни усталаго душой эмигранта. Растопчатся цвѣты любимаго букета, а что же на смѣну имъ?...

Печаль и усталость всего тѣла, всѣхъ мыслей и души?! Алексѣй ниже поникъ головой, запустивъ закопченные пальцы въ, падавшіе на лобъ, прямые пряди волосъ.

— Нѣтъ, еще далеко до побѣды... Это только первый болѣзненный шагъ. Когда начнется побѣда, тогда начнется измѣненіе въ самомъ себѣ, а вмѣстѣ съ нимъ явится радость и покой.

Онъ зналъ, что рядомъ съ физической усталостью, глухая тоска по Россіи, по всему, съ чѣмъ была связана его прежняя жизнь, давно ткала въ душѣ сѣрую паутину, и все что окружало его, и что было въ немъ выявлялось, сквозь эту паутину, тусклымъ и печальнымъ. Онъ былъ одинокъ, потому что избѣгалъ встрѣчаться съ людьми. Ихъ отношеніе, полное оскорбительныхъ подозрѣній къ его новымъ чистымъ вѣрованіямъ, причиняло ему большое, хотя и скрытое, страданіе. Въ такія минуты тоски, уже не въ первый разъ, онъ падалъ духомъ, и душа его начинала метаться, какъ раненная птица.

— Господи, Христосъ - Спаситель, помоги... укрѣпи! — шепталъ онъ и крестился, испытывая почти физическія страданія.

Нервный и порывистый, онъ сталъ торопливо мыть закоптѣлыя руки и лицо и переодѣваться, рѣшивъ пойти къ Маріи. Лукавой мыслью онъ увѣрялъ себя, что поговоривъ съ нею, онъ тѣмъ самымъ укрѣпитъ себя самого.

— Зачѣмъ, зачѣмъ Свѣтловъ не оставилъ мнѣ своего адреса! — съ тоской, думалъ онъ.

Пока онъ ѣхалъ въ трамваѣ, разсѣянно читая газету, мысли продолжали работать въ томъ же направленіи: Марія и Свѣтловъ. Пестрое уличное движеніе какъ бы впитало въ себя долю ноющей тоски. Онъ сошелъ съ трамвая, но, вмѣсто того, чтобы идти прямо къ Маріи, направился къ дому брата.

Братъ Григорій, старше его, всѣми признаваемый за очень умнаго, потому что у него была острая, легко воспринимавшая память, въ душѣ очень любилъ Алексѣя, но считалъ его человѣкомъ неуравновѣшеннымъ и неразумнымъ. Онъ относился къ нему немного свысока, не отдавая себѣ отчета, что Алексѣй былъ и умнѣе, и цѣльнѣе его.

— Хорошо, что пришелъ. Какъ разъ я думалъ сегодня о тебѣ и даже собирался навѣстить тебя,— встрѣтилъ онъ Алексѣя. — Садись, садись. Что новаго? Отчего такъ давно не заходилъ? Я ужъ думалъ, ты опять обидѣлся за послѣдній разговоръ.

— Нѣтъ... Что жъ обижаться! — мягко улыбнулся Алексѣй.

— И правильно. Нельзя же на все молчать. Вотъ у меня на дняхъ былъ отецъ Павелъ. Цѣлый вечеръ проговорили. Умный онъ и начитанный человѣкъ.

— Начитанный, да безъ толку и не того, что слѣдуетъ, а потому и односторонній.

— А ты сейчасъ и съ критикой. Экій у тебя языкъ!

— Да вѣдь самъ же ты сказалъ, что нельзя на все молчать.

— Ну, хорошо ужъ, оставимъ. Отецъ Павелъ много о тебѣ говорилъ и жалѣлъ, что ты его не навѣщаешь.

— Не хочу компрометировать, — усмѣхнулся Алексѣй.

— Вотъ ужъ глупости! Всѣ его знаютъ: скала, съ мѣста не сдвинется.

— И не такія скалы Господь съ мѣста сдвигалъ.

— Если и сдвигалъ, то не для такихъ дѣлъ: не для соблазна.

У Алексѣя сдавило въ горлѣ, что было признакомъ раздраженія или гнѣва. Онъ хотѣлъ возражать, но преодолѣлъ себя и промолчалъ.

— Что жъ, купилъ себѣ сапоги и новую шляпу? — спросилъ Григорій.

— Денегъ нѣтъ.

— Вотъ такъ штука! А католики твои что же смотрятъ? Для такихъ какъ ты, они народъ щедрый, — лукаво усмѣхнулся братъ.

Алексѣй стиснулъ зубы, подавилъ гнѣвъ и спросилъ съ наружнымъ спокойствіемъ:

— А ты откуда это знаешь? По опыту развѣ?

— По опыту!... Я не переходилъ въ католичество, — презрительно пожалъ плечами Григорій.

— Такъ откуда же у тебя эти свѣдѣнія?

— Всѣ говорятъ, значитъ — знаютъ.

— Всѣ говорили, что ты привезъ съ собой, по-

слѣ эвакуаціи, какія то суммы изъ полкового ящика.

—Подлость!... Ни на чемъ не основанная клевета! Ты знаешь, что я пріѣхалъ безъ гроша. Я плюю на такія подлыя подозрѣнія! — вскипѣлъ Григорій.

— Правильно поступаешь. Я дѣлаю такъ же, какъ и ты; а напомнилъ тебѣ этотъ непріятный эпизодъ въ отвѣтъ на твою фразу, что всѣ говорятъ.

Григорій промолчалъ. Воспоминаніе о клеветѣ безъ всякаго основанія, брошенной противъ него, сразу разстроило и взбудоражило его. Онъ принялся нервнымъ короткимъ шагомъ отмѣривать комнату. Коренастый, крѣпкій, подвижной, съ коротко остриженными волосами на квадратной головѣ, съ бѣгающими, хитровато - умными глазами, съ тяжелой, какъ и у брата, линіей рта, онъ былъ некрасивъ и не располагалъ къ себѣ тѣхъ, кого не тянули ночные кутежи или безтолковое времяпрепровожденіе за бутылкой вина или водки, среди пошлыхъ и вредныхъ сплетенъ, подобно плевеламъ, выростающихъ среди эмиграціи.

— А что Марія Игнатьевна? Цвѣтетъ и хорошѣетъ? — прервалъ онъ долгое молчаніе.

— Какъ всегда, — нехотя отвѣтилъ Алексѣй.

Григорій бросилъ на него зоркій взглядъ.

— Ужъ не поссорился ли ты съ ней? Это будетъ верхъ глупости. Этакая красотка, и чуть не молится на тебя — урода. Сестрица ея тебя бы живо въ бараній рогъ скрутила, а эта — ходячая кротость. Не дури съ ней, Алешка. Такихъ милыхъ женщинъ мало. Жениться бы тебѣ на ней и сталъ бы человѣкомъ.

— Что это ты сегодня поучать меня вздумалъ? Не отецъ ли Павелъ наставилъ тебя?

— А что жъ, отецъ Павелъ умница, философію изучилъ хорошо.

— Исключительно протестантскую, какъ и все православное духовенство.

— Экій у тебя языкъ! Нѣтъ - нѣтъ, а ввернешь словцо.

— Да вѣдь это правда....

Сидѣли, курили. Въ окно врывались назойливые звонки трамваевъ. Говорить было не о чемъ, а кромѣ того Алексѣй зналъ, что всякій разговоръ неминуемо приведетъ къ одной и той же точкѣ, на которой враждебно сталкивались ихъ взаимно непримиримыя воззрѣнія. Алексѣй скоро ушелъ и, борясь съ искушеніемъ, потянувшимъ его къ Маріи, рѣшилъ по дорогѣ къ ней сдѣлать большой крюкъ.

На бульварѣ, засаженномъ, вдоль панелей, густыми каштанами, сновала пестрая толпа. На зеленыя шапки листвы спускалась дымка сумерокъ, и зелень казалась цвѣта темнаго кобальта. Зажглись длинными радостными вереницами немигающіе огни электрическихъ фонарей. Витрины магазиновъ врывались огненнымъ крикомъ въ уличный гомонъ. Высоко на стѣнахъ домовъ перемигивались яркоалыя огневыя рекламы, ослѣпительно бьющія въ глаза, настойчивые глашатаи жизненной ярмарки, гдѣ все кричитъ, нагло зазываетъ и, отнимая, ничего не даетъ. Блестѣлъ, глянцемъ покрытый, накатанный, асфальтъ, отражавшій волны уличнаго свѣта. Въ этой пестрой ярмаркѣ жизни, похожей извнѣ на веселый праздникъ, Алексѣй, скользя внимательнымъ взглядомъ по лицамъ прохожихъ, от-

гадывалъ ихъ горести и заботы, подобныя, въ той или иной формѣ, своимъ собственнымъ. Онъ остановился у перилъ моста потемнѣвшей рѣки, упруго колыхавшей въ каменномъ ложѣ отраженія уличныхъ фонарей, опоясывавшихъ колеблющимся ожерельемъ ея дремотное теченіе.

Его взгляду, преодолѣвшему сумракъ тѣней, спустившихся на землю, предсталъ легкій и стройный, подобно повисшему надъ землей аккорду, силуэтъ храма Богоматери, съ двумя квадратными башенками. Звѣздные міры, изъ подъ опущенныхъ стрѣльчатыхъ рѣсницъ, взирали съ высоты на храмъ. Казалось, что тамъ на потонувшей въ полутьмѣ площади, рѣяли вокругъ храма иныя благостныя тѣни, преграждавшія доступъ ненужной, перегружающей душу — суетѣ.

Алексѣй медленно пошелъ вдоль каменной ограды рѣки и слился съ тѣнями. У рѣшетки храма онъ остановилс, опустивъ голову и сталъ молиться. На сердцѣ свѣтлѣло, цѣпкая паутина тоски растворялась въ мысляхъ о Немъ, въ желаніяхъ найти путь къ Нему.

Передъ нимъ сіялъ огнями шумный муравейникъ, далекій и чуждый его стремленіямъ. Тропа, ведущая къ этому пестрому лубочному миражу, начинала заростать непроходимой травой. Безъ словъ, онъ отрекался отъ него. Обвѣянный благостными тѣнями спустившейся съ небесъ ночи, вливавшей въ его душу тихое сіяніе лампадъ сапфироваго купола, онъ, волей Провидѣнія, принималъ въ эти вѣщія минуты какое то, еще невѣдомое ему, высокое, трудное, жертвенное посвященіе.

Душа его, какъ полыхающее пламя, разгоралась, сердце то сжималось и замирало, то вдругъ рас-

ширялось и рвалось прочь, отстукивая быстрые удары. Онъ снялъ шляпу и поднялъ благодарный, покорный взглядъ:

—Слышу голосъ Твой... слышу, Господи...

Кто то тихо прошелъ мимо него, но онъ не шелохнулся, не опустилъ взгляда. Шаги удалялись... Онъ вздохнулъ, будто очнулся отъ чудеснаго забытья, посмотрѣлъ въ сторону удалявшихся шаговъ и мгновенно воспринялъ внутреннимъ чутьемъ, что мимо него прошелъ Свѣтловъ. Взволнованный, обрадованный, онъ бросился по направленію удалившихся шаговъ, завернулъ въ одну и другую улицу, но Свѣтлова не было.

Съ тихимъ сердцемъ и ясной душой онъ вернулся домой въ свою одинокую комнату, показавшуюся ему мирной кельей, зажегъ свѣчку и, при ея колеблющемся желтоватомъ огонькѣ, раскрылъ старую большую Библію.

IУ.

Свѣтловъ не появлялся. Алексѣй, каждое утро, передъ тѣмъ, какъ отправиться на работу, заходилъ въ церковь. Онъ сохранялъ ясность и силу души, помогавшія ему не нарушать даннаго себѣ слова въ отношеніяхъ съ Маріей. То, что она бывала грустна, иногда плакала и заставляла его повторять, что онъ по прежнему любитъ ее и самъ страдаетъ въ борьбѣ съ собою, — поддерживало въ немъ силы, подтверждая очевидность ея любви. Утѣшая, успокаивая и увѣщевая ее, онъ становился въ роль наставника, тѣмъ самымъ укрѣпляя и увѣщевая самого себя.

Марія, боясь его отдаленія, пришла, мало по

малу, къ состоянію покорнаго подчиненія. Она больше не заговаривала объ освобождающейся комнатѣ въ ея отелѣ, не упрекала его въ охлажденіи, не жаловалась на свою тоску.

Какимъ то неуловимымъ чутьемъ женскаго лукавства, она поняла, что вернуть его къ себѣ можно не слезами и жалобами, но спокойствіемъ и еще вѣрнѣе, собственнымъ мнимымъ отчужденіемъ.

Она начала увѣрять его, что встрѣчи съ нимъ не даютъ ей возможности успокоиться, что ей необходимо побыть одной, чтобы привыкнуть къ мысли, что онъ отъ нея ушелъ.

— Не ушелъ, Маруся, — досадливо перебивалъ онъ ее, — я только отошелъ, чтобы тѣснѣе слиться духовно.

Но она не соглашалась:

— Называй это какъ хочешь; фактъ остается тотъ же. Пожалуйста, не приходи ко мнѣ нѣкоторое время. Такъ будетъ лучше.

— Это для чего же?

— Чтобъ пріучить себя и успокоиться.

Въ немъ пробудилась подозрительная тревога:

— Совсѣмъ не нужно принимать такихъ крутыхъ мѣръ.

Едва онъ выговорилъ эти слова, какъ внутри себя Марія уже торжествовала, увѣренная, что ходъ ея оказался вѣрнымъ, что побѣда будетъ на ея сторонѣ: въ голосѣ Алексѣя она уловила тревожную подозрительность.

— Алеша, я знаю, что мнѣ такъ будетъ легче. Ты сильнѣе меня и тобой руководитъ твоя личная воля, тогда какъ я вѣдь только подчиняюсь ей, совершенно не сочувствуя твоимъ вымысламъ.

— Неужели ты не понимаешь, Маруся, какая

сложная и мучительная внутренняя работа заставляетъ меня такъ поступать?

— Алеша, ты не сердись на меня, но я не раздѣляю этихъ мыслей. Къ чему вся эта ломка чувства, ломка, и безъ того горькой, жизни?

Алексѣй схватился за голову:

— Не понимаетъ!... — про себя проговорилъ онъ.

— Что дѣлать, — я не виновата. Я не переходила въ католичество и потому вижу жизнь такъ, какъ видѣла ее до сихъ поръ.

— Не понимаешь... вижу, что совсѣмъ не понимаешь... — горестно повторялъ онъ. Опять католичество, опять этотъ камень преткновенія. Но, пойми хоть то, Маруся, что вѣдь сила, высота и красота духа на моей сторонѣ, въ моемъ рѣшенiи; значитъ, и истина на моей сторонѣ. Грѣхъ, пойми, что грѣхъ это!

— Я не утверждаю, что не грѣхъ, но... могъ бы быть разводъ; прошло шесть лѣтъ, и разводъ допустимъ за давностью лѣтъ.

— Грѣхъ, говорю тебѣ еще разъ, что грѣхъ! — загремѣлъ вдругъ Алексѣй, размахивая руками, какъ вѣтрянная мельница, и неуклюже топчась на мѣстѣ. — Вѣдь ты знаешь, что мужъ твой живъ... нельзя раздѣлать таинства. Не на землѣ, а на небѣ связано... какъ же второй разъ повторять таинство брака при живомъ мужѣ? Нельзя закрывать глаза и затыкать уши! Прочти въ Евангелiи.

— Наша церковь...

— Да что тутъ церковь! — раздражаясь все болѣе и болѣе, перебилъ Алексѣй. — Никакая церковь! Тутъ слова Христа, законъ Его и все тутъ. Мало ли, что священники попускаютъ въ угоду чрезмѣрной чувственности нашей натуры. Пота-

кательство! Грѣхъ и грѣхъ, и все тутъ, и никакихъ! Попы придумали, что чѣмъ такъ, молъ, будутъ сожительствовать втихомолку, такъ пусть лучше разводъ, и одинъ, и другой, а пожалуй, и третій. И въ первомъ случаѣ грѣхъ прелюбодѣянія и во второмъ тотъ же грѣхъ прелюбодѣянія, да еще съ разрѣшенія церкви, расторгающей нерасторжимость брака. А ихъ дѣло долбить и долбить, что бракъ дѣло святое, что семья, дѣти — это таинство, а не услажденіе плоти. Конечно, не легко бороться съ плотью, а ты борись, борись и знай, что съ таинствомъ не шутятъ.

Алексѣй захлебывался, заикался, махалъ руками, то наступалъ на Марію, то отступалъ и топтался на мѣстѣ, негодуя, не находя достаточно вѣскихъ убѣдительныхъ словъ.

— Не могутъ же всѣ люди жить какъ святые, — пожала плечами Марія.

— Вотъ именно потому что не могутъ, потому и должна церковь блюсти законъ Христа и свой авторитетъ. Вотъ и я грѣшу, иду противъ закона Христа, а слѣдовательно и противъ закона церкви своей, но я страдаю отъ этого сознанія, я борюсь, а ты вотъ...

— Что я? Развѣ я настаиваю? Ты самъ видишь, что я хочу помочь тебѣ, разъ ужъ ты такъ рѣшилъ. Я говорю тебѣ: не будемъ нѣкоторое время видѣться.

— Зачѣмъ же крайности? Зачѣмъ усложнять?

— Для меня это будетъ легче. Я хочу отвыкнуть отъ тебя.

Алексѣй, молча, посмотрѣлъ на Марію. Ему сталъ непріятенъ ея спокойный тонъ и настойчивое, хотя какъ будто и разумное, желаніе.

Прошло нѣсколько дней. Она не приходила, не писала и не звала его къ себѣ. Онъ началъ испытывать приливы острой ревнивой подозрительности. Переждавъ нѣсколько дней, не имѣя силъ справиться съ мучительнымъ желаніемъ увидѣть Марію, онъ написалъ ей, прося пріѣхать въ тотъ же вечеръ и долго, съ напряженной лихорадочностью, ожидалъ ее. Она не пріѣхала. На слѣдующій день онъ получилъ отъ нея записку, что одиночество ее успокаиваетъ, и она проситъ его не пріѣзжать къ ней, пока она его не позоветъ. Онъ никакъ не ожидалъ отъ нея такой настойчивости. Окрѣпло подозрѣніе, что ея рѣшеніе поддерживается чужой волей. На слѣдующій вечеръ онъ поѣхалъ къ ней, не засталъ дома, больше часу ходилъ по улицѣ, зашелъ вторично, все такн не засталъ и вернулся къ себѣ раздраженный и огорченный, съ чувствомъ затаенной ревнивой злобы на нее и на того, кого давно и упорно не любилъ. Ночь онъ провелъ плохо. Она тянулась долго, съ тяжелыми мыслями, уязвленными глухой ревностью. Утромъ онъ рѣшилъ не пойти на работу, такъ какъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ.

Съ нехорошими мыслями онъ отправился къ Маріи. Онъ встрѣтилъ ее на лѣстницѣ. Она торопливо спускалась, особенно красивая въ бѣломъ платьѣ и черной шляпкѣ, съ большими, какъ у газели, ласково глубокими глазами, съ тонкими нѣжными линіями на матовомъ лицѣ.

Отъ неожиданности встрѣтить его, она вспыхнула. Алексѣю показалось, что она,какъ будто, испугалась.

— Ты что же: недовольна видѣть меня? — усмѣхнулся онъ, пытливо глядя ей въ глаза.

— Нѣтъ, но я не думала, что ты нарушишь наше условіе.

— Я его и не заключалъ. Ты надолго уходишь?

— Я по дѣламъ ѣду и, вѣроятно, задержусь.

— Дай мнѣ ключъ. Пока ты вернешься. я подожду тебя.

Она хотѣла что то сказать, но увидѣла его утомленное поблѣднѣвшее лицо, опустила глаза и протянула ключъ.

— Ты со службы?

— Нѣтъ, я не пошелъ: у меня голова болитъ.

— Ты прилягь у меня. Я потороплюсь.

Онъ поднялся къ ней. Въ ея атмосферѣ ему стало сразу легче. На креслѣ была брошена недоконченная работа, у кровати на стѣнкѣ висѣлъ желтый съ красной каймой халатъ, особенно ярко всколыхнувшій въ немъ рой дорогихъ, любимыхъ переживаній... На ночномъ столикѣ, рядомъ съ иконкой Спасителя, стояла пудренница, флаконъ съ одеколономъ и, въ овальной рамкѣ, фотографія бросившаго ее, любимаго до сихъ поръ, мужа, далекаго въ пространствѣ и времени, какъ незабываемый яркій сонъ.

Алексѣй протянулся на узкомъ диванѣ и, блуждая глазами по хорошо знакомымъ предметамъ, на которыхъ лежалъ отпечатокъ ея жизни, интимно - милой его сердцу, погрузился въ мысли, съ которыми онъ все это время не разставался: какъ повернуть свою жизнь такъ, чтобы не нарушалась гармонія внутреннихъ переживаній съ ея внѣшними проявленіями.

— Если бы я зналъ, чего хочетъ отъ меня Богъ, я бы нашелъ силы въ себѣ выполнить волю Его... — повторялъ Алексѣй, засѣвшую въ голову мысль,

но тотчасъ же вспомнилъ сказанныя ему однажды Свѣтловымъ слова: если въ сердцѣ и въ малѣйшемъ поступкѣ вы не будете идти противъ словъ Христа, то этимъ самымъ познаете волю Отца небеснаго.

— Въ малѣйшемъ поступкѣ! — думалъ Алексѣй. — Какъ это трудно. Жизнь въ мірy среди людей, — что ни шагъ, что ни слово — соблазнъ. Монастырь... послушаніе, духъ смиренія и кротости... ахъ, трудно и тамъ. Гдѣ же легко? Уединиться, уйти отъ людей? Куда? Какъ? Если совсѣмъ отъ людей, значитъ, на подвижничество.

Онъ силился воспроизвести реальную картину удаленія отъ міра: представилъ себѣ гдѣ то въ лѣсу срубленный шалашъ, теплыя лѣтнія зори, росныя травы, шорохи природы, прямые стволы, то въ зеленоватомъ сіяніи луннаго свѣта, то облитые красной мѣдью закатовъ... Скудное питанье милостыней, вѣтхая одежда, огрубѣлая кожа... Все это ничего. А вотъ, — дожди, вѣтры, сырость, гніющій желтый листъ... Оголенный лѣсъ... стужи .. ревматизмъ въ костяхъ или зубная боль, недуги, тоска одиночества, тоска духа и плоти.

— Нѣтъ, я не готовъ для такого подвига. Я жажду одиночества, а не могу отойти отъ влекущей меня женщины. Неужели, не могу?! Что же это: слабость плоти или только сердечная потребность любви?

Напряженной мыслію, ища отвѣта, онъ добился того, что вызванный въ воображеніи образъ Маріи, очищенный отъ женски - плотскаго, явился передъ нимъ какъ бы въ образѣ сестры, ласково и просто любимой. И тотчасъ же онъ понялъ, что чистая любовь, любовь не по плоти, а по духу, не

боится ни времени, ни пространства, ибо любовь эта безплотна, она рождена и включена въ вѣчности.

— Не обманывай себя, не говори, что любишь ради ея счастія, — упрекнулъ себя Алексѣй.

— Что же надо сдѣлать, чтобы изъ грѣховной любви создать чистую? Только одно: удалиться, — отвѣтилъ себѣ Алексѣй и тяжело вздохнулъ, ибо съ какого конца ни начиналъ бы думать, неминуемо подходилъ къ одной и той же точкѣ.

Солнечный лучъ медленно - медленно подбирался къ салфеткѣ, прикрывавшей на столѣ чайный приборъ. Алексѣй слѣдилъ, какъ освѣтился край салфетки и, вскорѣ, всю ее осыпало золотомъ.

— Вотъ, такъ бы и мнѣ изъ тѣни къ свѣту... — Онъ закрылъ глаза, стараясь ни о чемъ больше не думать и вскорѣ задремалъ, усталый послѣ безсонной ночи.

— Видишь, какъ я скоро, — раздался грудной голосъ Маріи.

Пока онъ собирался съ мыслями послѣ легкаго дремотнаго сна, она наклонилась и поцѣловала его въ лобъ. На него пахнуло тонкимъ, дурманнымъ ароматомъ волосъ и разгоряченнаго тѣла. Изъ подъ шляпки возбужденно и радостно смотрѣли на него огромные ласковые глаза. Онъ, привычнымъ движеніемъ, положилъ руку вокругъ ея стана.

— Можетъ быть, ты хочешь, чтобъ я ушелъ? Вѣдь я же пришелъ безъ зова... ты скажи, я уйду... — улыбнулся онъ.

— Не уходи... — Она опустилась подлѣ него на колѣни и прижалась горячей щекой къ его щекѣ.

— Милый, всегда желанный... люблю, только тебя одного люблю... горитъ сердце мое только тобой однимъ...

— За что ты такъ любишь меня, Маруся? —

Онъ снялъ ея шляпку и отбросилъ на сосѣднiй стулъ. — Ну, скажи, за что? Вѣдь я же некрасивый, а ты вотъ настоящая красавица. — Онъ сталъ гладить ея блестящiе темные волосы, чувствуя, какъ плотнѣе прижималась она къ нему щекой и грудью.

— За что? Не знаю, за что. Вѣроятнѣе всего за то, что у тебя глубокая душа, за то, что ты чувствуешь чужое горе. И мое горе понялъ тогда, насквозь почувствовалъ и былъ бережливъ ко мнѣ и остороженъ съ душой и съ сердцемъ моимъ. За то и люблю я тебя до самаго дна моей души, за то и отдала тебѣ сердце мое на вѣки. Алеша, Алеша, не уходи отъ меня... молю тебя, — не уходи! Если оставишь, — я не знаю, что станется со мной. Вѣдь я такъ безпредѣльно, такъ глубоко и страстно люблю тебя, желанный мой, родной мой, дорогой... Алеша — солнце мое, моя единственная радость... вѣдь передъ Богомъ мы какъ мужъ и жена.

Марiя порывисто обняла его шею и стала покрывать поцѣлуями его лицо, стала цѣловать его губы.

— Маруся, Маруся, подожди... пожалуйста, Маруся... — у него начала кружиться голова и темнѣть въ глазахъ, а она все жарче и жарче обнимала и цѣловала его.

Поздно вернулся въ свою комнату Алексѣй. Въ раскрытое окно видна была сапфировая глубина, торжественная и безмолвно - таинственная, все разростающаяся, все углубляющаяся. Изъ подъ

стрѣлчатыхъ рѣсницъ глядѣли кроткія, какъ будто опечаленныя, очи невѣдомыхъ силъ, лампады небесъ, свѣтильники у престола Его...

Не зажигая огня, бросивъ пальто и шляпу, Алексѣй остановился серди комнаты, взглянулъ не небо, схватился руками за голову, сжалъ зубы отъ нестерпимой душевной боли и, глухо застонавъ, повалился ничкомъ на кровать.

У.

Слѣдующій день онъ провелъ въ тоскѣ, озлобленіи и глубокой ненависти къ себѣ. Какъ бы наслаждаясь болью, самому себѣ причиняемой, онъ нарочно выуживалъ изъ своего прошлаго все, что было гадкаго и низкаго. Вспоминалъ пошлые кутежи съ пьянствомъ, позорныя отношенія къ женщинамъ, скупость и безразличіе къ ближнему, пустое тщеславіе, погоня за показнымъ, бьющимъ въ глаза, глупое хвастовство передъ тѣми, кому онъ втайнѣ завидовалъ. Все глубже и глубже его охватывало чувство брезгливости къ самому себѣ. Ему противно было видѣть въ зеркалѣ отраженіе своего блѣднаго лица, казавшагося ему отвратительно безобразнымъ. Если на работѣ съ нимъ заговаривали, онъ отвѣчалъ односложно или упрямо отмалчивался.

Поздно вечеромъ, когда онъ, полураздѣтый, собирался сѣсть за книгу, постучались въ дверь, и вошла Марія. Лицо ея было блѣдно, глаза странно горѣли.

— Что случилось? Такъ поздно?! — Не отдавая себѣ отчета, онъ лихорадочно началъ натягивать

на себя куртку, чувствуя, что опять передъ нимъ пропасть.

— Не знаю, что со мной... Я не могу оставаться долго одна... безъ тебя тоска. Не могу жить, не могу дышать безъ тебя...

Потянулись странные дни и ночи. Все спуталось въ какой то огненный, обжигающій душу комокъ. Алексѣй пересталъ ходить въ церковь, хотя мысль о Богѣ, Котораго онъ оскорблялъ сознательнымъ неповиновеніемъ, неотступно стояла передъ нимъ; въ душѣ мучительно стонало:

— Простишь ли? Помилуешь ли?...

Все ниже, все глубже погружался онъ въ кипящую лаву плотской страсти и, въ мучительной раздвоенности, съ сатанинской злобой хохоталъ надъ своей слабостью, надъ безвольнымъ подчиненіемъ плоти, которую тѣшилъ и, въ то же время, глубоко ненавидѣлъ и презиралъ.

Въ минуты безудержнаго разгула страсти, онъ дѣлался грубъ и зло требователенъ, какъ бы вымѣщая на Маріи свое сознательное паденіе. Онъ ждалъ отъ нея протеста, ждалъ неподчиненія, но она, покорная и преданная ему, склонялась все ниже и ниже.

— Уѣдемъ... уѣдемъ... — шептала она ему... — далеко, чтобы забыть все и всѣхъ. .

— Ты съ ума сошла?! На какія деньги и куда?

— Я продамъ свое жемчужное колье. Не нужно оно мнѣ. За него много дадутъ. Уѣдемъ въ Италію... спрячемся тамъ... я знаю чудесныя мѣстечки... ну, скажи мнѣ да, скажи, что ты согласенъ, — умоляла она, обдавая его отравой желаній

— Жить на твой счетъ, безъ собственнаго гроша?! Погоди... я еще не окончательно упалъ... а

впрочемъ уже близко и къ этому, — криво улыбнулся Алексѣй. — Если бы ты нашла такой уголъ на земномъ шарѣ, гдѣ бы я могъ уйти отъ себя самого, я бы поѣхалъ съ тобой.

— Развѣ ты не счастливъ? — Она подняла на него испуганный вглядъ.

— Оставимъ это, — болѣзненно наморщились его брови, и сердце сжалось.

— Нѣтъ, скажи мнѣ, я хочу знать все, что у тебя на душѣ.

— Я счастливъ тобой и глубоко несчастливъ собой. Я сбился съ пути... Мой путь къ Богу, — помолчавъ добавилъ онъ.

— Научи меня любить Бога такъ, какъ ты Его любишь, и тогда уйдемъ къ нему вмѣстѣ.

Алексѣй пожалъ плечами:

Все это лукавство въ грѣхѣ. Онъ все видитъ, каждую извилину мысли видитъ, и твои «тогда» грѣхъ и торгашество, чтобы выиграть время и оправдать себя.

— Изволь, больше я не буду говорить объ этомъ, но только уѣдемъ. Оба мы устали. Что это за жизнь?! Неужели Господь прогнѣвается за то, что измученные этой жизнью, безъ собственнаго угла, безъ Родины, безъ правъ, усталые отъ труда ради хлѣба насущнаго, — мы рвемся къ лучу счастія, радости, взаимной любви и ласки?! Алеша, вѣдь это же единственное, что намъ осталось. Отними это, и чтоже тогда: тьма, мука, а не жизнь.

Алексѣй молчалъ, прислушивался внутри себя къ двумъ голосамъ, какъ бы перекрикивающимъ одинъ другого. Одинъ голосъ кричалъ, что Марія права, ибо жизнь его была такъ мучительно тяжела, что у него, зачастую, навертывались слезы. Кро-

мѣ непривычнаго физическаго труда, его оскорбляла мужичья грубость рабочихъ, ихъ ругатня и между собой, и въ обращеніяхъ съ нимъ. Кровь клокотала отъ гнѣва, отъ чувства оскорбленнаго достоинства,отъ сознанія, что здѣсь--онъ, со всѣмъ своимъ запасомъ образованія, дворянскихъ привычекъ и порядочнаго воспитанія, здѣсь онъ нуль, обязанный глотать обиды и грубое обращеніе, чтобы не быть вышвырнутымъ и не остаться безъ заработка. Сознаніе своего безсилія и полнаго безправія наполняли горестью и страданіемъ душу. Куда бы онъ ни пошелъ, куда бы ни уѣхалъ, — всюду встрѣтитъ такихъ же выброшенныхъ за бортъ соотечественниковъ, поставленныхъ въ тѣ же горкія условія. Неужели же въ этой тусклой жизни, лишенной всѣхъ радостей, безъ своего угла, безъ семьи и Родины, неужели же онъ долженъ отрѣшиться даже и отъ личной жизни?! Неужели Господь прогнѣвается за то, что онъ, одинокій загнанный судьбой, хватается за этотъ клочекъ счастія?!.

Другой голосъ говорилъ иное: да, безъ Родины, безъ семьи, безъ дома, выброшенный на невѣдомый тебѣ доселѣ тяжкій путь... Иди къ Нему. Для того и выбросилъ Онъ всѣхъ васъ на этотъ путь, чтобы вы искали и нашли Его... Бсѣ вы привыкли къ невыполненію воли Его; такъ выполните же ее теперь всѣ вы, тѣ, которымъ дается откровеніе свыше, которые имѣете уши, чтобы слышать... Именно въ этомъ клочкѣ грѣховнаго счастія и заложено ослушаніе воли Его; именно въ немъ, какъ въ лужѣ, затоплятся твои стремленія, и, отягоченный сознательностію грѣха, ты будешь барахтаться въ низменныхъ страстяхъ, которыя, въ итогѣ, не прине-

сутъ ни радости, ни иного плода кромѣ угрызенія совѣсти, разочарованія и новыхъ, еще большихъ осложненій на жизненномъ пути. Иди туда, гдѣ нѣтъ разочарованій, нѣтъ угрызеній совѣсти, нѣтъ запутаннаго клубка человѣческихъ отношеній. Иди туда, гдѣ, въ борьбѣ, достигнешь полной свободы отъ зла, полнаго покоя души въ божественной гармоніи...

Алексѣй, бросивъ руль и весла своей жизненной ладьи, въ тупомъ отчаяніи, плылъ, куда несла, подхватившая его, волна. Онъ хотѣлъ ни о чемъ не думать, но малѣйшій штрихъ жизни кололъ его въ больную открытую рану сердца. Съ потухшей скорбной душой иногда онъ заходилъ въ церковь и не находилъ словъ для молитвы. Онъ сознавалъ, что грѣшенъ не по количеству, а по качеству грѣха, все отчетливѣе и яснѣе понималъ, что Господь хочетъ отъ него жертвы, въ которой онъ упорствуетъ не по неразумѣнію, а по низкой и подлой натурѣ своей.

Характеръ его становился все хуже; онъ сдѣлался крайне раздражителенъ, придирчивъ и мнителенъ. Если свиданія съ Маріей не оканчивались ссорами, то только благодаря ея кроткому и уступчивому нраву.

Однажды, не заставъ ее дома, онъ, какъ водилось, взялъ ключъ отъ ея комнаты и поднялся, чтобы обождать ея возвращенія. Слѣдуя дурной привычкѣ валяться днемъ на кровати или на диванѣ, онъ, съ газетой въ рукахъ, растянулся на ея диванчикѣ. Время шло, газета была прочитана и выкурено много папиросъ. Онъ начиналъ раздражаться ея продолжительному отсутствію. Поправляя подъ головой диванную подушку, онъ нащупалъ книгу.

Изъ лѣниво перелистываемыхъ страницъ выпалъ распечатанный конвертъ. Безъ малѣйшаго раздумья, онъ вынулъ письмо и принялся его читать.

«Какъ побитый песъ, сижу, оскаливъ зубы на врага, и жду, терпѣливо жду, когда же, наконецъ, вы сами позовете мнея, потому что, я знаю навѣрное, что это такъ будетъ. На дняхъ видѣлъ на улицѣ вашего героя. Ну и герой! Идетъ, заложивъ обѣ руки въ карманы брюкъ, корпусъ назадъ, ноги впередъ, выступаетъ медленно и важно, какъ и подобаетъ побѣдителю и властелину такой красивой женщины, какъ вы. Сапоги не видѣли щетки по крайнѣй мѣрѣ съ мѣсяцъ, брюки задрызганы грязью, съ мѣшками на колѣняхъ, пиджакъ весь въ пятнахъ и подъ мышкой разорванъ. Хоть бы изъ уваженія къ вамъ поопрятнѣе держалъ себя. Думаетъ, видно: «Ладно, для нея и такъ хорошъ... пусть терпитъ.» Не брезгливы же вы! Ну, чтожъ: капризъ избалованной женщины. На зло мнѣ — капризъ. Но помните: не миновать вамъ меня, — я упоренъ и настойчивъ. Будьте спокойны: заходить къ вамъ я больше не буду и писать тоже не буду, а когда позовете — прійду. Хоть изъ за васъ и тяжко мнѣ на душѣ, но пить я бросилъ. Цѣлую ваши руки. Вашъ Михаилъ.»

Алексѣю кровь бросилась въ голову. Пренебрежительный и обидный отзывъ о немъ человѣка, котораго онъ сильно не любилъ, глубоко задѣлъ его самолюбіе.

Сдерживая гнѣвъ, онъ вторично перечелъ оскорбительныя строки. Письмо было помѣчено предыдущимъ днемъ.

Въ мысляхъ его предсталъ образъ бывшаго товарища по полку, красиваго, безсердечнаго и ци-

ничнаго человѣка, много кутившаго, всегда отзывавшагося о женщинахъ съ хвастливой небрежностью, бросавшаго на нихъ, ради прихоти, крупныя суммы.

Онъ нравился женщинамъ щеголеватостью и наглостью, замаскированной показнымъ лоскомъ или безудержнымъ темпераментомъ. Алексѣй его не любилъ и не уважалъ и въ полку случалось не разъ, что ссоры съ нимъ доходили до крайнихъ предѣловъ вражды. Какъ будто бы оба предчувствовали, что въ будущемъ ихъ пути скрестятся для роковыхъ послѣдствій.

Алексѣй вложилъ письмо обратно въ конвертъ и, сунувъ его вмѣстѣ съ книгой подъ подушку, негодующій и оскорбленный, во власти злобныхъ чувствъ и мыслей, принялся шагать по комнатѣ. Онъ остановился передъ зеркальнымъ шкапомъ и, внимательно оглядѣвъ себя, отвернулся со злой усмѣшкой.

Когда вошла Марія онъ видѣлъ, что она съ намѣренной длительностью отряхивала на диванѣ покрывало, на которомъ остались слѣды его запыленныхъ ботинокъ и, съ нетерпѣніемъ ожидалъ, что она скажетъ. Но она промолчала, хотя на лицѣ ея онъ видѣлъ явную досаду.

— А что жъ, твой вѣрный поклонникъ больше не является къ тебѣ? — спросилъ онъ подъ конецъ вечера.

— Нѣтъ, — коротко отвѣтила она.

— Забылъ тебя?

— Ну, и хорошо, если забылъ.

Вспомнивъ письмо, она оглядѣла его костюмъ. Алексѣй поймалъ и понялъ этотъ взглядъ.

— Знаешь, Алеша, у тебя очень неопрятный видъ;

смотри, — все въ пятнахъ, и ботинки на что похожи! Ты бы почистилъ, право.

— Значитъ, подѣйствовало письмо, — со злобой подумалъ онъ и произнесъ вслухъ:

— Некогда мнѣ этимъ заниматься, да и незачѣмъ.

— Долго ли утромъ или вечеромъ провести щеткой? Для чего же принимать такой плебейскій видъ!

— Я не обращаю вниманія на внѣшность.

— Тутъ дѣло идетъ о неопрятности.

— Если я тебя шокирую, скажи откровенно.

— Не шокируешь, а просто мнѣ это непріятно.

— Съ какихъ это поръ? — Онъ улыбался кривой непріятной улыбкой.

— Я не разъ говорила тебѣ, что неопрятный человѣкъ...

— Ну, хорошо, хорошо... понимаю: лакированныя ботинки, вежеталь, гетры, гвоздика въ петлицѣ и холеные ногти, конечно, привлекательнѣе моихъ мозолей на рукахъ, которыя, впрочемъ, тоже были когда то холеными.

— Навѣрное всегда были не въ порядкѣ, потому что неопрятность у тебя въ натурѣ, и это крайне непріятно.

— Что это съ тобой случилось? Раньше ты такъ не говорила.

— Говорила и раньше. Если бы вмѣстѣ жили, я смотрѣла бы за твоимъ костюмомъ, чтобы ты имѣлъ приличный видъ.

— Ну, довольно, оставимъ эти разговоры.

Съ каждымъ днемъ въ сердцѣ Алексѣя наростало острое раздраженіе, происходящее отъ сознанія, что онъ нетолько уклоняется отъ своего рѣше-

нія, но уходитъ все дальше и дальше отъ намѣченнаго для своей жизни пути.

Въ рѣдкіе вечера, когда онъ былъ дома и одинъ, онъ читалъ Евангеліе, но чтеніе это усиливало тоску сердца. Молиться, какъ молился раньше, онъ не могъ. Опустившись у кровати на колѣни, онъ склонялъ на нее измученную голову и повторялъ безконечное количество разъ:

—Укрѣпи... прости... помилуй, Господи!...

Усталый физически, весь издерганный внутри себя, ненавидящій и себя, и всѣхъ людей, разсѣянный, думающій какими то, безтолково повторяющимися обрывками мыслей, утомлявшими мозгъ, Алексѣй, сойдя съ трамвая, возвращался съ работы, идя тяжелыми медленными шагами. На углу путь его былъ перерѣзанъ молчаливо сосредоточенной кучкой людей, окружившихъ кого то, лежавшаго на панели. Алексѣй хотѣлъ обойти, но въ глаза ему бросилась безсильно опрокинутая закоптѣлая какъ у него рука, виднѣвшаяся между ногъ столпившихся людей. Онъ протиснулся впередъ и увидѣлъ лежавшаго навзничь, громаднаго роста, мускулистаго человѣка. Его согнутыя колѣни конвульсивно вздрагивали, руки были откинуты, являя этимъ жестомъ какъ бы полное и конечное безсиліе передъ совершающимся. Лицо, слегка испачканное копотью, было неподвижно; черты застывали тяжелымъ каменѣющимъ холодомъ. Смерть постепенно накладывала свою ледяную непроницаемую маску.

Алксѣй, съ внутреннимъ содроганіемъ передъ тайной смерти, впился взглядомъ въ умирающаго.

— Уходитъ... исчезаетъ... все оборвалось для него... Куда уходитъ?... Куда возвращается?... Лежитъ

нѣмой, глухой, пустой, а только что жилъ, то есть, какъ я же, шелъ вѣроятно съ завода, къ себѣ домой, и не зналъ, за минуту, что будетъ лежать тутъ не человѣкомъ, а ничѣмъ. Страшно это... Господи, какъ страшно!... все вокругъ остается, по прежнему, а онъ оконченъ...

Промчался автомобиль, пронзительно и продолжитель прогудѣлъ. По противуположной сторонѣ улицы, съ шаловливымъ крикомъ выскочивъ изъ за угла, пробѣжалъ мальчикъ. Опять и опять промчался автомобиль. Сіяло солнце, было жарко и пыльно, сновали люди, изъ открытой двери кафе горланилъ грамофонъ, какъ будетъ горланить такъ же и завтра... все тѣ же потекутъ дни, а вотъ этотъ куда то исчезъ на вѣчность...

Мысли Алексѣя закружились въ смятеніи и смертельномъ ужасѣ передъ тѣмъ, что было такъ обыденно, такъ просто, а такъ неотвратимо для каждаго изъ насъ и, въ то же время, такъ чуждо мучительной неизвѣстностью.

Пришелъ онъ въ свою комнату подавленный и потрясенный. Никогда мысль о смерти не вонзалась въ его мозгъ такой ужасной, реальной истинной, непредотвратимой и таинственной въ словѣ вѣчность. Онъ увидѣлъ страшный зіяющій центръ жизни — смерть и вѣчность.

Сколько разъ онъ видѣлъ умирающихъ и мертвыхъ на войнѣ, и ни разу передъ нимъ не открывалось истинное значеніе слова — смерть.

На слѣдующій день онъ принялъ рѣшеніе пойти на исповѣдь, чтобы причаститься, надѣясь въ этомъ актѣ почерпнуть успокоеніе и новыя силы.

Въ субботу — свободный отъ работы день, онъ отправился въ соборъ Маделенъ. Подымаясь по

ступенямъ колончатаго храма, онъ началъ испытывать чувство успокоенія. Въ большомъ радостномъ храмѣ народу въ этотъ часъ было мало. Въ свѣтлой тишинѣ передъ алтарями Богоматери и Христа кротко и мирно струили сіяніе длинныя восковыя свѣчи. Съ души Алексѣя какъ будто соскользнула великая тяжесть. Онъ опустился на колѣни и молился долго и пламенно.

Закрывъ ладонями лицо онъ старался сосредоточить себя на томъ, что онъ скажетъ священнику. Однако, мыслей не собралъ. Съ тревогой прошелъ къ исповѣдальнѣ и, ставъ на колѣни у рѣшетчатаго оконца, разслышалъ, быстрымъ шопотомъ произносимую по латыни, молитву.

— Я слушаю васъ, сынъ мой — тихо произнесъ священникъ послѣ минутнаго молчанія.

Алексѣй сбивчиво, волнуясь и стыдясь, вкратцѣ повѣдалъ исторію своего паденія, сложную для себя, обыденную для пастыря, выслушивающаго отъ невѣдомыхъ ему, безчисленныхъ исповѣдниковъ все ту же исторію безсильно срывающейся въ пропасть грѣха и искушенія немощной плоти, ради призрачно-обманныхъ радостей вѣчно ускользающаго счастія.

— Завтра праздникъ Дѣвы Маріи. Съ ея именемъ связывается идея чистой, высокой красоты... отойдите отъ грѣха, оскорбляющаго вашу душу... найдите въ себѣ силы... — доносились до слуха Алексѣя, падавшие изъ за рѣшетки, увѣщевающія слова.

— Въ стремленіи соединиться со Христомъ, подъ видомъ Евхаристіи, должно быть заложено, помимо искренняго покаянія, твердое рѣшеніе освобо-

диться отъ грѣха. Есть ли въ васъ это твердое рѣшеніе?

— Да, у меня есть желаніе.

— Желаніе можетъ быть пассивнымъ. Участвуетъ ли въ немъ ваша активная воля? — Ласково переспросилъ старческій голосъ.

Помолчавъ, Алексѣй отвѣтилъ:

— Однажды, я твердо рѣшилъ отойти отъ грѣха и до конца не выдержалъ.

— Да, очень трудно бороться съ плотью, но не должно отказываться отъ борьбы. Хотите ли вы еще разъ и отъ всего сердца отойти отъ грѣха?

— Я не могу обманывать себя: я не съумѣю выполнить этого рѣшенія. Воля моя слаба.

— Какъ же я могу, сынъ мой, разрѣшить вамъ принятіе Св. Тайнъ, если я не слышу отъ васъ твердаго желанія бороться съ грѣхомъ? Прошу васъ, молитесь усердно, и да поможетъ вамъ Господь. Жду васъ на исповѣдь въ слѣдующую субботу. Я буду молиться о васъ.

Алексѣй отошелъ отъ исповѣдальни удрученный, приниженный. Молиться онъ болѣе не могъ и, выйдя на улицу, долго, безо всякой цѣли, ходилъ разсѣянный и понурый.

Прійдя въ свою комнату, онъ, по обыкновенію, легъ на постели, заложивъ руки подъ голову.

— Или сліяніе съ Христомъ, или жить по прежнему въ грѣхѣ. А вѣдь раньше, въ Россіи, и въ голову не приходили такія дилеммы. Любилъ молиться въ пустомъ Казанскомъ соборѣ; заходилъ и послѣ кутежей, и до кутежей; имѣлъ связи съ женщинами и не мучился, не чувствовалъ укоровъ совѣсти. А вотъ теперь... Да что же произошло? По-

чему такъ измѣнился онъ въ отношеніяхъ къ своимъ поступкамъ и къ самому себѣ?

Вспомнились ему яркія полосы неба, точно размалеванные лоскутья надъ острыми минаретами, тянущимся къ Богу, къ знойнымъ небесамъ. Вспомнились неисчислимыя, четко разсыпанныя, яркія звѣзды въ густой синевѣ надъ причудливо - пестрымъ, какъ затѣйливая сказка, — городомъ. Плескали о берегъ волны Босфора, и тихо было въ поздній часъ душной ночи. Въ душѣ его совершался громадный процессъ: открывались новые иныя пути жизни, которымъ нѣтъ конца, нѣтъ преградъ. Зорко всмотрѣвшись, воспринявъ до глубины, далекую до тѣхъ, идею католичества, — неисчерпаемую въ своей вселенской широтѣ, божественномъ милосердіи и истинномъ смиреніи, — онъ предъугадывалъ для души своей зорю обновленія, зорю иной жизни, совершенно несхожей со всѣмъ его тусклымъ прошлымъ. Въ эту памятную ночь онъ сжегъ въ сердцѣ своемъ всѣ листы, исписанные рукой времени, оборвалъ всѣ нити, связывавшіе его съ минувшимъ; оплакалъ, похоронилъ прежняго себя, отдавъ новое во власть Господа, для служенія ему.

И вотъ, — опять онъ въ грѣхѣ сознательнаго паденія. Но, теперь, какая ужасная тоска души сопутствуетъ это паденіе, какое отвращеніе къ самому себѣ, къ своей слабости! Да, онъ уже не тотъ.

Прежде, тамъ—въ далекой Россіи, онъ считалъ себя вѣрующимъ, потому что разъ въ годъ, по заведенному съ дѣтства обычаю, выполнялъ безъ яснаго пониманія, безъ чувства страха передъ великой Тайной, — обрядъ исповѣди и Пріобщенія. Лишеніе Причастія заставило бы его назвать свя-

щенника чудакомъ и, быть можетъ, дало бы пищу для пересказа происшедшаго въ забавной формѣ среди своихъ товарищей. Теперь же душа его полна страха и смятенія, потому что коснулся ее голосъ Создавшаго, голосъ Того, кто милосердно открылъ ему, безъ помощи образовъ и преходящихъ словъ, Истину, какова она есть сама по себѣ. Все еще слабый въ волѣ, все еще цѣпляющійся за обманное счастіе плотской радости, боязливый сознать себя отошедшимъ отъ суетной жизни, онъ, въ то же время, предугадывалъ, что переживаемыя страданія есть залогъ близкаго, окончательнаго и непреложнаго отхожденія отъ жизненной суеты.

Черезъ открытое окно забрались сумерки. Онѣ опустились на блѣдное лицо Алексѣя и, казалось, что въ комнатѣ никого не было. За сумерками прокралась ночь, оборвала всѣ звуки дня, дохнула прохладой, приникла къ осунувшемуся лицу съ напряженно куда то глядящими глазами, надѣла сурдинку на стонущія струны сердца и опутала узорчатой паутинкой тоскливыя мысли.

На утро, Алексѣй проснулся, какъ легъ, — одѣтымъ. Во всемъ тѣлѣ и въ мысляхъ чувствовалъ сильнѣйшую слабость и апатію и сразу рѣшилъ на работу не идти, хотя зналъ, что вычетъ за пропущенный день отзовется тяжело. День онъ провелъ то за чтеніемъ, то думая, съ тоской, о случившемся на исповѣди; прислушивался къ боли, щемившей душу, спрашивая и самъ себѣ отвѣчая. О Маріи онъ думалъ какъ то отдаленно и былъ доволенъ, когда пробило десять часовъ вечера, что обозначало, что она уже прійти не можетъ.

VI.

Дисгармонія внутри себя увеличивала нароставшее раздраженіе. Онъ сдѣлался совершенно невыносимъ для каждаго, кто приближался къ нему. На работѣ онъ угрюмо молчалъ или, глядя въ упоръ и преднамѣренно растягивая каждое слово, отвѣчалъ краткими злыми насмѣшками на грубости рабочихъ, которыя еще недавно пропускалъ мимо ушей. Онъ сознавалъ, что движется по наклонной плоскости, что утрачиваетъ тѣ немногія цѣнности въ области духа смиренія, терпѣнія и благожелательности къ людямъ, которыя ему удалось выработать въ себѣ съ помощью молитвы и чтенія священныхъ книгъ. Онъ сознавалъ, что надо было сдѣлать какой то шагъ всторону, какое то усиліе воли, чтобы отойти отъ себя такого, какъ онъ есть сейчасъ. Именно этого шага и этого усилія воли онъ не дѣлалъ, сознательно не дѣлалъ, мучился этимъ сознаніемъ и вымѣщалъ на другихъ злобное раздраженіе.

Прошло еще нѣсколько дней. Однажды, на грубый окрикъ механика, завѣдывавшаго мастерской, Алексѣй, приблизившись къ нему медленной, тяжелой походкой увѣреннаго въ своей физической силѣ — человѣка, съ глазами, потемнѣвшими отъ вспыхнувшаго бѣшенаго гнѣва, конвульсивно сжимая кулаки, разразился неистовой руганью. Чѣмъ онъ больше кричалъ, тѣмъ больше захлестывало его бѣшенство. Съ перекошеннымъ, несоразмѣрно большимъ, ртомъ, расширенными глазами, съ закоптѣлыми руками, неопрятный, взлохмаченный, съ желтымъ, отъ злобы, лицомъ, онъ былъ непріятенъ и внушалъ опасеніе.

— Да что съ вами? Взбѣсились вы — что ли? — пробовалъ его остановить механикъ.

— Хамы!... Хамы!... Скоты!... хуже скотовъ! Мы, русскіе офицеры, дрались въ вашихъ рядахъ противъ общаго врага, а теперь вы травите насъ. Подлецы вы всѣ!... подлецы!... — Запинаясь, срываясь, топчась на мѣстѣ и потрясая кулаками истерично вопилъ Алексѣй. Пошвырявъ на землю инструменты, онъ отправился въ контору, сцѣпился съ завѣдующимъ кассой за то, что тотъ не хотѣлъ сразу выдать ему заработанныхъ денегъ, добился своего и ушелъ съ тѣмъ, чтобы больше не возвращаться. Онъ отлично зналъ, что денегъ у него въ обрѣзъ, что найти новое мѣсто ему трудно, однако, съ какимъ то запоемъ, катился внизъ, съ острой болью желая, на зло самому себѣ, дойти до самыхъ крайнихъ предѣловъ нищеты и духовнаго убожества. Мысли его кружились, будто подгоняемыя крыльями вѣтрянной мельницы.

Прійдя домой, онъ хотѣлъ приняться за чтеніе интересующей его книги богословско - философскаго содержанія. Началъ читать, но какъ ни старался сосредоточить мысли — ничего не выходило: по нѣсколько разъ перечитывалъ страницу, тщетно силясь вникнуть въ смыслъ. Съ досадой бросилъ книгу, почувствовалъ, что невыносимо оставаться одному и пошелъ къ Маріи. Съ лѣстницы, въ пріоткрытую дверь, онъ услышалъ голоса изъ ея комнаты. Женскій голосъ, съ увлеченіемъ, разсказывалъ о какой то встрѣчѣ въ мэтро. Марія перебила, со смѣхомъ:

— Ну, нѣтъ, я бъ, на твоемъ мѣстѣ, непремѣнно заставила его выполнить проигранное пари.

—Очень мнѣ интересно! Вотъ, съ братомъ его поѣхать поужинать, — это дѣло другое. Въ такого и влюбиться не грѣхъ.

— Пошлая баба! — зло прошепталъ Алексѣй и, не желая встрѣчаться съ сестрой Маріи, которую сильно не долюбливалъ, спустился обратно. Онъ написалъ, что прійдетъ черезъ часъ, попросилъ отнести записку къ Маріи и вышелъ на улицу, не зная куда себя дѣвать. Хотѣлось зайти въ кафе, чтобы посидѣть одному, среди снующей толпы, за стаканомъ хорошаго вина, но денегъ оставалось слишкомъ мало. Вспомнивъ слова брата, что отецъ Павелъ желалъ его видѣть, онъ рѣшилъ провести этотъ часъ у него.

Священникъ жилъ въ крошечной квартиркѣ изъ двухъ комнатъ и маленькой кухни.

Онъ встрѣтилъ Алексѣя очень радушно, видимо обрадовавшись его приходу.

— Сюда, сюда пожалуйте, Алексѣй Васильевичъ, въ нашу кухоньку, она же у насъ и столовая. Чайку попьемте вмѣстѣ. Сегодня я самъ хозяйничаю, такъ какъ матушка по дѣламъ отлучилась.

Отецъ Павелъ, высокій, сухощавый, съ прямыми темными, не особенно длинными, волосами, среднихъ лѣтъ, съ пріятнымъ лицомъ и умными глазами, въ подрясникѣ съ широкимъ коричневымъ поясомъ, вышитомъ цвѣтными шерстями, наливая Алексѣю чай, зоркимъ взглядомъ пристально поглядѣлъ на него.

— Вы что: больны были?

— Нѣтъ.

— Похудѣли что то, и лицо осунулось.

— Усталъ.

— Вѣрю, вѣрю, что устали, — вздохнулъ отецъ

Павелъ. — Вы все на заводѣ?

— Сегодня бросилъ.

— Нашли что нибудь получше?

— Ничего не нашелъ, да и не ищу. Опротивѣли мнѣ люди.

— Какъ же теперь будете?

— А никакъ! Богъ поможетъ, что нибудь и подвернется. Да ну, чортъ съ нимъ! Не стоитъ говорить, — оборвалъ себя Алексѣй, сдерживая внутреннее раздраженіе, при воспоминаніи объ утренней сценѣ на заводѣ.

— Однако, нервы у васъ, вижу, порядочно разстроены. Съ чего это такъ?

Алексѣй промолчалъ, разсѣянно накладывая въ чашку сахару больше, чѣмъ требовалось.

— Когда видѣлъ васъ въ послѣдній разъ у вашего брата, — вы были совершенно въ иномъ настроеніи.

— Помню. Это было осенью. Да, много, много измѣнилось съ тѣхъ поръ, — съ разстановкой проговорилъ Алексѣй, глядя, мимо отца Павла, въ открытое окно, выходившее во дворъ, откуда доносился крикливый женскій голосъ кого то бранившій.

— Вижу, вижу, что измѣнилось, — значительно подтвердилъ священникъ, еще внимательнѣе вглядываясь въ лицо собесѣдника.

Алексѣй вскинулъ на него глаза:

— Это вы про что думаете? Что я, можетъ быть, разочаровался въ своихъ вѣрованіяхъ? О, нѣтъ, какъ разъ обратное: я глубже постигаю все воспринятое и потому строже отношусь и строже сужу самого себя. Я вполнѣ увѣренъ, что съ каждаго спросится не по количеству грѣховъ его и не по

качеству ихъ, а по отношенію собственной совѣсти къ данному прегрѣшенію. Тотъ же грѣхъ, прощенный одному, не простится другому. Знаете ли, отецъ Павелъ, въ нашемъ полку былъ товарищъ необычайно легкомысленный, жизнерадостный, простодушный и добрый человѣкъ. Не смотря на то, что никто такъ не распутничалъ, не проигрывался, безъ отдачи, въ карты, не пьянствовалъ на чужой счетъ и не должалъ, тоже безъ отдачи, — мы всѣ очень любили его за какую то дѣтскую, простую душу. Помню, однажды, онъ зашелъ ко мнѣ послѣ какого то очередного скандала. Я рѣшилъ воздѣйствовать на него и раскрыть ему глаза на грѣховность его поведенія. Не долго слушая, онъ перебилъ меня.

— Никакихъ особыхъ грѣховъ тутъ нѣтъ; все это вы преувеличиваете. Я отлично знаю, что милосердный Господь проститъ меня — глупаго грѣшника.

Слова эти онъ произнесъ съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что, въ душѣ, я согласился съ нимъ. Да, ему Господь проститъ очень многое, ибо онъ не вѣдаетъ, что творитъ и, грѣша, не видитъ грѣха. Его душѣ не дана глубина пониманія. Онъ простъ какъ ребенокъ. Но не простится даже и единое лукавое слово, единый кривой шагъ тому, кому открыты глубины разумѣнія. Не въ поступкѣ дѣло, а въ намѣреніи, въ сознаніи его чистоты или грѣховности, въ сдѣлкѣ съ собственной совѣстью. Лично мнѣ дано разумѣть малѣйшее отклоненіе отъ голоса моей совѣсти; по мѣркѣ моего пониманія и воздастся и спроосится съ меня. Это знаю я твердо и не можетъ быть для меня оправданій.

— Не впадайте въ крайность. Время теперь труд-

ное, и мы не можемъ сдѣлать многое, что хотимъ.

— Ахъ, отецъ Павелъ, вѣчно мы ищемъ оправданія своимъ слабостямъ. Прежде жилось хорошо, и именно потому, что слишкомъ хорошо было, мы погрязали по уши въ заботахъ о мірскомъ и едва успѣвали лобъ перекрестить. Теперь, когда трудно и худо, ищемъ извиненій своимъ беззаконіямъ въ томъ, что жизнь тяжела. Я считаю, что всѣ эти тяжелыя испытанія посланы намъ для вразумленія, для покаянія, а не для оправданія.

— Это вы правы, правы...

— Конечно, трудно захлопнуть за собой дверь, идущую хотя бы къ ничтожнѣйшимъ утѣхамъ жизни. Вотъ мы мечемся и суемся то туда, то сюда и, утерявъ равновѣсіе въ самихъ себѣ, глубоко страдаемъ.

— Правы, правы,— утвердительно покачалъ головой отецъ Павелъ.

Впервые онъ замѣтилъ, что, помимо некрасивости, въ лицѣ Алексѣя было что то, что сохраняло лицо это въ памяти.

— Ужъ не въ монастырь ли католическій собираетесь?

— Можетъ, и въ монастырь, — безучастно отвѣтилъ Алексѣй, видимо, избѣгая слишкомъ интимнаго разговора.

— Ахъ вы, чудакъ, право же, чудакъ! Слышалъ я о васъ много отъ вашего брата. Вы, какъ и онъ, — офицеръ, сражались за Россію, за царя и вдругъ этакую штуку выкинули. Ну, къ чему вы это?! Пристало ли русскому офицеру, слугѣ своего отечества, сыну страдающей Родины, вѣрѣ отцовъ своихъ измѣнять?! Какъ это вы, человѣкъ образованный и разумный, дали себя соблазнить?!

Отецъ Павелъ говорилъ, откинувшись на спинку стула, поглаживая свою русую небольшую бороду и глядя вупоръ на Алексѣя, котораго вдругъ начало занимать то, что говорилъ отецъ Павелъ. Онъ смотрѣлъ въ его лицо, напоминавшее ему изображеніе Александра Невскаго, висѣвшее въ золотомъ окладѣ въ кабинетѣ его давно умершаго отца; смотрѣлъ на русую, слегка вьющуюся бороду, на волосы, довольно коротко подстриженные, слегка сѣдѣющіе, слушалъ укоряющія его слова, и губы его раздвинулись въ широкую улыбку, оскалившую большіе, рѣдко посаженные зубы.

— Что же вы улыбаетесь?

— Забавныя вы вещи говорите, отецъ Павелъ. Я вотъ тоже не понимаю, какъ это вы, человѣкъ разумный и образованный, можете предполагать, что меня соблазнили. Соблазнить можно ребенка или человѣка безъ совѣсти. Я не ребенокъ, такъ можетъ быть меня соблазнили деньгами? Вы думаете какъ? — Алексѣй продолжалъ улыбаться.

— Слышалъ, слышалъ и это.

— И что же: много отсыпали?

— Да разно говорятъ, — тоже улыбнулся отецъ Павелъ.

— Ну, и пусть говорятъ. На грязное и темное не клевещутъ; клевета всегда ползетъ слѣдомъ за чистымъ и свѣтлымъ. Такъ то, отецъ Павелъ. Не очень то я и вашимъ словамъ вѣрю, будто вы не понимаете что привело меня къ признанію Церкви Вселенской.

— То есть, какъ это? — Строго посмотрѣлъ на Алексѣя отецъ Паволъ.

— А такъ, что вы достаточно умны и совѣстливы, чтобы иной разъ ни слышать въ себѣ самомъ тай-

ный голосъ: «протестуемъ, отрицаемъ, зажимаемъ уши, а доподлинно ли безпристрастны?»

— Можно сказать, смѣлое предположеніе, очень смѣлое и ни на чемъ не основанное. — Отецъ Павелъ сдвинулъ брови. — Правильно братъ вашъ говоритъ, что вы во всемъ вкривь берете.

Нѣсколько минутъ оба молчали.

— Скажите, отецъ Павелъ, вѣдь вы знакомы съ Марьей Игнатьевной? Помнится, она мнѣ говорила, что вы ее давно знаете?

— Какъ же, знакомъ. Хорошій она человѣкъ. Я зналъ ее еще въ Россіи.

Она уже давно не живетъ съ мужемъ. Если развести ее, вы повѣнчаете со мной?

— Отчего же не повѣнчать?! Лучше подъ вѣнецъ, чѣмъ такъ то.

— Ну-съ, а я знаю, что и этакъ жить нельзя, и подъ вѣнецъ тоже нельзя при живомъ мужѣ. Потому и страдаю, потому и мѣста себѣ не нахожу. Года четыре тому назадъ, пришелъ бы къ вамъ съ моей сегодняшней тоской, и вы бы руками развели мою бѣду; а вотъ теперь слова ваши не соотвѣтствуютъ голосу моей совѣсти: она стала суровѣе... Одной рукой она водитъ по строкамъ Евангелія, а другой указываетъ на вѣчность. Чтобы ни измышляли люди, какими бы словами ни набивали уши, а совѣсть истиннаго христіянина не сниметъ пальца со строкъ Евангелія и не опуститъ руки, указующей на вѣчность. Прощайте, отецъ Павелъ. Если вы поняли меня, то поняли и то, что пристало и что не пристало мнѣ — русскому офицеру, слугѣ моей Родины, любящему превыше всего Господа и боящагося ослушаться словъ Его.

Алексѣй, поспѣшно простившись, вышелъ и, иму-

рясь на свои мысли, разсѣянно, не замѣчая пути, пришелъ къ дому Маріи.

— Отчего же ты самъ не поднялся, а написалъ записку? У меня сидѣла Наташа, — встрѣтила его Марія.

— Оттого и не зашелъ, что она тутъ сидѣла.

— Она не такая плохая, какъ ты ее считаешь, — примирительно произнесла Марія.

— Можетъ быть, она и очень хорошая, но мнѣ не нравятся ея разговоры.

— Какой ты блѣдный, Алеша. Ты здоровъ? Или опять непріятности? — Она сѣла рядомъ съ нимъ на диванъ.

— Да, непріятности... Я бросилъ заводъ.

— Да что ты?!.. А знаешь, я очень этому рада. И отлично! Тебѣ надо отдохнуть. Брось, ни о чемъ не думай, — я все устрою. Все складывается чудесно, увѣряю тебя. Какъ разъ Наташа сообщила мнѣ, что дѣло съ фильмой налажено: черезъ два мѣсяца будутъ крутить большую фильму, на которую я уже принята. Значитъ, о деньгахъ безпокоиться нечего.

— Очень радъ за тебя, но при чемъ же тутъ я?

— Я возьму у Наташи въ долгъ, и мы уѣдемъ съ тобой на югъ Франціи.

—Оставь говорить пустяки!

— Алеша, милый, ради Бога! Дай отдыхъ себѣ и немного счастія мнѣ; хоть иллюзію счастія.

— Въ чемъ же оно будетъ состоять?

— Въ томъ, что хоть два мѣсяца мы будемъ неразлучно вмѣстѣ.

— Для чего?

— Какъ для чего? — Марія удивленно подняла на него глаза.

— Ну да, для чего, для чего же? — нетерпѣливо повторилъ Алексѣй.

— Господи, да для того, чтобы чувствовать взаимную близость и любовь другъ друга.

— А развѣ ты меня не любишь безъ этой близости?

— Что за дикіе вопросы! — она нетерпѣливо пожала плечами.

— Ну, а все таки?

— Конечно, люблю, но то — одна любовь, а это — другая.

— Вотъ это вѣрно. — Алексѣй улыбнулся той странной, во весь ротъ, улыбкой, которой, часъ тому назадъ, улыбнулся у отца Павла. Задавая вопросы Маріи, онъ задавалъ ихъ самому себѣ. Улыбка его была торжествующей, ибо отвѣтомъ своимъ Марія подтвердила то, что онъ уже понялъ и что составляло его страданіе: вся его душа устремлялась къ одной любви, любви во имя Бога, прочь отъ земли, а вся его плоть тянулась къ другой — во имя грѣха. Онъ замолчалъ, ушелъ въ себя, не слушалъ того, что говорила ему Марія, жалѣлъ зачѣмъ пришелъ къ ней и вскорѣ, съ жолчнымъ раздраженіемъ, началъ къ ней придираться, думая о томъ, что, будь она умнѣе и глубже, она поддержала бы его въ борьбѣ и помогла бы ему.

Сперва она возражала, потомъ, глотая слезы, умолкла.

— Веселое времяпрепровожденіе! — фыркнулъ онъ, послѣ продолжительной паузы и сталъ шагать изъ угла въ уголъ. Скрипѣла одна и та же половица, и опять въ шкапу стаканъ дребезжалъ.

Въ открытое окно доносился пошлый мотивъ ежедневно, одной и той же, пошлой программы кафэшантана въ сосѣднемъ домѣ.

— Мы такъ и будемъ все время молчать? — спросилъ онъ, останавливаясь передъ ней и глядя на нее недобрыми глазами.

— Чтожъ мнѣ говорить, если ты на все, чтобы я ни сказала, злишься, — отвѣтила она, не подымая головы. Онъ порывисто взялъ шляпу и палку и, не прощаясь, направился къ двери.

— Алеша!... — робко и тоскливо прозвучалъ ея голосъ, но онъ, не оборачиваясь, открылъ дверь и вышелъ. Она минуту постояла, бросилась за нимъ на лѣстницу, но его уже не было.

Черезъ два дня, когда, хмурный, похудѣвшій отъ плохого питанія и безсонныхъ ночей, онъ, сидя за книгой, отгоняя мысли, силился углубиться въ смыслъ читаемаго, — постучали въ дверь. Вошла женщина, которую онъ менѣе всего ожидалъ. Она, не протягивая ему руки, опустилась на стулъ и, окинувъ его строгимъ вглядомъ темныхъ глазъ, презрительно усмѣхнулась.

— Удивляюсь сестрѣ: что ей за охота возиться съ такимъ противнымъ человѣкомъ, какъ вы! Посмотрѣть только, на кого вы похожи! Честное слово, иной рабочій опрятнѣе васъ.

— Вы пришли сюда съ цѣлью говорить мнѣ дерзости? — намѣренно растягивая слова, чтобы не выдать вскипѣвшаго гнѣва, произнесъ онъ.

— Во всякомъ случаѣ, любезностей отъ меня не услышите: я не Маруся.

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ угодно знать, долго ли вы будете ломать ваши комедіи по отношенію сестры? Вы поступа-

ете подло: привязали ее къ себѣ, а теперь сами не знаете чего хотите. Такъ продолжаться не можетъ.

— По какому праву вы вмѣшиваетесь въ мои интимныя отношенія?...

— Пожалуйста, не валяйте дурака! — перебила его Наталія. — До васъ лично никакого мнѣ дѣла нѣтъ, мнѣ жаль сестру: вы стоите на ея пути, мѣшаете Миронову жениться на ней.

— Миронову? Жениться? Плохо же вы знаете этого господина! — усмѣхнулся Алексѣй.

— Да, хотьбы и не женился, и то лучше ей быть съ нимъ, чѣмъ съ вами: тотъ на приличнаго человѣка похожъ, и красивъ, и хорошо всегда одѣтъ, а вы только срамите своимъ видомъ. Кто просилъ васъ втираться въ нашу семью? Очень намъ нужны ваши католическія бредни! Мы всѣ православные...

— Хорошіе православные! Въ церковь никогда не ходите. Сами говорили, что десять лѣтъ, какъ не говѣли, — усмѣхнулся Алексѣй.

— Хоть и въ церковь не хожу, и не говѣю, а все таки остаюсь православной, и вѣры своей никакимъ вашимъ кардиналамъ не продамъ. А вы подличаете, ломаетесь, въ церковь шляетесь...

— Я хожу въ свою церковь.

— Хоть и въ свою, а все таки ломаете изъ себя набожнаго, а вѣру продали за деньги, всѣ мы это знаемъ. Эдакая красавица, какъ Маруся, связалась съ ренегатомъ какимъ то! Деньги отъ католиковъ за вѣру получаете, а скупы какъ Плюшкинъ.

— Выйдите сейчасъ же вонъ!... Вы слышите? Потрудитесь вонъ убраться изъ моей комнаты! — загремѣлъ Алексѣй.

— Не орите, пожалуйста! — Наталія поднялась и, тонкая, красивая, смуглая какъ цыганка, гнѣвно

блеснула огневыми глазами:

— Ну ужъ, я — не я буду, если не соединю Марусю съ Мироновымъ. Пора кончить эту комедію.

— А сведете, такъ и васъ, и ее убью, — пылая гнѣвомъ, не отдавая себѣ отчета въ словахъ, съузивъ потемнѣвшіе глаза, злобно произнесъ Алексѣй.

— Убьете, такъ въ кандалы закуютъ. Какъ разъ къ лицу будетъ, — съ презрѣніемъ разсмѣялась она, переступая порогъ.

Прежде чѣмъ захлопнуть дверь, она остановила на Алексѣ надмѣнный взглядъ:

— Вамъ не мѣшаетъ знать, что сестра изъ за васъ заболѣла.

У Алексѣя гнѣвъ моментально потухъ.

— Что съ нею?

Наталія пожала плечами:

— Не все ли равно что! Довольно того, что больна изъ за васъ.

Я пріиду къ ней, — онъ отвернулъ взглядъ всторону.

— Слава Богу, удостоилъ! — зло усмѣхнулась Наталія и вышла.

Алексѣй взялся за голову.

— Господи, что же мнѣ дѣлать? Ну, вотъ пойду, опять увижу ее, опять будутъ ласково и просительно кротко смотрѣть на меня эти большіе глаза, опять закипитъ страсть, и опять безудержно я скачусь въ пропасть. Научи же меня, помоги мнѣ, Отецъ мой Небесный!

Ему представилось, что вся жизнь, всѣ люди противъ него. Увидя въ зеркалѣ свое отраженіе, онъ вспомнилъ пренебрежительныя слова Наталіи и, съ горечью, согласился съ ней, ибо показался

самому себѣ крайне противнымъ и отталкивающимъ. Клевета, выплеснутая, подобно помоямъ, на него и, на всякаго, кто уходилъ изъ церкви православной въ Церковь Вселенскую, особенно горька казалась ему въ его неизмѣнно тяжелой жизни, полной лишеній и тяжкой борьбы. Тщательно оберегая чистоту своихъ намѣреній, онъ всегда избѣгалъ говорить о своихъ нуждахъ католическому духовенству, съ которымъ встрѣчался и которое могло бы ему прійти на помощь. Въ лицѣ только что удалившейся Наталіи, предъ нимъ предстала злоязычная толпа, оплевывающая все, что не коснулось ея разумѣнія.

Онъ избѣгалъ встрѣчъ съ этой женщиной, такъ какъ ему былъ до крайности противенъ образъ жизни, который она вела, совершенно не стѣсняясь и какъ бы даже подчеркивая свое умѣніе устроить себѣ легкую и радостную жизнь. Хотя она зарабатывала довольно крупныя деньги на фильмѣ, однако, не пренебрегала денежными услугами, влюбленныхъ въ нее, мужчинъ, чтобы возможно больше увеличить доходы на роскошь, которую цѣнила превыше всего. Марія, робкая, не обладавшая ловкостью и изворотливостью своей сестры, кромѣ красоты, на нее ничѣмъ не походившая, вызывала къ себѣ снисходительную жалость Наталіи, граничащую съ презрѣніемъ. Всѣ ея попытки пристроить сестру всегда разбивались о застѣнчивую совѣстливость Маріи, а затѣмъ, объ искреннее чувство, властно и непреодолимо внушенное ей Алексѣемъ, послѣ первыхъ же съ нимъ встрѣчъ. Наталія возненавидѣла его за то, что онъ оказался, по ея мнѣнію, помѣхой на пути сестры, за то, что онъ

былъ некрасивъ, плохо одѣтъ, бѣденъ, за то, что отгадывала въ немъ чистую и честную натуру. Въ глубинѣ души, она не вѣрила клеветѣ, грязнившей его чистыя вѣрованія, однако, съ запоемъ повторяла ее направо и налѣво, не стѣсняясь присутствія сестры.

Алексѣй отгадывалъ ея чувства къ себѣ, не любилъ и не уважалъ ее и старательно избѣгалъ встрѣчъ.

Онъ отправился къ Маріи, силясь совершенно ни о чемъ не думать и ничего не предрѣшать. На сердцѣ было тяжело и тоскливо, болѣла голова и хотѣлось ѣсть, такъ какъ оставивъ заводъ онъ питался только кофеемъ и хлѣбомъ, предвидя, что дней черезъ десять истощатся послѣднія деньги. Однако, съ какимъ то тупымъ упрямствомъ, вмѣсто того, чтобы искать работу, онъ цѣлыми днями сидѣлъ дома за книгой или же, ослабѣвшій, съ натянутыми нервами, лежалъ на кровати, предоставляя судьбѣ распоряжаться имъ, какъ ей будетъ угодно.

Какъ только онъ появился на порогѣ комнаты, Наталія, сидѣвшая подлѣ кровати больной сестры, поднялась и, не глядя на вошедшаго, стала собираться уходить.

— Пожалуйста, Маруся, береги себя и, попусту, не разстраивайся.

Накинувъ на плечи дорогой мѣхъ, она вышла, не удостоивъ Алексѣя, ожидавшаго у двери ея ухода, даже и кивка головы.

Марія, блѣдная, со складкой страданія между сдвинутыхъ бровей, отвѣтила слабой улыбкой на его привѣтствіе.

— Что съ тобой, Маруся?

— У меня сильнѣйшія нервныя боли въ затылкѣ. Сядь, Алешенька, поближе и дай мнѣ твою руку. Ахъ, какъ ты худо выглядишь! Неужели ты все еще не нашелъ себѣ занятія?

Онъ мотнулъ головой.

— Пожалуйста, возьми у меня денегъ, вонъ тамъ въ шкатулкѣ у зеркала. Ты отдашь, когда получишь.

— Перестань, Маруся, прошу тебя, перестань, — съ выраженіемъ внутренней боли, произнесъ онъ.

— Ахъ, какъ трудно съ тобой, Алеша! — тихо вздохнула она.

Оба долго молчали.

— У меня былъ Кожинъ, я ему говорила, что ты ищешь работы, онъ сказалъ чтобы ты не откладывая, поѣхалъ бы вотъ по этому адресу. — Она протянула руку къ запискѣ, лежавшей на ночномъ столѣ. — Кожинъ говорилъ, что если тебѣ удастся получить, то будетъ тамъ очень хорошо.

— Что это за мѣсто?

— Я не спрашивала. Онъ говорилъ, что ему предлагали, но, почему то, ему это не подходитъ.

Алексѣй прочелъ записку.

— Эхъ, поздно, а то бы я сейчасъ съѣздилъ. Когда у тебя былъ Кожинъ?

— За часъ до твоего прихода.

Марія прижала руку Алексѣя къ своей щекѣ.

— Ты разлюбилъ меня, Алеша? Скажи правду, — спросила Марія, крѣпче сжимая его руку.

— Нѣтъ, Маруся, нѣтъ... Оставимъ, пока, объ этомъ: тебѣ надо быть спокойной.

— Теперь я спокойна, потому что приняла рѣ-

шеніе: если ты бросишь меня, я буду съ Мироновымъ.

— Перестань говорить глупости! Не смѣй, я не хочу, — строго остановилъ онъ ее, почувствовавъ уколъ ревниваго самолюбія.

— Нѣтъ, я хочу откровенно высказаться, и ты долженъ меня выслушать. Наташа устраиваетъ меня очень выгодно на фильмѣ, въ которую онъ тоже принятъ. Я буду матеріально независима, и вотъ...

— Что же: и вотъ? Къ чему онъ тебѣ понадобился? — Алексѣй старался придать своему тону шутливый оттѣнокъ, чтобы скрыть наростающую ревность.

— Я не смогу безъ тебя остаться совсѣмъ одна: меня заѣстъ тоска.

— Но вѣдь ты его не любишь? Или быть можетъ ты ошибалась?

— Нѣтъ, я не ошибаюсь. Онъ меня любитъ, ну и пускай, значитъ.

— Странная логика! — Онъ пожалъ плечами. — Узнаю уроки твоей сестрицы.

— Чтожъ, Наташа, отчасти, права.

— Въ чемъ, напримѣръ?

— Что я безъ толку страдаю.

— И я, Маруся, очень страдаю, но не безъ толку. И твое, и мое страданіе приведетъ насъ къ чистой взаимной любви.

— Нѣтъ, Алеша, мы еще молоды и не можемъ любить безъ чувства страсти.

— Можно и должно побороть себя.

— Для чего?

— Для того, чтобы двигаться по пути совершенства, недоступнаго для грѣха, въ которомъ мы съ тобой живемъ.

— Нѣтъ, Алеша, все это однѣ слова; я не вѣрю имъ.

— Ахъ, Маруся, какъ ты легко подчиняешься чужому вліянію! Недѣлю не видѣлись, и ты уже заговорила языкомъ своей сестры.

Онъ перевелъ разговоръ на иную тему, былъ ласковъ и добръ съ нею, подавляя въ себѣ плотскія мысли и желанія. Онъ ушелъ отъ нея, пообѣщавъ прійти на слѣдующій день.

УП.

Алексѣй вошелъ въ маленькую пріемную комнату съ нѣсколькими стульями, небольшимъ столомъ и прекрасными на стѣнахъ гравюрами, изображающими Христа въ трогательные моменты его земной жизни. Кругомъ была тишина. Волненіе, въ ожиданіи неизвѣстнаго результата предпринимаемыхъ шаговъ, мало по малу, начало смѣняться нетерпѣніемъ. Такъ прошло не малое количество минутъ, но никто къ нему не выходилъ. Наконецъ, послышались шаги въ прилегавшемъ корридорѣ. Открылась дверь, и вошелъ высокій монахъ ордена Іисуса, среднихъ лѣтъ, съ крупными чертами привѣтливаго лица, съ умнымъ спокойнымъ взглядомъ, широко очерченной линіей бровей и длинной, окладистой бородой.

Съ перваго же взгляда на Алексѣя, онъ уловилъ, привычную для него, картину жизненной и душевной трагедіи русскаго эмигранта и, помимо этого, еще что то, что выражало истомленное внутренней борьбой, исхудавшее, пожелтѣвшее лицо, съ сосредоточеннымъ углубленнымъ взглядомъ зеленовато прозрачныхъ глазъ.

— Садитесь, пожалуйста, — проговорилъ монахъ по русски.

Алексѣй поклонился и сѣлъ.

— Мнѣ передали, что вы можете устроить мнѣ работу, такъ вотъ, я и рѣшился обезпокоить васъ.

— Да, да, мнѣ о васъ говорили, — неторопливо произнесъ монахъ. — Тутъ, видите-ли, нужно присматривать за одной небольшой виллой, расположенной въ окресностяхъ Парижа. Хозяинъ наѣзжаетъ изрѣдка. Помѣщеніе хорошее, небольшой садъ и огородъ. На всемъ готовомъ и двѣсти франковъ. Онъ же и одѣваетъ. Можете читать и учиться, такъ какъ времени свободнаго много. Конечно, отлучаться часто не удобно.

— Это мнѣ подошло бы вполнѣ, — обрадовался Алексѣй.

— Не боитесь соскучиться? Вѣдь это за чертой Парижа и, по большей части, прійдется быть одному.

— Какъ разъ то, что мнѣ и надо. Я былъ бы очень доволенъ.

— Въ такомъ случаѣ, отъ моего имени, отправляйтесь прямо отсюда къ владѣльцу виллы. Вотъ вамъ адресъ.

— Какъ я былъ бы счастливъ, еслибъ это удалось, — вздохнулъ Алексѣй. Онъ боялся повѣрить счастію получить именно то, что, въ данный моментъ, болѣе всего соотвѣтствовало потребностямъ его души.

— Всѣ данныя на это. Я видѣлъ этого господина на дняхъ, и онъ просилъ меня найти желающаго. Если вы пойдете сейчасъ, то какъ разъ застанете его дома.

Алексѣй поднялся, спѣша закрѣпить за собой столь желанное мѣсто.

— Очень вамъ благодаренъ, отецъ... — онъ запнулся.

— Владимиръ, — подсказалъ монахъ.

— Удастся или не удастся, разрѣшите еще разъ зайти къ вамъ.

— Я буду очень радъ васъ видѣть.

Во взглядѣ темныхъ глазъ монаха, Алексѣй прочелъ ласковое доброжелательство. Хотя словъ произнесено было немного, но въ ихъ вдумчивомъ тонѣ, въ спокойной неторопливой манерѣ, въ томъ неуловимомъ, что составляетъ обояніе цѣльныхъ, глубокихъ и чистыхъ натуръ, Алексѣй, въ нѣсколько минутъ короткаго знакомства, почерпнулъ исходящую отъ этого человѣка силу. Скрытный и замкнутый по натурѣ, онъ почувствовалъ желаніе вылить передъ этимъ человѣкомъ недуги своей больной души.

— Такъ заходите же, — еще разъ повторилъ монахъ, пропуская его въ дверь и наклоняя голову, въ отвѣтъ на его поклонъ.

— Я зайду непремѣнно. Когда разрѣшите?

— Когда хотите.

Алексѣй вышелъ съ облегченымъ сердцемъ, какъ будто бы часть тяежсти онъ оставилъ въ маленькой пріемной. Онъ былъ немедленно принятъ сѣдымъ, суетливымъ и многорѣчивымъ французомъ, привѣтливо встрѣтившимъ его.

Выяснилось, что человѣкъ, охраняющій виллу, остается до конца будущаго мѣсяца; такимъ образомъ, онъ можетъ вступить въ свои обязанности лишь черезъ два мѣсяца. Хозяинъ виллы поспѣ-

шилъ подтвердить, что, перемѣны воспользоваться его услугами быть не можетъ и даже предлагалъ задатокъ. Алексѣй отказался отъ денегъ, о чемъ, выйдя отъ старика, пожалѣлъ, ибо не зналъ на какія деньги онъ проживетъ эти два мѣсяца. Слѣдуя настойчивому внутреннему побужденію, онъ, той же дорогой, вернулся обратно и, у большого сѣраго дома, потянулъ мѣдную ручку звонка, громко оглашавшаго посѣтителей.

Опять онъ очутился въ маленькой пріемной. На душѣ его было свѣтлѣе. Вѣрнымъ чутьемъ онъ отгадывалъ, что спутанный рисунокъ его настоящей жизни начинаетъ выявляться.

— Ну что: удачно? — раздался голосъ отца Владиміра.

Алексѣй передалъ свой разговоръ съ владѣльцемъ виллы.

— У васъ на эти два мѣсяца работа найдется?

— Ничего нѣтъ, и не знаю гдѣ искать.

Монахъ, задумчиво, сталъ перебирать бороду.

— Не поискать ли, въ такомъ случаѣ, что нибудь иное?

— Нѣтъ, ужъ лучше я какъ нибудь перебьюсь.

— Почему же не поискать? — монахъ вскинулъ на Алексѣя пытливый взглядъ.

— Мнѣ необходимо, на нѣкоторое время, одиночество, чтобы сосредоточиться въ себѣ и отойти отъ жизни. Я готовъ голодать, только бы не выпустить этого мѣста.

Монахъ, что то обдумывая, молчалъ.

— Мнѣ хотѣлось бы кое о чемъ поговорить съ вами, отецъ Владиміръ. Я очень одинокъ...

— Пожалуйста, я слушаю васъ.

Алексѣя охватила острая потребность излить до

дна, ничего не утаивая, все, накопившееся въ его душѣ. Монахъ, въ своемъ молчаливомъ сосредоточіи, притягивалъ его и внушалъ довѣріе. Онъ отгадывалъ въ немъ глубокую душу и такой же умъ. Начавъ съ того, что произошло на послѣдней исповѣди, Алексѣй, безъ труда, съ торопливостью излагалъ всю тягостную исторію тщетной и мучительной борьбы съ самимъ собой. Въ сладостномъ самобичеваніи, онъ не щадилъ красокъ, чтобы изобличать лукавство, грязь и грубость своей натуры.

— Ну вотъ, я вамъ все сказалъ, мнѣ стало легче, — закончилъ Алексѣй.

Монахъ отвѣтилъ ему сдержанной, одобрительной улыбкой:

— Если вы можете, то зайдите дня черезъ три; за это время я кое что предприйму, а вы молитесь, настойчиво и усердно боритесь съ собой, и Господь поможетъ вамъ одержать побѣду. Онъ испытываетъ тѣхъ, кого любитъ, чтобы испытаніями укрѣпить волю и приготовить душу къ подвигамъ.

Алексѣй попросилъ монаха пройти съ нимъ въ исповѣдальню. Онъ вышелъ отъ отца Владиміра съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ отъ сознанія примиренія съ Господомъ въ искреннемъ покаяніи. Онъ чувствовалъ въ себѣ притокъ новыхъ душевныхъ силъ, чувствовалъ, какъ опять разгорѣлось его сердце безграничной любовью ко Христу, протягивающему Свою милосердную руку всякому, кто ищетъ Его.

На слѣдующее утро онъ причастился и, совершенно спокойный, радостный и обновленный, пошелъ навѣстить больную Марію. Никакого раздраженія въ себѣ онъ больше не чувствовалъ, по-

тому что понялъ, что винить въ своихъ заблужденіяхъ, кромѣ самого себя, ему некого. Съ Маріей онъ былъ нѣженъ какъ братъ. Она нѣсколько разъ вскидывала на него недоумѣвающій взглядъ: эта странная нѣжность, въ которой отсутствовалъ элементъ страсти, внушала ей больше безпокойства, чѣмъ грубая придирчивость, расплавлявшаяся въ безудержные порывы страсти.

Черезъ три дня онъ отправился къ отцу Владиміру.

— Я вамъ устроилъ возможность провести эти два мѣсяца въ монастырѣ. Мнѣ кажется, для васъ это будетъ очень хорошо.

Алексѣй вспыхнулъ отъ неожиданной радости. Онъ не находилъ словъ благодарности. Внутренній голосъ шепнулъ ему, что съ этого момента начинается тотъ путь, по которому, уже не уклоняясь, ему надлежитъ идти. Нѣсколько минутъ онъ молчалъ, смотря прямо передъ собой и не видя.

— Не знаю, какъ благодарить васъ, — очнулся онъ.

— Не надо благодарить. Я радъ, что удалось.

— Когда можно отправиться?

— Хоть сейчасъ. Берите Евангеліе, молитвенникъ и поѣзжайте. Поблагодарите тамъ сюперьера, — это онъ сдѣлалъ.

Отецъ Владиміръ порылся въ карманѣ рясы:

— Вотъ, пожалуйста, вамъ на дорогу туда и обратно; туда по желѣзной дорогѣ три часа съ лишнимъ.

— Разрѣшите, я вамъ напишу изъ монастыря: Я такъ переполненъ радостью, что не могу говорить. Вы представить себѣ не можете, какъ много вы сдѣлали для меня... для души моей, — поправился Алексѣй.

Отецъ Владиміръ поднялся:

— Такъ вы ужъ не задерживайтесь; поѣзжайте сегодня же. Если поторопитесь, такъ успѣете: есть поѣздъ въ два часа.

— Да, да, я сегодня же уѣду.

Алексѣй помчался домой. Отъ радости путались мысли, и сердце учащенно билось. Наскоро сложивъ вещи и поручивъ ихъ на храненіе хозяйкѣ, наскоро поѣвъ, волнуясь, боясь опоздать къ поѣзду, онъ поѣхалъ на вокзалъ и, не вѣря счастію, умиляясь глубокой благодарностью къ Богу, — такъ неожиданно и быстро устранившему всѣ нагромоздившіяся вокругъ него затрудненія, вскорѣ сидѣлъ уже въ поѣздѣ, уносившемъ его прочь отъ Парижа. Залитыя солнцемъ поля и рощи быстро проносились передъ его, подернутыми благодарной слезой, глазами, усталыми отъ городсткого однообразія и съѣдающей душу суетной пыли. Онъ зналъ отлично, что поѣздъ уноситъ его не только отъ Парижа, но и отъ всей его настоящей жизни, ставя преградой стѣны еще невѣдомаго ему монаря, куда, опережая бѣгъ поѣзда, рвалось его сердце.

Въ небольшомъ городкѣ онъ узналъ, что монастырь находится на разстояніи четырехъ верстъ, что за пріѣзжающими могутъ выслать лошадь, если сообщить по телефону. Послѣ короткаго раздумья, Алексѣй рѣшилъ идти пѣшкомъ: его манила свѣтлая, залитая солнцемъ и тепломъ, даль, убѣгающая между полей и лѣсовъ.

Глубоко вбирая въ себя живительный воздухъ свободно раскинувшихся полей, предоставляя налетавшему вѣтру ерошить свои волосы и обвѣвать

лобъ, съ преждевреемнной поперечной бороздой усталости, Алексѣй шелъ, щуря глаза отъ непривычно яркихъ красокъ, заливавшихъ нерукотворный храмъ Творца. Въ сердцѣ его таяли льдинки застывшихъ, невыплаканныхъ слезъ. Какъ туманъ подъ лучами восходящей зари, растворялась великая тоска одиночества внѣ Родины, внѣ семьи. Душа, обласканная природой, сливаясь съ ней въ единомъ біеніи сердца вселенной, обрѣтала утерянное, отнятое людьми.

— Какъ хорошо! Благодарю Тебя, Отецъ Небесный!... — громко повторялъ Алексѣй, поминутно останавливаясь, обнимая ненасытнымъ взглядомъ отъ горизонта къ горизонту, раскинувшіяся подъ голубыми небесами, дали. Высоко вытянувшійся спѣлый, тяжелый колосъ осторожно и упруго наклонялся, отливая золотомъ. Въ лазоревой безднѣ медленно плыли, какъ паруса далекихъ кораблей, неуловимо-мѣняющіяся очертанія облаковъ. На липахъ, тянущихся вдоль дороги, чуть трепетала густая листва, бросавшая на землю черную округлую тѣнь. Алой улыбкой пестрѣли, среди колосьевъ, радостные маки, и синѣли васильки, призывая къ своей ароматной красѣ порхающихъ надъ нивой бѣлыхъ и желтыхъ мотыльковъ. Растворяющійся въ знойной синеватой дымкѣ далекій лѣсъ звалъ къ себѣ, чтобы повѣдать странныя, чарующія, ему одному вѣдомыя, сказки.

За поворотомъ, Алексѣй увидѣлъ бѣлый домикъ заброшенной мельницы. Подлѣ протекалъ мелкій ручеекъ, теряющійся въ гущинѣ столпившихся надъ нимъ ивъ и глухого кустарника. Ярко зеленый густой камышъ поросъ изумруднымъ лѣскомъ у большого покрытаго мхомъ камня, раздроблявша-

го свѣжую струю, катившуюся по песчанному дну.

Алексѣй остановился на мосткѣ.

— Россія, совсѣмъ Россія! То же однотонное журчаніе струи зеленаго ручья, омывающаго вѣтви ивы... и густой камышъ... Тѣ же поля, маки и васильки... вонъ лѣсъ, и надъ нимъ гряда свѣтлыхъ розоватыхъ облаковъ... Россія... Франція... Та же земля Твоя, Господи; любимая, всѣмъ родная, земля!

Онъ стоялъ съ лицомъ, орошеннымъ слезами, и мысли его сплетались съ молитвой. Громадная волна чистаго подъема выливалась изъ души; сердце звучало, звенѣло торжестенными, давно невѣдомыми ему, аккордами.

Онъ издали миновалъ деревушку, свернулъ и, пройдя съ полъ версты, опустился на траву подлѣ лѣса. Прислонясь къ теплому стволу, онъ смотрѣлъ передъ собой въ зелено-голубую даль, умиротворенный, благодарный Творцу. Въ молчаливо мирныхъ даляхъ таяли, какъ ненужные докучные сны, позорные дни его паденій. Опьяненный воздухомъ и солнцемъ, онъ отдался полудремотѣ. Легкій шорохъ заставилъ его открыть глаза: передъ нимъ стоялъ Свѣтловъ. Тихая улыбка въ глазахъ и на губахъ, склоненнаго къ нему, лица, была полна непередаваемой прелести.

— Вы!! вы здѣсь?! Свѣтловъ, родной мой!... — Алексѣй, въ одно мгновеніе былъ на ногахъ, прижимая къ груди протянутую ему руку.

— Вѣдь вы идете туда, — Свѣтловъ указалъ по направленію монастыря. — Это очень хорошо, Алеша.

Впервые Свѣтловъ его назвалъ уменьшитель-

нымъ именемъ, прозвучавшимъ въ его устахъ необыкновенной лаской.

— Да, иду молиться, иду къ Нему.

— Вотъ и хорошо, — тихо, проникновенно отозвался Свѣтловъ.

— Зачѣмъ вы ко мнѣ не приходили? Ахъ, какъ я мучительно ждалъ васъ!... — съ грустью, упрекнулъ Алексѣй.

Глаза Свѣтлова вдругъ стали печальны и строги. Онъ опустилъ взоръ и ничего не сказалъ. Алексѣй смутился, покраснѣлъ и замолчалъ, пораженный воспоминаніемъ пережитыхъ дней своего глубокаго паденія.

— Какъ странно и какъ хорошо, что мы встрѣтились здѣсь съ вами, — произнесъ Алексѣй. — Онъ хотѣлъ спросить какъ это произошло, откуда и куда онъ шелъ, но почему то воздержался.

Свѣтловъ, держа одну руку на его плечѣ, стоялъ молча, устремивъ глаза на голубыя дали. Онъ перенесъ взглядъ, преисполненный любви, на Алексѣя:

— Идите туда и молитесь усердно. Для подвига нужна великая сила души.

— Другъ мой дорогой, помолитесь обо мнѣ... — Охваченный внезапнымъ волненіемъ, Алексѣй схватилъ Свѣтлова за руку, желая отдалить минуту разлуки.

— Я молюсь о васъ... Отецъ Небесный не оставитъ васъ въ дни вашей скорби и тоски.

Алексѣй, сдерживая слезы, обнялъ Свѣтлова.

— Скажите, — увидимся?

— Я еще прійду къ вамъ. — Свѣтловъ остановилъ долгій взглядъ на лицѣ Алексѣя и, ровной, легкой поступью, сталъ удаляться. Алексѣй, не отрываясь, смотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Для подвига нужна великая сила души... — вдумчиво повторилъ онъ только что сказанныя ему слова и, открывая въ нихъ какое то особенное для себя значенiе, весь во власти трепетнаго волненiя, сложилъ молитвенно руки и смиренно опустилъ голову:

— Иду, иду къ Тебѣ, Господи!...

Залитая розоватымъ отблескомъ вечерѣющаго дня, пронизанная косыми лучами, фигура Свѣтлова уплывала и таяла среди зеленаго моря спѣлыхъ колосьевъ, въ легкой зыбкости, еще не уловимыхъ для глаза, испаренiй разогрѣтой земли.

Не ища разгадки неожиданной встрѣчи, подчеркивавшей непреложность и важность произшедшей въ его жизни перемѣны, Алексѣй долго не отрывалъ взляда отъ удаляющейся фигуры Свѣтлова, посылая ему вослѣдъ вмѣстѣ съ молитвой благословенiе, преисполненное глубочайшей любви. Въ эту свѣтлую минуту, Алексѣй особенно ярко понялъ, что никого и никогда онъ не любилъ такой полной гармоничной любовiю, какъ любилъ этого близкаго и, въ то же время, далекаго друга. Когда Свѣтловъ скрылся въ подернутыхъ перламутромъ даляхъ, Алексѣй, сосредоточенный въ самомъ себѣ, пошелъ дальше.

Солнце, красно-мѣднымъ раскаленнымъ дискомъ уже готово было скатиться въ лазоревую бездну, задернутую по горизонту свѣтило фiолетовымъ облакомъ, когда Алексѣй подошелъ къ высокой, бѣлой оградѣ монастыря. По обѣимъ сторонамъ входа, два высокихъ, къ небесамъ тянущихся, тополя, какъ два безмолвныхъ безсмѣнныхъ сторожа, охраняли порогъ тихой обители. Сердце Алексѣя забилось сильнѣе отъ радости давно желанна-

го покоя въ молитвѣ. Онъ перекрестился, благодарнымъ взглядомъ окинулъ рдѣющій закатъ и потянулъ кольцо звонка монастырскихъ воротъ.

УШ.

Съ той минуты, какъ молчаливый молодой инокъ ввелъ Алексѣя въ предназначенную для него маленькую, свѣтлую комнатку, началась его новая жизнь, съ новыми, до тѣхъ поръ, невѣдомыми ему, углубленными переживаніями.

Родились тончайшія радости откровеній сердцу и пылкихъ молитвъ. Ни на какія хоромы онъ не промѣнялъ бы эту, окрашенную бѣлой извѣсткой, одинокую келейку. Кромѣ узкой кровати, стола, комода, двухъ стульевъ и простого умывальника—въ ней ничего не было, и большаго не желалось. На стѣнѣ, у кровати висѣло большое черное Распятіе умиравшаго, въ послѣднихъ мукахъ, Христа. На противуположной стѣнѣ, въ узкой рамкѣ, подъ стекломъ, висѣла прекрасная гравюра, изображавшая Богоматерь съ тянущимся къ міру Младенцемъ. Миндалевидные, съ выпуклыми вѣками, глаза были кротко полуопущены. Отъ этого изображенія дѣвственной Святости Богоматери, вся келья имѣла видъ смиреннаго и чистаго убѣжища; солнце, почти весь день, наполняло ее своими лучами. Алексѣй въ ней много молился, много размышлялъ и читалъ. Сдѣлавъ надъ собой усиліе воли, онъ, въ первые же дни, написалъ Маріи короткое письмо, извѣщавшее ее, что онъ уѣхалъ изъ Парижа на два мѣсяца.

Онъ опустилъ письмо въ монастырскую почтовую кружку, торопясь захлопнуть, пріоткрытую на

мгновеніе, калитку прошлаго, отъ котораго уже удалилось его сердце. Образъ Маріи тускнѣлъ, утрачивая обаянія женскихъ чаръ, которыя туманили его разумъ и разрушали волю.. Далеко, въ изжитыхъ даляхъ, иногда мерещился ему, подъ тихими сводами монастыря, грустный взглядъ безвольной женщины, ищущей опоры въ бурныхъ волнахъ страсти. Съ глубокой жалостью, онъ проходилъ мимо этого облика, потускнѣвшаго, расплывающагося въ молитвеныхъ волнахъ монастырскаго покоя.

Въ старинную церковь, сквозь многоцвѣтныя готическія окна, вливались борющіяся свѣто-тѣни; копія солнечныхъ лучей скупо проникали сквозь зеленыя шапки могучихъ стволовъ, тѣснымъ рядомъ сомкнувшихся вокругъ монастырской святыни. Алексѣй, по нѣсколько разъ въ день, заходилъ въ нее, и, въ молитвѣ, съ его души, слой за слоемъ, отпадали пласты мірской пыли.

Съ каждой новой утренней зарей, онъ просыпался радостнѣе и счастливѣе. Въ открытое окно текли ароматы еще росныхъ травъ и первый щебетъ пробуждающихся птицъ. Алексѣй крестился, глядя въ свѣтляющія небеса и, вмѣстѣ съ природой, встрѣчалъ, сквозь неотлетѣвшую еще дымку сна, первые лучи восхода.

Въ свѣжести утра онъ торопливо одѣвался, боясь опоздать къ началу ранней обѣдни. Въ благоухающихъ ароматахъ пробужденныхъ полей и лѣсовъ раздавался первый ударъ благовѣста; въ солнечныхъ, еще робко и косо падающихъ розоватыхъ лучахъ, онъ тихо плылъ надъ золотыми нивами и зелеными вершинами.

Освѣженное холодной водой лицо утрачивало

слѣды крѣпкаго здороваго сна; радостно и сладко билось сердце въ отвѣтъ на тягучіе удары монастырскаго колокола. Съ молитвенникомъ въ рукѣ, Алексѣй проходилъ рядъ сводчатыхъ корридоровъ, Одинъ за другимъ, длинной вереницей, медленно и безшумно двигались изъ внутреннихъ корридоровъ иноки съ опущенными глазами, тихіе, молчаливые, непроницаемые въ своей сложной внутренней жизни. Въ полной тишинѣ, нарушаемой лишь звуками благовѣста, они размѣщались, колѣнопреклоненные, вдоль темныхъ скамей. Алексѣй входилъ послѣдній. Занявъ мѣсто въ заднемъ ряду, онъ опускался на колѣни и оставался такъ до конца службы. Въ глубокой, сосредоточенно-напряженной, молитвенной тишинѣ совершалась глухая месса. Горячо и страстно молился Алексѣй, чувствуя укрѣпляющееся силой благодати свое духовное перерожденіе. Подобно судну, захлестнутому бурной и мутной волной, онъ, чуть было, ни пошелъ ко дну. Спасительный вѣтеръ несъ его къ свѣтлымъ далямъ. Распустивъ паруса, радостно вздрагивая, судно неслось на прозрачной волнѣ, навстрѣчу солнцу, призывно сіяющему въ таинственной безднѣ.

Съ книгой въ рукѣ, взятой въ большой монастырской библіотекѣ, Алексѣй часто бродилъ по аллеямъ густого сада. Изрѣдка встрѣчалась строгая фигура инока, съ опущенными, на страницы молитвенника, глазами. Онъ проходилъ молча, далекій, замкнутый, вѣдомый одному лишь Тому, Кому служило его сердце.

Такъ какъ въ трапезную братій доступъ посторроннимъ воспрещался, то молодой инокъ, ласковый, услужливый и молчаливый, приносилъ ему

ѣду въ келью. На вопросы онъ отвѣчалъ кратко, хотя и охотно. Онъ разсказалъ, что въ монастырь ушелъ онъ семнадцати лѣтъ, будучи единственнымъ сыномъ богатыхъ родителей, которые долго не уступали его влеченію. Вскорѣ Алексѣю стало ясно, что для него, какъ и для молодого монаха, смыслъ и счастіе жизни только за оградой монастыря. Послѣ паденій и, рядомъ съ ними, страданій въ сознаніи совершаемаго грѣха, послѣ послѣдней борьбы въ самомъ себѣ, такъ неожиданно закончившейся дорогой къ монастырскимъ воротамъ, онъ обрѣталъ въ себѣ новаго человѣка, далекаго и чуждаго своему, еще недавному, прошлому: Страницы этой жизни казались ему начертанными не его рукой и были мучительно ненужны; хотѣлось навсегда вытравить ихъ изъ своей памяти.

Ни тѣни сомнѣнія не коснулось души Алексѣя, когда онъ писалъ отцу Владиміру, прося его содѣйствія и помощи въ переговорахъ съ настоятелемъ монастыря. Онъ не сомнѣвался въ благопріятномъ отвѣтѣ покровительствующаго ему инока и, съ радостнымъ волненіемъ, ждалъ отвѣта. Выходя за воротъ ограды, онъ разсказывалъ полямъ и рощамъ о своей близкой неразлучности съ ними; о томъ, что скоро и его рукой будутъ оглашаться тягучимъ благовѣстомъ ихъ безпредѣльныя пространства. Онъ благословлялъ ихъ за то, что среди нихъ очистилась душа его, что среди нихъ протекутъ, до конечнаго предѣла, годы его жизни. Всѣ дни, подобно перебираемымъ четкамъ, сольются въ наружномъ однообразіи, въ постоянномъ внутреннемъ движеніи къ божественнымъ высотамъ.

Отъ отца Владиміра пришелъ скромный и краткій отвѣтъ. Не противясь принятому рѣшенію, онъ,

однако, настоятельно просилъ вернуться изъ монастыря, поселиться на одинокой виллѣ, какъ это было условленно и, хотя бы полъ года, усердно провѣрить столь быстро принятое рѣшеніе.

Алексѣй былъ глубоко огорченъ; однако, желая подтвердить актомъ смиренія и послушанія свою готовность принять монашескій чинъ, онъ отвѣтилъ отцу Владиміру, что безпрекословно подчиняется его желанію и, къ указанному хозяиномъ сроку, водворится на принятое имъ мѣсто.

IX.

— Ну, что жъ, господа, идемъ или не идемъ въ кафэ? Мироновъ, довольно вамъ бренчать! Закройте рояль и извольте собираться.—Въ дверяхъ гостинной появилась Наталія, въ шелковомъ черномъ костюмѣ, подчеркивавшемъ ея смуглую цыганскую красоту, съ обжигающимъ взглядомъ надмѣнныхъ глазъ.

— Маруся, ты идешь съ нами? — обратилась она къ сестрѣ, пріютившейся съ книгой въ углу дивана.

— Конечно, идетъ, — отвѣтилъ за нее Мироновъ, продолжая наигрывать на роялѣ.

— Куда? — Марія подняла грустные глаза.

— Ты всегда отсутствуешь: цѣлыхъ полъ часа сговаривались идти въ кафэ, а ты спрашиваешь: куда? — пожала плечами Наталія.

— Кто же идетъ?

— Всѣ идутъ. Мироновъ, да бросьте вы, къ чорту, этотъ вальсъ! Ей Богу, надоѣло!...

— Бросилъ, бросилъ! Не извольте гнѣваться. А гдѣ же вся ваша свита?

— Въ карты дуются.

— Ну, вотъ видите: меня согнали съ мѣста, а тѣ еще и не двигаются. Марусенька, пойдемте разгонять ихъ изъ за картъ.

— Идите сами, Миша. — Марія глубже прислонилась къ углу дивана и, безучастная къ окружающему, опустила глаза на страницу книги.

Мироновъ, ловкій, высокій, съ твердо очерченными линіями, и глазами говорившими объ упрямой и дерзкой волѣ, вышелъ, скользнувъ въ сторону Наталіи утвердительнымъ взглядомъ.

Выждавъ минуту, Наталія подошла вплотную къ сестрѣ:

— Онъ говорилъ съ тобой?

— Говорилъ, — не отрывая глазъ отъ книги, произнесла Марія.

— И чтоже?

— Я согласилась... не все ли мнѣ равно! — равнодушно пожала она плечами.

— Очень умно сдѣлала. Съ этимъ не пропадешь, не чета тому юродивому.

— Наташа!!. — Марія сдвинула брови. — Вѣдь я просила тебя, хотя бы при мнѣ, оставить его въ покоѣ.

— Дѣйствительно, цаца нашлась! Вотъ ужъ понять тебя не могу! Скажи лучше, когда же рѣшили обвѣнчаться?

— Мнѣ все равно: когда хочетъ.

— Ну, если когда хочетъ, значитъ скоро. Онъ тебя очень любитъ. Я рада за тебя.

— Пустъ любитъ, а вотъ люблю ли я?! — горько усмѣхнулась Марія.

— Повѣрь мнѣ, что когда выбьешь дурь изъ головы, такъ и сама его полюбишь. Я въ мущинахъ

толкъ понимаю и скажу тебѣ откровенно, что надо быть такой дурой какъ ты, чтобы не влюбиться въ него по уши. Я бы и сама не прочь, да только съ нимъ не очень попрыгаешь: онъ спуску не дастъ. Наталія разсмѣялась и обняла сестру:

— Ну, Маришка, теперь весело заживемъ! Будь только осторожна съ нимъ: онъ, должно быть, ухъ какой ревнючій.

— Ну, и пусть: вѣдь я — не ты.

— Очень жаль. Какъ видишь, пожаловаться не могу.

— Чтожъ, каждому — свое, — тихо проговорила Марія и встала съ дивана. — Мнѣ, право, не хочется идти въ кафэ. Навѣрное, опять кончится ресторан омъ, будете пить.

— Да ужъ, конечно! Не сидѣть же все время съ чашкой кофе.

Послышались громкіе голоса. Въ комнату вошло нѣсколько человѣкъ мущинъ, игравшихъ въ карты, и тощая блондинка неопредѣленнаго возраста, съ блѣднымъ лицомъ, запечатлѣвшимъ на себѣ не только минувшую бурную жизнь, но и многіе бурные пороки, изсушившіе ея тѣло и душу. Дымившая ей въ глаза папироска, — неразлучная съ изсиня блѣдными губами, заканчивала послѣднамъ штрихомъ неженственность наружнаго облика.

— Ну, милочка, — обратилась она къ Наталіи, — ваши поклонники меня совсѣмъ распотрошили.

— Проигрались?

— До тла. Вотъ кто всѣхъ обыгралъ, — указала Клавдія Михайловна на брата Алексѣя, съ довольнымъ видомъ, входившаго въ гостинную.

— Да-съ, на тридцать семь франковъ мой бюджетъ на этотъ мѣсяцъ увеличенъ. Михаилъ Михай-

ловичъ, прошу васъ по этому случаю изобразить намъ что нибудь торжественное, вродѣ полонэза Шопена, — обратился онъ къ Миронову.

— Не смѣю. Царица приказала немедленно всѣмъ собираться въ кафэ.

Только что двинулись въ прихожую, какъ вслѣдъ за звонкомъ, вошелъ громадный, плотный человѣкъ.

— А-а, Степанъ Ефимовичъ! — раздался единодушный радостный возгласъ.

— Онъ самый! Имянинница то гдѣ же? Ну, вижу, вижу. — заговорилъ вошедшій, сильно ударяя на о и степенно всѣмъ пожимая руки. — Чего же пожелать то вамъ, красавица? Ужъ и не знаю. Всѣмъ васъ Господь наградилъ: и красотой рѣдкой, и талантомъ не малымъ, да и радостью въ жизни, кажется, не обидѣлъ. Дай вамъ Богъ жениха, красиваго, да румянаго, да богатаго.

— Какъ вы сами, — лукаво прищурилась Наталія, протягивая ему для поцѣлуевъ обѣ руки.

— Еще чего ни выдумали! Я старикъ, а вамъ надо вродѣ какъ вотъ этотъ молодецъ, — уаказалъ на Миронова купецъ Проскуровъ.

— За такого я бы не прочь, — обжигая Миронова взглядомъ, улыбнулась Наталія, — да, бѣда, что у него вашего милліончика нѣтъ.

— Ужъ и милліончика!... Да, никакъ, вы всѣ собрались куда то?

— Идемъ кутнуть, по случаю имянинъ.

— Дѣло доброе, — улыбнулся купецъ. — А не проще ли дома это сдѣлать? Я принесъ всего, что потребуется для кутежки. Вотъ, красавица, потрудитесь получить. Коли чего не достанетъ, такъ мы

въ сей же часъ и докупимъ; за этимъ дѣло не станетъ.

Степанъ Ефимовичъ, съ круглой, подъ гребенку стриженной, головой, съ бритымъ добродушнымъ лицомъ и хитровато умными глазами, производилъ крайнѣ выгодное впечатлѣніе. Его любили за широкую натуру, не утерявшую, не взирая на эмигрантство, привычки быть щедрымъ; за веселый и ласковый нравъ, за любовь къ жизни, не утратившей для него своей прелести, не смотря на стукнувшіе шестьдесятъ лѣтъ.

Пока Наталія, вмѣстѣ съ сестрой, хлопотали въ столовой, — подъ звонъ серебра и посуды, доносившихся въ гостинную, всегда безпечный Левушка пѣлъ, подѣ аккомпаньиментъ Миронова, цыганскіе романсы.

— Молодецъ Ефимичъ, что догадался принести шампанское: заодно и помолвку сегодня отпразднуемъ, — улыбнулась сестрѣ Наталія. — Надѣюсь, не секретъ?

— Какъ хочешь.

— Да что ты все: какъ хочешь, да какъ хочешь! Встряхнись, пожалуйста. Точно не живая. Становится глупо! — разсердилась Наталія.

Ужинъ затянулся поздно. Всѣмъ было весело отъ вина, выпитаго въ большомъ количествѣ, отъ запаха розъ, доцвѣтавшихъ въ громадномъ букетѣ послѣдніе часы своей нѣжно-ароматной жизни въ атмосферѣ, пронизанной запахомъ вина, духовъ, пудры, табачнаго и сигарнаго дыма, медленными воздушно-сизыми пластами, проплывавшаго надъ головами гостей къ открытому, въ сосѣдней комнатѣ, окну.

— Красавица, а ну-ка, я къ тебѣ поближе, —

проговорилъ купецъ, обычнымъ жестомъ, проводя ладонью по своему лицу ото лба къ подбородку. Онъ подсѣлъ совсѣмъ вплотную къ Наталіи и, осторожно положилъ руку на ея круглое колѣно.

— Любишь еще иль разлюбила за сутки?

Наталія, вмѣсто отвѣта, выразительно поглядѣла ему въ глаза и осушила недопитый бокалъ.

— Протяни-ка руку подъ столомъ... вотъ тебѣ подарокъ мой. Надѣюсь, угодилъ. Изумруды, кажись, любишь?

— И тебя, Ефимичъ, люблю вмѣстѣ съ изумрудами, — смѣясь, тихо отвѣтила Наталія, принимая подарокъ и пряча его въ карманъ!

— Ухъ, и шельма же ты! Пожалуй, за то и люблю тебя.

Въ концѣ ужина, Наталія объявила о помолвкѣ сестры. Мироновъ принималъ поздравленія съ улыбкой торжества достигнутой побѣды, тѣмъ болѣе, что романъ Маріи съ Алексѣемъ ни для кого секретомъ не былъ. Онъ читалъ въ глазахъ присутствовавшихъ нѣмое удивленіе, льстившее его мужскому самолюбію. Марія краснѣла, молча, принимала поздравленія, выдавливая слабую улыбку, не соотвѣтствовавшую печальному выраженію глазъ.

— Ну, и коварная женщина! — громкимъ возгласомъ привлекла всеоб=ее вниманіе Клавдія Михайловна. — Что же это вы, Григорій Васильевичъ, не досмотрѣли? Братца въ обиду дали... Нехорошо!...

Марія быстро поднялась и стала прощаться, ссылаясь на усталость и на подзній часъ. Мироновъ поднялся вслѣдъ за ней.

— Ловко же вы отбили у соперника! — удерживая за обшлагъ, шепнула Миронову Клавдія Михайловна. — Молодецъ! Люблю такихъ... Только, совѣтую держать ухо востро: зазнобушка, видно, сидитъ глубоко, а вѣдь мы, женщины, народъ коварный...

Не извольте безпокоиться, — все будетъ въ порядкѣ, — сухо оборвалъ Мироновъ, съ враждебнымъ чувствомъ отворачиваясь отъ пьяныхъ и циничныхъ глазъ.

Послушайте, Наталія Игнатьевна, а куда же дѣвался прежній герой? Его что то давно не видно.— Не унималась Клавдія Михаиловна, дымя папироской изъ скошеннаго угла рта.

— А это ужъ вы спросите у Григорія Васильевича, куда онъ исчезъ. Я знаю не больше вашего.

— Такъ это вѣрно, что онъ куда то уѣхалъ?

— Вѣрно, — спокойно отозвался Григорій, замѣтно охмѣлѣвшій.

— Куда же?

— Вотъ это — загадка. Ей Богу, не знаю. Взялъ, да и скрылся въ одинъ прекрасный день, приславъ записку, что на нѣкоторый срокъ желаетъ уединиться.

— Подумаешь, какой аскетъ выискался! — Презрительно произнесла Наталія.

— Съ чего же это на него аскетизмъ напалъ? — усмѣхнулась тонкими губами Клавдія Михаиловна.

— Какъ братецъ мой въ католичество перешелъ, такъ и началъ чудить.

— Однако, можетъ быть, дѣло тутъ и не такъ ужъ просто,—съ серьезнымъ видомъ, начала Клавдія Михайлова. — Братъ вашъ далеко неглунъ и съ

темпераментомъ, а такіе именно и нужны Риму. Неужели вы думаете, что уловивъ нужныхъ имъ людей, такъ они и успокоятся?! Для чего же они и стараются, какъ ни для того, чтобы укрѣплять свою гвардію и чтобы пускать въ дѣло соблазненныхъ ими людей. Все это дѣло рукъ Іезуитовъ, покорныхъ приказу Ватикана. О, я кое что знаю!... — Клавдія Михаиловна многозначительно приподняла брови, стряхнула пепелъ въ пустой бокалъ и глубоко затянулась дымомъ.

— А для чего, собственно говоря, Ватикану понадобился вотъ ихній братъ, да и вообще всѣ мы — русскіе? Умные мы очень, али ужъ больно учены? —вмѣшался въ разговоръ купецъ.

— Да чтобы понемногу Россію въ свои руки забрать, совершенно ясно! — обрадовалась Клавдія Михаиловна внезапно пришедшей ей въ голову мысли.

— А зачѣмъ папѣ Россію забирать въ руки, коли, самъ онъ плѣнникомъ въ собственномъ Ватиканѣ сидитъ-то?

— Ахъ, да вѣдь это совсѣмъ инное... тамъ — вопросъ политическій, а тутъ — религіозный.

— На мой взглядъ, ни самому папѣ, ни его кардиналамъ отъ русскаго католичества ничего не прибавится.

— Позвольте, да вы, Степанъ Ефимычъ, кажтся и сами не далеки отъ католическихъ соблазновъ! Кто это васъ настрочилъ, разскажите намъ чистосердечно.

— Напрасно поторопились вы, барынька, потому что разсказывать мнѣ нечего. Я старообрядецъ и сознаться долженъ, что послѣ того какъ жену съ сыномъ потерялъ, я въ церковь ходить - то пере-

сталъ; такъ что я стою, какъ видите, всторонѣ, и вопросы религіозные меня мало занимаютъ. Про католичество я слышу много всякихъ разговоровъ, и въ толкъ не возьму, кому оно мѣшаетъ и почему идутъ всякіе вздорные росказни.

— Въ этомъ вопросѣ есть, такъ сказать, скрытыя стороны. Ихъ то вы и не видите,—слабо ворочая языкомъ, проговорилъ Григорій.

— Не вижу-съ, не вижу-съ. Вотъ вы потрудитесь указать ихъ мнѣ и просвѣтите меня по этому самому вопросу.

Нельзя было понять говоритъ ли купецъ серьезно или въ словахъ его, какъ и въ лукаво-добродушныхъ глазахъ, скрывалась легкая иронія. Вина онъ никогда не пилъ и, въ то время, какъ у присутствовавшихъ стоялъ въ головѣ хмѣльный угаръ, его мозгъ оставался совершенно трезвъ послѣ глотка шампанскаго, выпитаго, какъ рѣдкое исключеніе, въ честь имянинницы.

— Такъ вотъ, изволите ли видѣть, наши русскіе просто таки необходимы имъ, потому черезъ нихъ они то и имѣютъ въ виду главнѣйшую пропаганду для Россіи. Русскій своему больше повѣритъ, да и случаевъ къ разговорамъ такимъ больше, чѣмъ съ инноземнымъ католикомъ. Я предполагаю, что братъ мой не собственной волей исчезъ изъ Парижа и, быть можетъ, находится много дальше, чѣмъ мы думаемъ.

— Вѣрно, вѣрно, Григорій Васильевичъ. Возможно, что онъ даже и не во Франціи, а гдѣ нибудь въ Константинополѣ, а можетъ быть и въ Россіи. Въ деньгахъ они не стѣсняются и услуги оплачиваются щедро.

— Эхъ вы, хватили, барынька! Ужъ подлинно:—

языкъ мой и треплю имъ какъ хочу, — покачалъ головой купецъ. — Выходитъ по вашему, что — на, получи деньги и восхваляй нашу вѣру. Надо быть, сударыня, что ни на есть подлымъ человѣкомъ и съ гнилой совѣстью, чтобы за деньги дѣлать то, что миссіонеры, рискуя жизнью, творятъ въ нищетѣ во имя Божье. Нѣтъ ужъ, какъ угодно, а русская душа на этакія пакости не идетъ; напрасно вы изволите, зря, чернить русскаго человѣка. Грѣшны мы во многомъ, а чтобъ за деньги вѣру свою продавали, этого вѣрующая душа русская принять въ себя не можетъ. Всѣ эти слухи распущены людьми грязными и нечестными.

— Это вы вѣрно говорите, Степанъ Ефимовичъ; за ваше здоровье, — протянулъ свой бокалъ Левушка.

— Спасибо, а только я не пью; того же желаю и вамъ.

— Видите ли, Степанъ Ефимовичъ, вы судите поверхностно, не зная, что католики хитрющій народъ и такъ умѣютъ обставить дѣло, что съ виду и не поймешь въ чемъ кроется самая суть.

— А я отвѣчу на это, что какъ ни будь человѣкъ простъ, а совѣсть словно игла: продырявитъ какой угодно мѣшокъ глупости. Былъ я въ Америкѣ, прожилъ тамъ по торговымъ дѣламъ три съ лишнимъ года и, къ случаю, довелось узнать, что католическое вѣроисповѣданіе тамъ въ три раза больше чѣмъ въ Европѣ. А развѣ Америка отъ этого подъ Папскую власть попала? Какой была, такой и осталась. Ново для насъ ознакомленіе вплотную съ католической церковью, вотъ мы, по незнанію, и плетемъ всякое, а дѣло тутъ простое. Да ладно, я вѣдь не то, чтобы за католичество стоялъ

или противъ него шелъ, я — сторона, и сужу по здравому разсудку.

— Вотъ этого то здраваго разсудка у брата и нѣтъ. Какъ сдѣлался католикомъ, такъ и началъ штукарить. Жилъ раньше, какъ всѣ люди живутъ, а поговорите ка съ нимъ теперь: мечется, мечется безъ толку, а чего хочетъ — и самъ не знаетъ. Не то уличителемъ хочетъ быть, не то аскетомъ.

— Хорошъ аскетъ! Не могу поблагодарить васъ, Григорій Васильевичъ, что этакого аскета вы въ домъ мой ввели. Изъ за его фокусовъ Маруся сколько разъ болѣла. Успокоюсь, когда замужъ ее за Миронова выдамъ, а то, чего добраго, опять проявится.

Всѣ съ интересомъ внимали словамъ Наталіи, давшимъ разгадку неожиданной помолвкѣ.

— А я была увѣренна, что Марія Игнатьевна выйдетъ за него замужъ. Да, и характеръ у него, должно быть, не сладкій.

— Нѣтъ, этого сказать нельзя. Алексѣй человѣкъ добрый, — преодолѣвая дремоту, вступился за брата Григорій.

— Не скажите. Мы не разъ схватывались съ нимъ изъ за Маруси, и я знаю его хорошо. Въ послѣдній разъ какую штуку мнѣ откололъ! Убью, говоритъ, и ее, и васъ, если съ Мироновымъ вы ее сведете.

—Ого!...

— Ничего, я не изъ пугливыхъ.

— А вы не тяните со свадьбой... — начала было Клавдія Михаиловна, но густой низкій голосъ Проскурова перебилъ ее:

— Опять таки, позволю себѣ высказать мое мнѣніе. Мало ли что скажешь въ минуту раздраженія,

а только Алексѣй Васильевичъ человѣкъ душевный. Огрызался онъ ни отъ чего другого, какъ отъ внутренней ломки, которую всячески старался скрывать. Наблюдалъ я за нимъ и считаю, что человѣкъ онъ сложный и для себя трудный.

Истеричный дуракъ и ничего больше.

— Строго, строго судите, красавица, — укоризненно покачалъ головой купецъ и заговорилъ вполголоса, чтобы другіе не слышали:

— А вы увѣренны, что этотъ молодецъ пухомъ обложитъ вашу Марусю? Я такъ и вовсе не увѣренъ. Ловокъ, красивъ, видно, что судьба баловала. Въ глаза ему вы когда нибудь глядѣли попристальнѣе? Ну, а я глядѣлъ, и глаза у него жестокіе. Этотъ, молчкомъ, а съ дороги своей уберетъ кого захочетъ.

— Съ такой овцой какъ Марія, это не опасно. Вотъ со мной было бы иное дѣло.

— Развѣ что такъ. Марія Игнатьевна очень хорошій человѣкъ, но слаба, слаба характеромъ, это вѣрно.

Наталія, откинувъ голову, слегка поблѣднѣвшая отъ усталости, необычайно красивая въ атмосферѣ поздняго угара, наложившаго на ея смуглыя черты легкія тѣни нѣжной охры, придававшей глазамъ жуткій блескъ, — смотрѣла прямо передъ собой поверхъ сидящихъ за столомъ, всматриваясь въ странныя картины, встававшія въ ея воображеніи, невяжущіяся ни съ близкимъ сосѣдствомъ ея щедраго друга —покрывателя, ни съ помолвкой сестры съ Мироновымъ.

X.

Мироновъ, провожая Марію домой, не смотря на очень поздній часъ и на высказываемую ею усталость, велѣлъ шофферу сдѣлать большой кругъ, чтобы имѣть возможность провести съ ней лишніе полъ часа наединѣ. Она была сдержанна и робка. Онъ зналъ, что выросшая между ними, полтора года тому назадъ, стѣна въ лицѣ ненавистнаго ему Алексѣя, продолжаетъ существовать въ сердцѣ его невѣсты, несмотря на то, что, со времени его исчезновенія, имя его ни разу между ними не было произнесено. Онъ зналъ и то, что лишь благодаря странной настойчивости Наталіи, питавшей къ Алексѣю одинаковыя съ нимъ чувства, она такъ скоро дала согласіе на бракъ съ нимъ. Онъ отгадывалъ, что въ разнузданной натурѣ Наталіи уживались, вмѣстѣ съ желаніемъ пристроить сестру, какія то неясныя возможности по отношенію его. Втайнѣ, онъ не чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ и спокойнымъ, такъ какъ внезапное исчезновеніе Алексѣя не гарантировало возможнаго возвращенія. Онъ былъ увѣренъ, что вопреки данному слову, вопреки настояніямъ сестры, Марія откажется идти подъ вѣнецъ, если только снова увидитъ его. За эту слѣпую и упорную любовь, его сердце разгоралось злобой къ человѣку, котораго онъ считалъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже себя. Онъ пересталъ пить, чтобы не дать возможности своему сопернику торжествовать надъ этой слабостью, отдалявшей отъ него Марію.

— Маруся, когда же свадьба? — спросилъ онъ подъѣзжая къ ея дому.

— Когда хочешь... поговори съ Наташей.

— А тебѣ развѣ все равно?

— Нѣтъ, отчего же... — она улыбнулась усталой искусственной улыбкой, опустила глаза и задумалась о томъ, чей образъ постоянно преслѣдовалъ ея воображенiе. Она подняла глаза и встрѣтила, устремленный на себя пронизывающiй и холодный взглядъ. Она вздрогнула и отвернулась: ей показалось, что онъ прочелъ ея мысли.

Начинало брезжить утро, когда она вошла въ свою комнату. Усталыми руками она сбрасывала съ себя платье, силясь ни о чемъ не думать, чтобы поскорѣе лечь и уснуть. Однако, мысль о данномъ ею сегодня словѣ, была сильнѣе усталости. Въ длинной ночной сорочкѣ, съ распущенными волосами, она сѣла на край кровати, опустила на колѣни сложенныя руки и тяжело задумалась:

Она дала слово Миронову, котораго не любила, потому что на этомъ настаивала сестра, доказывая ей, что съ ея трусостью къ жизни, она одна жить не сможетъ, что все равно кто нибудь ее заберетъ въ руки, а Мироновъ, по крайнѣй мѣрѣ любитъ ее по настоящему. Зарабатываетъ онъ отлично и ни въ чемъ нуждаться она не будетъ, а если возстановится порядокъ въ Россiи, то вернется ему его собственность, и она будетъ опять богатой. Наталiя справедливо утверждала, что своимъ исчезновенiемъ онъ положилъ конецъ близкимъ къ ней отношенiямъ. Она упрекала Марiю въ отсутствiи женской гордости, въ томъ, что она, яко бы, сама ему на шею вѣшается.

— Плюнь на него, не дури и выходи замужъ. Такихъ мужчинъ, какъ Мироновъ — не часто встрѣ-

тишь, пропустишь, такъ потомъ не разъ пожалѣешь, слушайся меня...

; Такіе разговоры повторялись чуть ни ежедневно. Мироновъ держалъ себя очень осторожно: къ ней не приходилъ и, встрѣчая ее у сестры, о своихъ чувствахъ ей больше не говорилъ, но при каждомъ удобномъ случаѣ старался ей угодить и выразить свое вниманіе.

Нѣсколько дней тому назадъ, она получила письмо отъ Алексѣя. Наталія была права: онъ умолялъ ее простить всю боль, причиненную ея сердцу, просилъ запомнить на всю жизнь, что душа ея ему дорога и близка, что утромъ и вечеромъ онъ, до гроба, будетъ молиться о ней и останется ей вѣрнымъ другомъ и братомъ, что уходитъ отъ нея потому, что жить съ нею въ грѣхѣ — ему не выносимо, жениться же на ней ему не разрѣшаетъ законъ его церкви.

... — Перестрадавъ, мнѣ надо было переродиться внутри себя, чтобы имѣть силы уйти отъ тебя, моя бѣдная... не ищи меня: послѣ нѣкотораго времени полнѣйшаго уединенія, я совсѣмъ уйду отъ міра, и за высокой оградой буду горячо молиться о тебѣ...»

Такъ заканчивалъ Алексѣй свое письмо, надъ которымъ она пролила много безутѣшныхъ слезъ. О Мироновѣ онъ даже не намекалъ. Въ этомъ фактѣ для Маріи выявилась вся правда и искренность принятыхъ имъ рѣшеній, исключающихъ заботу о жизни мірской, отходящей для него по ту сторону той высокой ограды, о которой онъ упоминалъ.

Марія поняла, что возврата къ прошлому нѣтъ: что этотъ некрасивый, неряшливо одѣтый и угловатый въ движеніяхъ человѣкъ, котораго она такъ

сильно любила за что то прекрасное, чего другіе въ немъ не видѣли, исчезъ на всегда изъ ея жизни. Она ощутила страшную пустоту внутри и вокругъ себя, и страхъ къ жизни, въ сознаніи своей безвольной слабости, парализовалъ ея волю.

Боясь остаться одной, она дала слово Миронову, но въ то же время, этотъ красивый щеголь, которымъ восхищалась не только ея сестра, — внушалъ ей смутный затаенный страхъ. Она испытывала робость, когда онъ подолгу останавливалъ на ней упорный, шарящій въ глубинѣ ея души — взглядъ. Ей казалось, что онъ подстерегалъ ея мысли. Робкой, привязчивой дѣвочкой она вышла замужъ, едва ей исполнилось шестнадцать лѣтъ. Черезъ годъ была объявлена война. Сестрой милосердія она поѣхала на фронтъ, чтобы быть подлѣ любимаго мужа. Во время кровавыхъ событій гражданской войны, онъ, бросивъ ее, ушелъ изъ стана бѣлыхъ. Мироновъ, выхоженный въ лазаретѣ ея заботливой рукой, страстно влюбился въ нее. Онъ былъ свидѣтелемъ перваго взрыва ея горя; въ утѣшеніяхъ и заботахъ о ней онъ изливалъ ей свои пылкія, тяготившія ее, чувства. Слабая, робкая и безвольная, она не съумѣла воспротивиться имъ, когда ей предстоялъ выборъ: или остаться подъ одной крышей съ нимъ подъ видомъ его жены, или же быть выброшеной изъ военнаго лагеря. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, опережая Миронова, она оказалась въ Парижѣ у своей сестры, гдѣ, послѣ первыхъ же встрѣчъ съ Алексѣемъ, отдала ему свое сердце и знала, что отдаетъ его безвозвратно, какія бы съ его стороны не были къ ней чувства. Наталія дразнила и высмѣивала ее, потомъ сердилась, возмущенная тѣмъ, что Марія такъ неумѣло и непрактич-

но распорядилась своимъ сердцемъ. Съ пріѣздомъ Миронова, Наталія стала его союзницей въ чувствѣ вражды къ Алексѣю и въ желаніи вернуть ему Марію. Въ то же время, Наталія осторожно пробовала на немъ силу своихъ женскихъ чаръ. Однажды, за бутылкой вина, въ странномъ поединкѣ нѣмыхъ взглядовъ, она дала слово Миронову, что добьется у сестры согласія быть его женой.

На другой же день она разсказала Маріи о данномъ ею обѣщаніи.

— Ты же знаешь, что я люблю Алешу и никогда его не оставлю, — удивленно глядя на сестру, произнесла Марія.

— И все таки я не отказываюсь отъ того, что обѣщала.

Марія, сидя на краю кровати, съ поникшей головой и устало опущенными на колѣни руками, вспомнила этотъ мимолетный разговоръ и горько усмѣхнулась: сестра сдержала свое слово.

Совсѣмъ разсвѣло. Первый лучъ солнца осторожно коснулся брошенныхъ подлѣ кресла сѣрыхъ замшевыхъ туфель и, крадучись по ковру, потянулся дальше.

Въ эту же минуту, въ келью Алексѣя, черезъ листву густой липы, уронила заря такой же теплый и робкій лучъ, осторожно коснувшійся закрытыхъ вѣкъ. Алексѣй открылъ глаза и, съ тоской, не покидавшей его даже во снѣ, вспомнилъ, что сегодня ему надлежитъ оставить обитель, чтобы выполнить желаніе отца Владиміра и, временно, вернуться къ жизни мірской, отъ которой сердце его уже окончательно оторвалось.

XI.

Прямо съ вокзала, Алексѣй направился къ отцу Владиміру. Прозвучалъ, слышный снаружи, рѣзкій звонокъ. Открылась дверь, всегда погруженнаго въ тишину, дома иноковъ. Привратникъ, молча, провелъ въ знакомую уже маленькую пріемную. Едва Алексѣй опустился на стулъ, какъ вышелъ отецъ Владиміръ. Онъ внимательно посмотрѣлъ на Алексѣя. Успокоенная въ молитвѣ и мирной обстановкѣ душа отражалась въ яснямъ взглядѣ, въ менѣе порывистыхъ движеніяхъ.

— Когда же на мѣсто отправитесь? — спросилъ монахъ.

— Прямо отсюда. Если бы вы знали, дорогой отецъ, какъ мнѣ тяжко было покидать монастырь, какъ мнѣ трудно опять войти въ жизнь міра, съ которой я такъ радостно распрощался!

Монахъ, опустивъ голову, помолчалъ, поднялъ на Алексѣя задумчивый взглядъ и успокоительно отвѣтилъ:

— Потѣрпите, — вернетесь.

Онъ сообщилъ ему, что владѣлецъ виллы ждетъ его водворенія, чтобы уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ заграницу.

— Будете жить въ полномъ уединеніи, сможете много учиться и приготовить себя къ избранному вами пути.

— Но вѣдь вы назначили срокъ въ цѣлыхъ полъ года! Это такъ долго!...

Въ молчаливой ласковой улыбкѣ, тронувшей губы монаха, Алексѣй не могъ прочесть отвѣта на высказанную имъ жалобу.

Онъ поднялся, почтительно поклонился и вы-

шелъ, унося въ сердцѣ теплоту, струившуюся изъ глазъ служителя Христа.

Черезъ двадцатиминутный проѣздъ по желѣзной дорогѣ, Алексѣй, пройдя пѣшкомъ небольшое разстояніе, очутился передъ желѣзной рѣшеткой, отдѣлявшей густой садъ отъ идущей въ гору, засаженной деревьями, дороги. Въ кустахъ сирени и жасмина пряталась маленькая вилла. Зеленыя ставни оберегали старинную, штофомъ крытую, гостинную и спальню отъ вторженія солнечныхъ лучей въ безмолвный покой тѣней минувшаго, годами притаившихся во всѣхъ углахъ.

Только въ столовой, выходившей на небольшую терраску въ садъ, и въ кабинетѣ были открыты окна, и осеннее солнце, вмѣстѣ съ запахомъ жолтаго листа, случайно занесеннаго вѣтромъ, наполняли комнаты притокомъ жизни.

Владѣлецъ виллы, съ суетливой поспѣшностью провелъ Алексѣя по всему своему небольшому владѣнію. Онъ объяснилъ ему, что сохраняя виллу, — дорогое воспоминаніе о короткихъ годахъ супружества, — выполняетъ волю любимой жены, умершей въ юные годы.
Спальня и гостинная были неприкосновенны съ момента ея смерти. Кабинетъ же и столовая предоставлялись Алексѣю въ полное распоряженіе, такъ же какъ и садъ съ небольшимъ, позади, огородомъ

— Можете жить здѣсь полнымъ хозяиномъ. Пользуйтесь вишими трудами на оогродѣ; провизію, за мой счетъ, вы будете получать въ сосѣднихъ лавкахъ. Надѣюсь, что ваши посѣтители, какъ и вы сами, будете бережны къ моимъ воспоминаніямъ, — говорилъ старикъ, довольный покончить

дѣло, задержавшее его отъѣздъ. Торопливо онъ сдавалъ ему ключи отъ столовъ и шкаповъ, поглядѣлъ на часы и сталъ прощаться.

Оставшись наединѣ, Алексѣй еще разъ обошелъ садъ и огородъ, вернулся въ комнаты, разложилъ свой незатѣйливый багажъ, заключавшійся лишь въ одномъ чемоданѣ и связкѣ любимыхъ книгъ, оглядѣлся вокругъ и почувствовалъ, что въ этой уютной и мирной обстановкѣ ему не покажется слишкомъ тяжелъ долгій срокъ, отдѣлявшій его отъ покинутой кельи. Онъ улыбнулся, вспомнивъ ненужныя заботы владѣльца, въ связи съ посѣщеніями его друзей. Еще полному жизни французу не могло прійти въ голову, что Алексѣй, вдвое моложе его, намѣревался жить въ его виллѣ такъ, чтобы никто не зналъ его адреса.

Съ первыхъ же дней, онъ распредѣлилъ свою жизнь по часамъ. Вставалъ очень рано, читалъ священное писаніе и затѣмъ шелъ къ обѣднѣ. Послѣ утренняго кофе, обкапывалъ въ саду деревья, чистилъ дорожки, сгребалъ сухой листъ. Принялся изучать латынь, греческій языкъ и философію. Много читалъ, часто молился среди дня. Ложился рано, не замѣчалъ, какъ протекали дни. Совершенно не испытывалъ потребности видѣться съ людьми и былъ доволенъ, что огражденъ отъ ихъ назойливаго любопытства.

О Маріи онъ думалъ теперь много. Онъ винилъ себя въ томъ, что не нашелъ достаточно мужества, проститься съ ней передъ тѣмъ, какъ покидалъ Парижъ, что прощальное слово не было произнесено устно. Онъ ясно представлялъ себѣ слезы и отчаяніе, не находившія ни утѣшенія, ни поддержки со стороны стар-

шей сестры. Теперь онъ вѣрнѣе оцѣнивалъ кроткую преданность ея глубокаго чувства, — лежащаго въ основѣ страстнаго влеченія. Онъ винилъ себя, что не съумѣлъ силой терпѣливой настойчивости умертвить въ ней страсть во имя вѣчной, неизмѣнной дружбы; что наносилъ ея кроткому сердцу не мало обидъ своей желчной придирчивостью и даже грубостью. Разлука стушевывала образъ женщины, грѣховной слабостью притягивавшей его, мѣшавшей ему побороть свою плоть; выплывалъ, отдѣленный отъ матеріи, обликъ ея души, оставшійся ему дорогимъ и близкимъ. Вставали въ памяти лучшіе, пережитые съ нею, дни, тихія рѣчи, трогательная нѣжность преданнаго, готоваго на жертвы, сердца, ласковость души, заслоненная, въ послѣднее время, порывистой, лихорадочной страстью, вызываемой его же срывами, ревностью и страхомъ потерять его. Онъ былъ увѣренъ, что Марія никогда не забудетъ его, что въ сердцѣ ея онъ будетъ жить до конца; тѣмъ болѣе, онъ чувствовалъ уколы совѣсти, винилъ себя въ жестокости и эгоизмѣ. Онъ готовъ былъ свидѣться съ нею, чтобы услышать отъ нея слово прощенія, но воздерживался отъ этого утѣшительнаго для своей души шага, руководясь исключительнымъ желаніемъ не бередить живой раны ея сердца, не воскрешать въ немъ тщетныхъ надеждъ. Мысль о Мироновѣ, съ уколами грубой ревности, давно отлетѣла отъ него. Вспоминая все прошлое, онъ считалъ себя, по отношенію его, во многомъ неправымъ, начиная съ жизни въ полку, гдѣ не могъ простить ему нѣкотораго превосходства надъ собой и кончая своимъ презрительнымъ къ нему отношеніемъ въ то время, когда отнялъ отъ него

сердце любимой имъ женщины. Онъ критиковалъ и поносилъ передъ Маріей любовь къ ней Миронова, почему то считая свои чувства къ ней цѣльнѣе, достойнѣе и выше. Однако, имѣлъ ли онъ на это данныя? Не лежало ли въ основѣ его чувствъ больше эгоизма, чѣмъ въ чувствахъ Миронова? Поступился ли онъ когда нибудь и чѣмъ нибудь, чтобы сдѣлать ей жизнь болѣе пріятной и легкой? Что далъ онъ ей кромѣ плотскихъ, низменныхъ удовольствій, не имѣющихъ никакой цѣнности для сердца, для души и для ума? Что готовилъ онъ ей въ будущемъ? Развѣ онъ не зналъ себя и своихъ убѣжденій? Развѣ онъ не предвидѣлъ, что неминуемо, рано или поздно,, долженъ настать конецъ отношеніямъ, идущимъ вразрѣзъ съ ученіемъ церкви, которую онъ такъ горячо исповѣдывалъ? Мироновъ же, не только дѣлился съ ней, до ея пріѣзда въ Парижъ, тѣмъ, что имѣлъ, но опредѣленно желалъ съ нею брака. Переставъ пить, онъ доказалъ силу своего къ ней чувства...

Мысли, рожденныя постепеннымъ въ себя углубленіемъ и строгимъ судомъ надъ собой, тревожили совѣсть и душевный покой Алексѣя. Онъ принималъ это со смиреніемъ, какъ должное возмездіе. Думая о братѣ, онъ такъ же винилъ себя за излишнюю отчужденность къ нему со времени перехода въ католичество, вызывавшее между ними острые споры. Алексѣй вспоминалъ свою рѣзкость и пренебрежительное отношеніе къ тѣмъ заблужденіямъ, отъ которыхъ самъ отошелъ недавно. Онъ никогда не находилъ въ себѣ терпѣливаго отношенія къ осужденіямъ брата, никогда не стремился быть терпимымъ. На рѣзкость сужденій, онъ отвѣчалъ такой же рѣзкостью или же уходилъ,, за-

таивъ раздраженіе противъ брата, называя его тупымъ и упрямымъ слѣпцомъ.

Такія размышленія привели его къ рѣшенію написать Григорію ласковое письмо, съ просьбой навѣстить его.

Въ первое же воскресенье братъ къ нему пріѣхалъ.

— Штукарь, ей Богу же, штукарь! — смѣясь, повторялъ Григорій, обнимая Алексѣя. — Мы всѣ его миссіонеромъ отъ Ватикана отправилили кто въ Константинополь, кто на край свѣта, кто въ Россію, а онъ преспокойно себѣ живетъ въ прекрасной виллѣ подъ самымъ Парижемъ и знать насъ никого не хочетъ Ну, развѣ не штукарь! Смотрите, пожалуйста, какимъ буржуемъ устроился! Чертъ возьми, въ этакомъ кабинетѣ я съ революціи не сиживалъ. Видно, отцы - католики хорошо пекутся о тебѣ. Ну, посмотримъ, посмотримъ, для чего это они тебя тутъ посадили. Что ты тутъ не доказывай, а у нихъ на счетъ вашей братіи — перешедшихъ въ ихъ лагерь, — есть свои планы.

Алексѣй почувствовалъ отъ словъ брата, хорошо знакомое ему, досадное раздраженіе. Сдѣлавъ надъ собой усиліе, онъ подавилъ его и, когда Григорій высказалъ до конца, приправленныя легкой ироніей собственныя и слышанныя имъ, догадки, онъ, съ полнымъ спокойствіемъ, объяснилъ причину своего пребыванія на виллѣ.

Не задавая брату никакихъ вопросовъ, Алексѣй, тѣмъ не менѣе, узналъ, что Марія вышла за Миронова замужъ, что живутъ они отлично, такъ какъ оба, благодаря вліянію Наталіи, пріобрѣт-

шей славу первой звѣзды кинематографа, имѣютъ хорошій заработокъ на фильмѣ.

— Ловко же ты, братъ, отдѣлался отъ этой связи! Разъ - два - три, и готово. Конечно, на вкусъ и на цвѣтъ — товарища нѣтъ, а только, чѣмъ она тебѣ не угодила — не понимаю. Красивая женщина, молодая, страстно влюбленная, — чего тебѣ еще надо было? Съ дуру ты взбѣсился, по правдѣ сказать. Главное, вѣдь и свободы не связывала: хочешь, — вѣнчайся, хочешь, — нѣтъ. Сдурилъ ты, братъ. Впрочемъ, что жъ я раскудахтался: навѣрное ты тутъ не дремлешь. Можетъ быть, получше нашлась? Ужъ сознайся мнѣ, — не выдамъ.

— Нѣтъ, Гриша, ты ошибаешься: я живу здѣсь въ полномъ одиночествѣ и абсолютно никого не вижу, — отвѣтилъ Алексѣй, испытывая внутреннее удовлетвореніе отъ того, что извѣстіе о замужествѣ Маріи не причинило ему ни боли, ни укола ревности.

— Мироновъ не пьетъ, — продолжалъ свои разсказы Григорій, — сидя за приготовленнымъ ему братомъ обѣдомъ. — А только Наталія Игнатьевна говорила мнѣ, что онъ не въ мѣру ревнивъ. Не только на фильмѣ глазъ съ нея не спускаетъ, звѣремъ смотритъ, если кто подольше поболтаетъ съ нею, но безъ себя ни на шагъ не отпускаетъ, всѣ письма вскрываетъ. Хорошо, говоритъ, что у сестры тихій характеръ; со мной бы эти шутки не прошли. А я, глядя на Миронова, думаю, что этотъ кого угодно къ рукамъ приберетъ. Помнишь, что онъ въ полку выдѣлывалъ?

Алексѣй, слушая разсказы брата, задумался, не замѣтивъ, какъ тотъ перешелъ на иныя темы.

— Скажи, Гриша, она счастлива?

Съ виду, — да; а ты что: безпокоишься о ней? — насмѣшливо спросилъ Григорій.

— Да, безпокоюсь. Я былъ бы счастливъ, если бы Мироновъ былъ для нея хорошимъ мужемъ и вѣрнымъ другомъ.

— Чудакъ ты, ей Богу. Не то подъ аскета, не то подъ праведника теперь ломаешься.

Выложивъ Алексѣю всѣ новости изъ жизни эмиграціи и всѣ нелѣпыя сплетни, не замѣчая, что брата эти разсказы совершенно не занимали, Григорій уѣхалъ, обѣщавъ исполнить нелѣпую, по его мнѣнію, просьбу не говорить никому о ихъ свиданіи и не сообщать его адреса.

Алексѣй миролюбиво простился съ братомъ, однако, вздохнулъ свободнѣе, когда, проводивъ его за калитку, остался одинъ и опять принялся за прерванныя занятія.

Григорій не сдержалъ даннаго слова и, по слабости все выбалтывать, въ первый же свой визитъ къ Наталіи, разсказалъ ей, подъ большимъ секретомъ и со всѣми подробностями, свиданіе съ Алексѣемъ и его мѣстопребываніе.

XII.

Стояла поздняя осень. Въ Люксембурскомъ саду вѣтеръ разметалъ по широкой аллеѣ обильно падавшій, шуршавшій подъ ногами, желтый листъ. Межъ оголившихся вѣтвей, сквозило блѣдное, далекое небо. Четкими контурами бѣлѣли статуи, напоминавшія о блескѣ минувшихъ троновъ. На фонѣ голубѣющихъ небесъ, многооконный, замолкшій въ своемъ историческомъ великолепіи, дворецъ и длинная, лучами расходящаяся, перспектива аллеи, съ громаднымъ мраморнымъ бассейномъ въ центрѣ, окруженнымъ прихотливымъ узоромъ

послѣднихъ цвѣтовъ, казались вырисованными художественно тонкой иглой гравировщика.

Марія, съ безцѣльно раскрытой на колѣняхъ книгой, давно сидѣла въ отдаленной аллеѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ весной много разъ она была съ Алексѣемъ. Все чаще и чаще ее тянуло на эту скамью, гдѣ, безъ помѣхи, безъ выслѣживающаго ея мысли остраго взляда сѣро - зеленоватыхъ глазъ, очерченныхъ, какъ у орла, чорнымъ кольцомъ, — она могла отдаваться воспоминаніямъ дорогого ей прошлаго, безслѣдно сметеннаго суровой рукой судьбы. Образъ Алексѣя, не только не стушевывался въ ея памяти, но, съ каждымъ днемъ, заполнялъ все больше и глубже ея мысли. Покорная судьбѣ, затаившая отъ всѣхъ окружающихъ тоску сердца, она жила только мыслью о немъ и надеждой, хотя бы мимолетной, встрѣчи, чтобы сказать ему, что любовь ея сильнѣе разлуки и времени, что, вдали отъ него, она живетъ только мыслью о немъ. Со всей нѣжной преданностью истинно женскаго сердца, она забыла всѣ обиды, нанесенныя ей его желчной раздражительностью послѣдняго времени и помнила только то хорошое и свѣтлое, что Алексѣй скупился выявлять людямъ, и что Марія отгадывала несложнымъ, но чуткимъ разумомъ. То, за что ея сестра и знакомые клеймили Алексѣя, называя ренегатомъ, Марія уважала, хотя мало понимала и мало интересовалась. Для нея были несомненны глубина и чистота его религіозныхъ вѣрованій.

Свою жизнь она считала оконченной. Ничто ее не радовало, ни къ чему она не стремилась. Не смотря на то, что Алексѣй отъ нея ушелъ самъ, она считала измѣной ему свой бракъ съ Мироно-

вымъ, котораго она никогда не любила; теперь же испытывала къ нему страхъ и тяготилась не только близостью съ нимъ, но даже и его присутствіемъ. Окружая ее заботами и вниманіемъ, онъ въ то же время, зорько и недовѣрчиво слѣдилъ за ней. Въ Алексѣ, эгоистичномъ и бывавшемъ подъ часъ рѣзкимъ и даже грубымъ, она чувствовала отзывчивое и доброе сердце. Въ Мироновѣ, не взирая на его заботы о ней, она отгадывала натуру жесткую, а быть можетъ и жестокую.

Въ этотъ задумчивый осенній день, Марія испытывала особенный приливъ тоски. Сидя на любимой скамьѣ, опустивъ длинныя, бросающія тѣнь, рѣсницы, она тщательно припоминала счастливые дни этой поры минувшей осени. Она не замѣтила осторожно промелкнувшей въ отдаленіи фигуры Миронова, прослѣдившаго ея уединенныя прогулки и недовѣрчиво сопровождавшаго ее издали.

Чувство тоски, постепенно усиливаясь, сдавило сердце тяжелымъ кольцомъ. Она вынула платокъ и, свернувъ комочкомъ, стала вытирать мокрые глаза, не подозрѣвая, что, неподалеку отъ нея, свидѣтелемъ ея слезъ былъ тотъ, отъ кого она ихъ прятала.

Къ вечеру, ссылаясь на головную боль, она закрыла дверь въ спальню и, лежа, на кровати, отдалась чувству непреодолимой тоски.

— Пойдите къ Марусѣ. Я увѣренъ, что она плачетъ,— обратился Мироновъ къ пришедшей Наталіи. — Постарайтесь узнать въ чемъ дѣло и скажите мнѣ. Что то не ладно: меня не надуешь. Наташа, вы скажете мнѣ? — произнесъ онъ не то вопросительно, не то просительно и ласково взялъ

ее за руку. Она слегка покраснѣла, но не отвернула вызывающихъ глазъ:

— Да ужъ скажу!...

Марія лежала, уткнувъ лицо въ подушки и беззвучно плакала. Наталія сѣла на край кровати и положила руку ей на плечо:

— Маруся, что съ тобой?

— Голова болитъ.

— Неправда: ты плачешь. Скажи, что случилось?

— Ничего.

— Зачѣмъ ты отъ меня скрываешь? Ну, скажи же. — Она, силой, повернула къ себѣ мокрое отъ слезъ лицо сестры.

— Оставь, оставь!... Марія закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Я позову къ тебѣ Мишу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, ради Бога, не надо!

—Тогда, скажи, въ чемъ дѣло?

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ ты настаивала на этомъ бракѣ!

— Ты съ Мишей поссорилась?

Марія отрицательно покачала головой и опять зарылась въ подушку. Въ промежуткахъ рыданій, Наталія разслышала:

— Алеша.... Алеша, гдѣ ты?!

— Такъ ты вотъ о комъ плачешь! Дѣйствительно, нашла о комъ тосковать. Онъ разыгралъ тебя, какъ дуру, а ты слезы льешь! Мерзкій и подлый человѣкъ!

Всѣ вы его не понимаете... онъ чудесный!

— Ужъ конечно, гдѣ намъ его понять! — разсмѣялась Наталія. — Ну, такъ я тебѣ скажу, что онъ обманулъ тебя и все навралъ. Ты воображаешь, что твой герой за монастырской стѣной по-

клоны кладетъ, а онъ преспокойно подъ Парижемъ сидитъ въ уютной виллѣ, и, благодаря заботамъ католиковъ, наслаждается жизнью и просилъ Григорія Васильевича никому не сообщать его адреса. Что ты на это скажешь?

Марія сѣла на кровать и уставилась на сестру широко открытыми глазами.

— Нѣтъ, я не вѣрю, — наконецъ твердо произнесла она.

— Ужъ вѣрь, не вѣрь, а фактъ налицо.

— Григорій солгалъ или ты сама это выдумываешь.

— И адресъ его я тоже выдумываю? — Наталія сказала адресъ. Марія медленно, какъ бы заучивая, повторила его. Затѣмъ опять легла и, безъ слезъ, долго смотрѣла передъ собой строгимъ, сухимъ взглядомъ.

— Такъ вотъ онъ что сдѣлалъ... Ну, Богъ съ нимъ!... Наташа, дай мнѣ тихо побыть одной. Уведи Мишу къ себѣ. Я прійду, если смогу, а ты скажи ему, что теперь мнѣ лучше заснуть.

Наталія исполнила желаніе сестры и увела Миронова къ себѣ, передавъ ему весь свой разговоръ съ Маріей.

— Зачѣмъ вы сказали ей адресъ этого подлеца?!

— А вы чего же боитесь: что она ему напишетъ? И прекрасно! Пусть онъ получитъ хорошую пощечину. Больше того: я ей скажу, что отвѣтъ онъможетъ ей дать на мой адресъ. Конечно мы его перехватимъ, и этимъ закончатся всѣ ея горести.

Вскорѣ на имя сестры Наталія получила пись-

мо, которое, прочтя, разорвала, передавъ его краткое содержаніе Миронову:

Мой дорогой другъ!

Не вѣрьте клеветамъ. Никогда и ни въ чемъ я васъ не обманывалъ. Въ монастырѣ я былъ временно, чтобы, вскорѣ, уйти туда навсегда. Прошу у Господа полнаго для васъ счастія. Въ своихъ молитвахъ не забывайте вашего молитвенника и друга Алешу ».

Наталія, передавая содержаніе этого письма, смѣялась, называя Алексѣя ловкимъ парнемъ.

— Подлецъ! — Злобно прошипѣлъ Мироновъ.

Марія, страдая, долго ждала отвѣта. Она исхудала, ея лицо не освѣщалось улыбкой, глаза потухли отъ частыхъ скрытыхъ слезъ. Мироновъ страдалъ тоже: въ сердцѣ его разгоралась, съ новой силой, затихшая было къ Алексѣю ревность. Ему стоило громаднаго труда сдерживать себя и скрывать отъ Маріи злобу противъ Алексѣя и противъ нея самой. Онъ удвоилъ осторожное, но неустанное выслѣживаніе каждаго ея шага и былъ очень счастливъ, когда выяснилось, что для кинематографической съемки имъ спѣшно предстоитъ цѣлый рядъ путешествій.

Между тѣмъ, Григорій, спустя мѣсяцъ, опять отправился навѣстить брата. Увѣренный, что образъ жизни Алексѣя не соотвѣтсвуетъ его словамъ, онъ, желая подловить его, пріѣхалъ безъ предупрежденія и подъ вечеръ.

Немедля, вслѣдъ за звонкомъ, Алексѣй открылъ ему дверь и ввелъ въ кабинетъ, гдѣ онъ обычно проводилъ вечера за книгами и переводами.

Онъ встрѣтилъ брата радушно, рѣшивъ промолчать и не выговаривать ему за несдержанное

обѣщаніе, причинившее Маріи ненужное страданае. О своихъ намѣреніяхъ уйти въ монастырь онъ не хотѣлъ говорить, ибо зналъ напередъ, что Григорій не пойметъ его и будетъ высмѣивать то, что для него свято и дорого.

— Да, братъ, этакъ хотѣлъ бы пожить и я: безъ хлопотъ, безъ заботъ, на всемъ готовомъ, — съ оттѣнкомъ ироніи говорилъ Григорій, похлопывая брата по плечу.

— Если хочешь, я порекомендую тебя замѣстителемъ, когда оставлю это мѣсто.

— Да ты развѣ собираешься уходить отсюда?

— Кто знаетъ, можетъ быть и уѣду.

— Когда? Скоро?

— Вѣроятно въ началѣ весны.

— Ужъ не женишься ли? Ну-ка, скажи мнѣ по секрету.

— Нѣтъ, Гриша, жениться я, вообще, не собираюсь.

— Охъ, не вѣрю я тебѣ, Алешка. Не прикидывайся предо мной отшельникомъ и аскетомъ; вѣдь я тебя хорошо знаю.

Алексѣй пожалъ плечами:

— Какимъ ты меня видишь, такой я и есть.

— Такъ вотъ, я и вижу, что ты готовишься опять какую нибудь шутку выкинуть. Мало ли ты ихъ выкидывалъ въ своей жизни. Во всякомъ случаѣ, пообѣщай передать это мѣсто мнѣ, если ты вздумаешь его бросать, что, съ моей точки зрѣнія, будетъ величайшей глупостью.

Заручившись обѣщаніемъ брата, Григорій уѣхалъ отъ него въ сильномъ недоумѣніи и поспѣшилъ подѣлиться этимъ въ кругу общихъ знакомыхъ.

По возвращеніи сестры изъ кинематографической поѣздки, Наталія передала ей объ Алексѣ все то, что слышала отъ Григорія, не поскупившагося на прикрасы, хотя и невиннаго свойства, но отозвавшіяся больно въ страдающемъ сердцѣ. Нести свое горе на людяхъ, какъ это пришлось два мѣсяца подъ рядъ, было для Маріи такъ трудно, что, вернувшись въ Парижъ, она совершенно замкнулась, отказывая мужу выѣзжать съ нимъ на вечера или въ рестораны. Мироновъ, предоставленный самому себѣ, мало по малу сталъ возращаться къ старымъ привычкамъ кутежа. Многому способствовала этому Наталія, увлекшая его въ компанію своихъ поклонниковъ, проводившихъ вмѣстѣ съ нею веселые часы въ ноктамбюляхъ Монмартра.

— Неужели ты не ревнуешь ко мнѣ Мишу? — спросила она, однажды, сестру.

— Нисколько.

На красныхъ, какъ граната, губахъ Наталіи, окаймлявшихъ великолѣпные зубы, мелькнула странная, загадочная улыбка:

— А вѣдь онъ мнѣ нравится.

— Пожалуйста, меня это совсѣмъ не интересуетъ, — безразличнымъ тономъ, отвѣтила Марія. — Послѣднее время, онъ много пьетъ и это становится противно.

— А ты всегда въ кисломъ настроеніи, и ему это тоже противно.

— Не для чего было выдавать меня за человѣка,

котораго я не любила и тѣмъ болѣе зная, что мое сердце отдано другому.

— Другому, который плюетъ на тебя и, навѣрное давно забылъ о твоемъ существованіи въ объятіяхъ другой.

—Наташа, ты что нибудь знаешь? Я прошу тебя, скажи. — У Маріи дрогнулъ голосъ.

— Никто ничего мнѣ не говорилъ, но кто же повѣритъ, кромѣ тебя, что онъ ведетъ жизнь монаха. Вотъ ужъ ерунда!

Слова эти упали тяжелымъ камнемъ на сердце Маріи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора, Мироновъ вернулся домой очень поздно, шумно открылъ дверь въ спальню и сталъ раздѣваться, натыкаясь на мебель и производя шумъ. Марія проснулась.

— Миша, зачѣмъ ты такъ шумишь?

— Не я шумлю; мебель всюду на дорогѣ наставили.

Марія тяжло вздохнула:

— Опять ты, кажется, лишнее выпилъ?

— Ну, и выпилъ, а тебѣ то что?

— Ты же обѣщалъ мнѣ не пить, на всегда бросить.

Мироновъ свиснулъ:

— Ну, матушка, иныя времена, — иныя нравы. Если не буду пить, тебѣ же хуже будетъ.

Мироновъ за что то задѣлъ и грубо выругался.

— Гдѣ же ты такъ весело время провелъ? — помолчавъ, спросила она.

— Гдѣ же можно проводить съ твоей сестрицей время, какъ ни въ кабакѣ?! Да ужъ, эта не тебѣ

чета. Насквозь прожженная баба!... Я хотѣлъ было раньше уйти, она не пустила: компанію, говоритъ, разстраиваете, а домой спѣшить вамъ ничего. Маруся, говоритъ, васъ ко мнѣ не ревнуетъ. Не ревнуешь, развѣ?.. Ну-ка, говори.—Онъ взялъ между ладонями ея лицо и приблизилъ къ себѣ. Отъ него сильно пахло виномъ; лицо было блѣдно, глаза горѣли неестественнымъ блескомъ.

— Я тебя ни къ кому не ревную; оставь, пожалуйста... отойди: отъ тебя несетъ виномъ. — Марія освободилась изъ его рукъ, но онъ крѣпче охватилъ ее за плечи:

—Берегись, Маришка: ты играешь со мной скверную игру!

— Отстань ты отъ меня, Христа ради! Ты пьянъ, ты мнѣ противенъ.

— Ахъ, противенъ!... — Мироновъ заскрежеталъ зубами. — А кто же тебѣ не противенъ? Ну-ка, говори, говори же!...

— Уйди, ничего я не скажу! — Она изо всѣхъ силъ рванулась отъ него и оттолкнула его въ грудь.

Его глаза налились кровью. Изъ нихъ на Марію глянуло что то хищное и жуткое.

— Не скажешь?! — сквозь зубы, угрожающе произнесъ онъ, размахнулся и ударилъ ее по щекѣ.

— Не смѣй! не смѣй! — съ отчаяніемъ вскрикнула она.

Пьяный мозгъ Миронова кипѣлъ злобной ревностью. Тяжелымъ взглядомъ онъ посмотрѣлъ на плачущую Марію, повернулся и вышелъ.

XIII.

Внутренняя жизнь Алексѣя очень осложнилась, все болѣе уваличивавшимся горькимъ сознаніемъ своихъ непоправимыхъ ошибокъ. Письмо, полученное имъ отъ Маріи, полное упрековъ и обвиненій во лжи и обманѣ, усугубило въ немъ это сознаніе и подтвердило вину по отношенію ее. Несправедливо брошенныя ему обвиненія, онъ принялъ какъ заслуженную кару.

Онъ сталъ чаще посѣщать своего духовника — отца Владиміра для бесѣдъ и исповѣди. Только ему онъ открывалъ всѣ тайники своей спутанной и сложной души. Случалось не разъ, что налетали бури, рождались искушенія, тянуло ко грѣху; побѣжденному съ такимъ страданіемъ; бунтовалась плоть, образъ Маріи звалъ и плѣнялъ обѣщаніями жгучихъ радостей, и Алексѣй метался, не спалъ ночи. Молитва обрывалась на устахъ, горящихъ жаждой поцѣлуевъ. Казалось высшимъ счастьемъ опять слить свою жизнь съ ея страстными желаньями, все бросить, бѣжать съ ней далеко. Но, убѣжишь ли отъ самого себя? — вставалъ мучительный вопросъ.

Отецъ Владиміръ имѣлъ на его душу благотворное вліяніе. Немногими словами, онъ возвращалъ его, пылающую искушеніями, фантазію къ здравому разсудку. Кроткій и смиренный, суровый къ самому себѣ, инокъ, не убѣжденіями, но примѣромъ и силой внутренней побѣды, укрѣплялъ ослабѣвавшую волю Алексѣя и помогалъ бороться съ самимъ собой. Проходили дни, и опять, мало по малу, душа обрѣтала миръ въ сознаніи творимаго

долга передъ собственной совѣстью. Опять загоралось сердце, и молитва — жаркая, пламенная устремлялась къ Богу.

За всѣ протекшiе мѣсяцы, отецъ Владимiръ ни разу не обмолвился объ монастырѣ, какъ будто забылъ о положенномъ срокѣ, а между тѣмъ, была середина апрѣля, и черезъ двѣ недѣли истекало шесть опредѣленныхъ имъ недѣль. Алексѣй начиналъ волноваться.

Но вотъ, однажды, въ то время какъ онъ на террасѣ чистилъ коверъ, кто то прошелъ отъ калитки по аллеѣ. Алексѣй сбѣжалъ въ садъ. Навстрѣчу ему шелъ отецъ Владимiръ. Алексѣй радостно бросился къ нему.

— Что же это вы калитку не закрываете?

— Зачѣмъ закрывать? Вѣдь я дома. А то приходится бѣгать отворять то почтальону, то прачкѣ, или изъ сосѣдняго дома консьержъ забѣгаетъ. Когда спать ложусь, тогда и закрываю.

— Смотрите, нападутъ еще; вы вѣдь тутъ одинъ.

— Ничего, съ моей силищей это не страшно.

Вошли въ комнаты.

— Если намѣренiй вашихъ не измѣнили, то скоро, пожалуй, будете и въ монастырь собираться?— Неожиданно произнесъ монахъ.

Алексѣй вспыхнулъ отъ радости.

— Какъ я ждалъ этихъ словъ, дорогой отецъ Владимiръ! Я тщательно провѣрялъ себя и мнѣ ясно, что быть вполнѣ счастливымъ я могу лишь вдали отъ мiра, потерявшаго для меня всякую цѣнность.

— Если твердо рѣшили, чтожъ — съ Богомъ. Настоятель монастыря васъ принимаетъ, я уже списался съ нимъ.

У Алексѣя учащенно забилось сердце, на глазахъ выступили слезы:

— Одинъ Господь знаетъ, какъ я благодаренъ вамъ! Когда же я смогу отправиться?

— Сперва вамъ надо списаться съ владѣльцемъ виллы.

— Замѣститель есть: мой братъ хотѣлъ бы занять это мѣсто.

— Такъ вы напишите ему. Какъ только все выяснится — зайдите ко мнѣ.

Когда отецъ Владиміръ ушелъ, Алексѣй, съ благодарными слезами, долго и пламенно молился. Въ его однообразно одинокой жизни, молитва занимала все большее и большее мѣсто. Внѣ молитвы, мысли о Богѣ не покидали его, охватывая, проникая, заполняя собой его внутреннюю жизнь, открывая истинный смыслъ всей жизни земной.

Проведя весь остатокъ дня въ мысляхъ о скоромъ удаленіи въ монастырь, онъ въ этотъ вечеръ, съ нѣкоторымъ усиліемъ сосредоточивалъ вниманіе надъ страницами книги.

Было около десяти вечера, когда чуткимъ ухомъ онъ уловилъ въ тишинѣ скрыпъ садовой калитки, легкіе шаги по ступенямъ террасы, освѣщенной, падающимъ изъ оконъ свѣтомъ и затѣмъ осторожный стукъ въ дверь. Онъ прошелъ въ столовую, отвернувъ на пути электрическую кнопку. Изъ освѣщенной комнаты не было видно стоявшаго въ темнотѣ за стеклянной дверью. Онъ повернулъ ключъ и открылъ дверь.

— Алеша!... — раздался слабый возгласъ. Передъ нимъ стояла Марія.

Онъ онѣмѣлъ отъ неожиданности и изумленія.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— Прости меня, что я пришла... У тебя никого нѣтъ?

— Конечно, никого. Войди, Маруся.

Она вошла, хотѣла что-то сказать, и, вдругъ, заплакала, закрывъ лицо руками.

Онъ смотрѣлъ на нее и, не находя словъ, продолжалъ молчать, во власти нахлынувшихъ чувствъ и мыслей.

— Ну, зачѣмъ она пришла?!... — Тоскливой и испуганной нотой зазвучало въ сердцѣ, но сейчасъ же онъ упрекнулъ себя въ жестокосердіи и ласково дотронулся до ея, сжатыхъ на лицѣ, рукъ.

— Перестань. Не плачь. Скажи, зачѣмъ ты пришла сюда, Маруся? Этого дѣлать не слѣдовало: ты замужемъ.

Она опустилась на стулъ и отняла отъ лица руки:

— Еслибъ только ты зналъ, какъ я глубоко несчастна... опять онъ пьетъ и грубъ со мной.

— Маруся, развѣ я не предупреждалъ тебя?! — съ горечью произнесъ Алексѣй.

— Алешенька, зачѣмъ ты обманулъ меня?— Марія подняла на него кроткіе заплаканные глаза.

— Я ни въ чемъ тебя не обманывалъ. Отчего ты мнѣ не вѣришь?

— Ты даже не отвѣтилъ на мое письмо.

— Я отвѣтилъ по указанному тобой адресу.

— Отвѣтилъ?!... Неужели Наташа... — она не договорила. — Мной жестоко играютъ и жизнь, и люди. — Она опустила руки на колѣни и замолкла.

Алексѣй смотрѣлъ на ея измѣнившееся, поблекшее лицо, на ея исхудавшую фигуру. Глубокая жалость поднялась въ сердцѣ его.

— Алеша, помнишь, я говорила тебѣ, что безъ

тебя жить не смогу. Такъ и вышло. Лучше руки на себя наложить.

— Опомнись... а Богъ?!

— Богъ оставилъ меня.

— Нѣтъ, ты сама отъ Него отошла. Братъ говорилъ мнѣ, что ты хорошо живешь съ мужемъ, что онъ любитъ тебя.

— Я его не люблю и боюсь. Онъ опять началъ пить. Онъ догадывается, что я по тебѣ тоскую и сталъ грубъ со мной. Теперь онъ каждый день сидитъ до поздней ночи въ ресторанѣ или у Наташи собираются и пьянствуютъ. Я рада, что мало вижу его... онъ мнѣ такъ противенъ!

— Милая Маруся, но зачѣмъ же ты тогда замужъ пошла за него?

— Ахъ, не знаю, ничего я не знаю, Алешенька!... Пошла съ отчаянія, съ горя, что ты разлюбилъ меня. За что ты меня бросилъ?! Кого ты полюбилъ?

— Маруся, я ушелъ отъ тебя ни къ кому иному, какъ только къ Богу. Нѣтъ у меня въ сердцѣ иной любви, какъ любовь во Христѣ.

— Прости, прости меня, Алешенька; я измѣнила тебѣ, промѣняла тебя — такого хорошаго, на этого отвратительнаго пьяницу!

Марія соскользнула со стула и, упавъ на колѣни, прильнула къ Алексѣю.

— Встань, встань, ради Бога... Да что ты, Маруся! Я нисколько не виню тебя, горячо молился и молюсь о счастіи твоемъ и, въ душѣ, давно примирился съ Мироновымъ и желаю ему полнаго счастія.

— Скажи, скажи, что ты меня простилъ!

—Да вѣдь нѣтъ же вины твоей! Я понимаю жизнь и былъ спокоенъ, думая, что ты счастлива.

— Я уйду отъ него. Я не могу съ нимъ больше жить.

— Не дѣлай этого. Нельзя такъ относиться къ таинству брака, — убѣдительно и строго проговорилъ Алексѣй. — Недѣли черезъ двѣ я совсѣмъ ухожу въ монастырь; онъ узнаетъ объ этомъ и, увидишь, совсѣмъ успокоится и перестанетъ пить. Только ты сама старайся побѣждать въ себѣ дурное къ нему чувство. Сдѣлай это во имя мое.

— Алеша, ну что ты просишь у меня: во имя твое полюбить того, на кого я тебя промѣняла?!

— Тебя проситъ твой другъ, твой братъ, умершій для это жизни.

— Да развѣ сердцу прикажешь?!

— Пойми сперва разумомъ, что онъ, въ сущности, очень жалокъ. А когда пожалѣешь, то и полюбишь въ немъ человѣка.

— Слова это, Алешенька!... — безнадежно проговорила она.

— Да, Маруся, то, что произносится безъ участія разума и пережитого опыта души, то, конечно, не болѣе, какъ мертвыя слова. Ты знаешь, что я ненавидѣлъ Миронова еще въ полку и могъ бы возненавидѣть его сильнѣе за то, что ты вернулась къ нему, за то, что онъ грубъ съ тобой, а между тѣмъ, понявъ все, я его глубоко жалѣю и люблю теперь въ немъ моего ближняго.

— Это потому, что я тебѣ стала безразлична.

— Нѣтъ, потому, что я стремлюсь убить въ себѣ, страсти, ослѣпляющія нашъ разумъ. Ихъ голоса заглушаютъ голосъ совѣсти и голосъ сердца. Вотъ ты пришла сюда, а вѣдь это обманъ. Если онъ узнаетъ, — ненужное и напрасное для него страданіе.

— Да еслибъ онъ узналъ, онъ до смерти заколо-

тилъ бы меня! — Въ глазахъ Маріи Алексѣй прочелъ страхъ.

— Вотъ видишь, какъ это не хорошо!

Марія нѣсколько минутъ, молча, смотрѣла на него.

— Какъ все въ тебѣ измѣнилось, Алеша! Да, ты сталъ совсѣмъ, совсѣмъ иной... далекій.

— Нѣтъ, Маруся, близкій, совсѣмъ близкій душѣ твоей.

Часы на каминѣ пробили одиннадцать. Марія вздрогнула.

— Мнѣ пора, а то будетъ поздно.

— Да, пора. Я боюсь за тебя.

— Нѣтъ, онъ раньше двухъ не возвращается.

— Обманъ... не хорошо! — печально покачалъ головой Алексѣй.

— Скажи мнѣ правду: когда ты совсѣмъ уходишь? — Она поднялась и положила ему на плечи обѣ руки.

— Не позже, какъ черезъ двѣ недѣли.

— Я прійду проститься съ тобой. Можно?

— Нѣтъ, я ни за что не хочу, чтобы ты его обманывала. Прощаться намъ не надо, потому что для истинной любви нѣтъ разлуки. Моя милая, въ молитвахъ о тебѣ, я такъ много буду съ тобою.

— Алеша, умоляю тебя, позволь мнѣ хоть на минуту прійти.

— Нѣтъ, Маруся, я не могу, не смѣю этого позволить. Когда нибудь, не скоро, пріѣдешь помолиться въ монастырь мой, и мы свидимся. Да хранитъ тебя Господь. Думай обо мнѣ какъ о братѣ, глубоко любящемъ тебя. Прости меня за всѣ, причиненныя тебѣ страданія, молись обо мнѣ, моя милая.

Онъ перекрестилъ ее широкимъ крестомъ и поцѣловалъ въ голову. На глазахъ его показались слезы.

Марія стояла съ опущенными руками, съ измѣнившимся, отъ душевной боли, — лицомъ, съ дрожащими углами рта, кривившагося отъ сдерживаемыхъ слезъ. Порывисто она схватила его руку, прижала къ губамъ, потомъ склонилась на нее головой:

— Алеша, Алешенька... мой единственный... незамѣнимый!... Уходишь на вѣки! Гаснетъ все вокругъ меня...

— Маруся!... — съ тоской, произнесъ онъ.

Она оторвалась, бросилась къ двери и исчезла. Скрыпнула калитка, и опять настала глубокая тишина.

Алексѣй схватился за голову:

— О, Господи! Всю жизнь буду нести въ сердцѣ моемъ тяжесть этого непоправимаго грѣха моего...

Была полночь, когда Марія подымалась по лѣстницѣ въ свою квартиру. Она была какъ бы оглушена свиданіемъ съ Алексѣемъ. Горько было открытіе фальши въ отношеніяхъ сестры къ себѣ, перехватившей такъ мучительно ожидаемое письмо. Этотъ фактъ подтвердилъ ея догадку, что сестра была союзницей не ея, но Миронова. Въ то же время, на душѣ было легче отъ сознанія, что Алексѣй ни въ чемъ ее не обманывалъ, что увѣренія сестры, якобы онъ ее бросилъ и, навѣрное, любитъ другую, противорѣчили истинѣ: онъ бросилъ не ее, а жизнь міра во имя любви къ Богу. Не смотря на то, что въ его словахъ, обращенныхъ къ ней, не было ничего, кромѣ тихой ласки правдиваго сердца, однако, она чувствовала его теперь болѣе близкимъ, чѣмъ во

дни, предшествовавшіе разлукѣ. Въ немъ было нѣчто цѣльно законченное, чувствовались новыя силы духа, смутно отгадывались подвиги внутренней борьбы. Марія унесла въ своемъ сердцѣ новый и несравненно болѣе возвышенный образъ любимаго человѣка.

— Зачѣмъ, ахъ зачѣмъ я не шла вослѣдъ желаніямъ его сердца и не хотѣла быть ему только подругой души?! Зачѣмъ я силилась закрѣплять страстью нашъ союзъ?! Кто знаетъ, быть можетъ, если бы я съумѣла понять его раньше, мы и до сихъ поръ могли бы быть вмѣстѣ, какъ два вѣрныхъ преданныхъ друга?! Не было бы Миронова... А теперь, все кончено для меня: я даже не смогу видѣть его. Горечь сожалѣній переполняла сердце Маріи. Она тихо плакала, подымаясь по лѣстницѣ; но эти слезы несли въ себѣ не залогъ безплодныхъ страданій, но залогъ иныхъ, очищающихъ душу, переживаній.

Она открыла дверь въ переднюю, прошла въ первую комнату, и не освѣщая ее, вошла въ слѣдующую, повернувъ электрическую кнопку. Прямо передъ ней, въ креслѣ сидѣлъ Мироновъ. Она отшатнулась и, въ испугѣ, схватилась за сердце.

— Чего жъ тутъ пугаться? — Не измѣняя позы, онъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Откуда ты? Съ твоихъ же словъ, я былъ увѣренъ, что ты всѣ вечера дома проводишь.

— Да, всегда дома. Сегодня я вышла случайно: хотѣла прогуляться, шла мимо синематографа и, отъ скуки, соблазнилась, — говорила Марія, стараясь скрыть отъ мужа смущенное лицо. Дрожащими руками, она снимала шляпку и слишкомъ долго прятала ее въ кардонку.

— М-гмъ... — неопредѣленно промычалъ онъ, продолжая слѣдить за каждымъ ея движеніемъ.

— Обманъ... не хорошо! — припомнила она, произнесенныя часъ тому назадъ, слова Алексѣя.

Въ комнатѣ нѣсколько минутъ длилось тяжелое молчаніе. Она слышала какъ сердце ея, словно молотомъ, отстукивало удары.

— А ты давно пришелъ? — невѣрнымъ голосомъ прозвучалъ ея вопросъ.

— Давно, — уронилъ онъ, съ дѣланнымъ спокойствіемъ.

— Удивляюсь, что ты измѣнилъ своимъ привычкамъ, — овладѣвъ волненіемъ, съ легкой насмѣшкой произнесла она, замѣтивъ, что онъ вполнѣ трезвъ.

— Надоѣла мнѣ вся эта пьяная компанія!

Въ тонѣ его голоса прозвучала тоскливая нотка. Лицо его было сумрачно, глаза смотрѣли непроницаемо и жестко; въ позѣ, въ долгихъ паузахъ, въ опущенныхъ углахъ рта сказывалось скрытое страданіе.

— ... Пойми разумомъ, что онъ жалокъ... — опять вспомнила она слова, сказанныя Алексѣемъ. Шаря въ глубинахъ своего сердца, силясь найти хотя крупицу жалости, она остановила на немъ долгій взглядъ. — Но нѣтъ, ничего не нашла она въ себѣ, кромѣ враждебно-отталкивающаго чувства.

— Что ты на меня такъ смотришь? — Усмѣхнулся онъ.

— Такъ... Ничего... — она отвернулась, подошла къ зеркалу, распустила волосы и, въ молчаніи, заплетая толстую, длинную косу, думала:

— Уйду... Лучше останусь одна. Какъ Алеша, буду молиться, а потомъ тоже въ монастырь пойду,

монашкой сдѣлаюсь, — Отъ жалости къ самой себѣ, у нея выступили на глазахъ слезы.

— Чтоже ты молчишь? Разскажи, что видѣла въ синематографѣ.

— Послушай, Миша, я не могу больше... я рѣшила, что я уйду отъ тебя... довольно!... я не хотѣла... это Наташа настояла... — запиналась, ища словъ, волнуясь, начала она.

— Молчи!! Говорю — молчи! Не затѣвай! — раздался, совершенно неожиданный послѣ спокойнаго тона,грозный окрикъ.—Марія не отгадала что подъ прикрытіемъ внѣшняго искусственнаго хладнокровія, въ сердцѣ Миронова бушевала гроза, которой онъ самъ страшился, помня взрывъ бѣшенства, закончившійся пощечиной, о которой ему было противно и стыдно вспоминать.

— Сегодня я не пьянъ: отдаю себѣ отчетъ въ каждомъ произносимомъ тобой и мной словѣ. И вотъ, совершенно серьезно острегаю тебя: берегись затѣвать подобные со мной разговоры. Не хочу вспоминать стараго и не потѣрплю никакихъ намековъ на него.

— Но вѣдь я же не раба тебѣ, я...

— Довольно-оі Жена — та же раба мужу. Молчи пока справляюсь съ собой.

Онъ поднялся, стремительно подошелъ къ ней, тяжело опустилъ ей на плечи обѣ руки и, сжавъ зубы, посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Поняла?? — сквозь зубы прошепталъ онъ, повернулся и пошелъ къ двери. На порогѣ онъ остановился:

— Ложись. Поздно уже.

Марія, безъ словъ, безъ слезъ, подавленная жут-

кой силой, непрестанно внушавшей ей безотчетный страхъ, раздѣлась и легла.

— Алеша.... Алешенька, помолись за меня, бѣдную...—мысленно повторяла она одну и ту же фразу, прислушиваясь къ тяжелымъ шагамъ въ сосѣдней комнатѣ.

XIУ.

Переполошилъ ты меня своей лаконичной запиской, — говорилъ Григорій, цѣлуя брата. — Смотрите, пожалуйста, какъ садъ расчистилъ! Садовникомъ сталъ.—Съ улыбкой, онъ оглядывался вокругъ себя на очищенныя отъ сухихъ вѣтокъ и стараго листа, дорожки. — И самъ сіяющій! Ну ка, въ чемъ дѣло? Какую штуку выкинуть собираешься? Я не на долго, имѣй въ виду. Сегодня воскресенье, и меня ждутъ. Чудный день! Присядемъ ка на террасѣ.

Алексѣй, бросивъ метлу и взявъ брата подъ руку, повелъ его къ дому.

— Ты говорилъ, Гриша, что хотѣлъ бы мое мѣсто; такъ вотъ, я тебѣ его уступаю. Рѣшай сегодня же, такъ какъ я долженъ списаться съ хозяиномъ. Я хочу уѣхать отсюда не позже перваго.

— Вотъ такъ оказія! Куда же это ты? Не секретъ?

—Сперва отвѣть мнѣ, берешь ли ты это мѣсто или нѣтъ? Если берешь, то, не скрою, меня это очень устраиваетъ, такъ какъ устраняетъ всякія хлопоты въ подысканіи замѣстителя. Я напишу хозяину, что ручаюсь за тебя какъ за самаго себя, и дѣло будетъ покончено.

— Дуракъ я былъ бы, если бы не согласился! Конечно, беру; руками и ногами, беру. А тутъ еще весна, чудесно!

— Очень радъ за тебя и за себя.

— Ну съ, а самъ куда же ты отправляешься?

— Гриша, я ничего не говорилъ тебѣ раньше: зналъ, что не поймешь. Я ухожу въ монастырь.

— Что-о?? Въ монастырь?? Да ты, братъ, сказился, что ли? кому ты тамъ нуженъ въ монастырѣ? Ты что: дурачишь меня?

— Я говорю съ тобой совершенно серьезно.

Григорій всталъ, широко развелъ руками и, въ изумленіи, смотрѣлъ на брата.

— Въ монастырь?! Вотъ такъ выкрутилъ крендель! Откровенно говоря, этакой комбинаціи я не ожидалъ. Монахъ! Алешка — монахъ! — Онъ скрестилъ на груди руки и, крѣпко стоя на разставленныхъ мускулистыхъ ногахъ, откинулся всѣмъ корпусомъ назадъ, широко открылъ ротъ и залился звонкимъ сочнымъ хохотомъ:

— Чотки перебирать... поклоны класть.., шептать Pater noster и Ave Maria... Алешка, ей Богу, тебя съ ума спятили эти твои католики.

— При чемъ тутъ они? Я тебя не понимаю, Гриша.

— Да ты на себя погляди ка въ зеркало: хоть красотой и не блещешь, но вѣдь молодъ, здоровъ; однѣ губы чего стоятъ: о поцѣлуяхъ за три версты кричатъ каждой женщинѣ. Силенъ, какъ быкъ. Давно ли отбилъ у Миронова Марусю и вругъ, на те вамъ: отреченіе отъ міра, смиренное покаяніе — « во грѣсѣ роди мя мати моя »... — ну, къ чему тебѣ вся эта нелѣпица? Образумься, ради Бога.

— Оставь, Гриша, оставь! Я не ребенокъ. Чего не понимаешь, о томъ и не суди, — серьезно остановилъ его Алексѣй.

— Да нечего тутъ и понимать. Чудишь ты, и ни-

чего больше. Чтобъ этимъ католикамъ пусто было!

— Гриша, перестань, прошу тебя.

— Вижу, что окрутили тебя хорошо. Молодцы! Изъ этакого грѣховодника монаха порѣшили сдѣлать! Ну, я ни я буду, если ты имъ черезъ какихъ нибудь полъ года такой фортель выкинешь, что они раскаятся русскую публику ловить.

— Ты что же: кончилъ на эту тему? — скрывая досаду, силился остановить брата Алексѣй.

—Алешка монахъ, въ подрясникѣ!... — Григорій прыснулъ со смѣху и опять закатился безудержными переливами хохота. Алексѣй смотрѣлъ на его приземистую сильную фигуру, на круглую голову, съ коротко подстриженными, начинающими сѣдѣть, волосами, на широко открытый ротъ съ удивительно сохранившимися крѣпкими, бѣлыми зубами.

— Ну вотъ, ты и самъ вѣдь смѣешься!

— На тебя глядя, смѣюсь. Сорокъ лѣтъ стукнуло, а заливаешься, какъ школьникъ.

— Ну, ладно! Поговоримъ серьезно. Объясни мнѣ толкомъ: чего ради ты идешь въ монастырь?

— Чтобы Богу молиться и чтобы ближе Его познать.

—А развѣ не можешь и безъ монастыря молиться и познавать?

— Не могу. Какъ для познанія всякой науки требуется особая обстановка, сосредоточенное вниманіе и даже уединеніе, тѣмъ болѣе это требуется въ данномъ случаѣ.

— Хорошо. А скажи мнѣ, какая и кому польза отъ твоего монашества?

— А кому и какую пользу я принесъ, проживя свыше тридцати лѣтъ въ мірѣ? Кромѣ вреда себѣ

и другимъ я ровно ничего не сдѣлалъ. Даже, если идя въ монастырь, я имѣлъ бы въ виду только молиться о душѣ своей, всѣхъ ближнихъ моихъ и, вообще, о всѣхъ страдающихъ, то даже этимъ однимъ пользы отъ меня будетъ больше; но, уходя въ монастырь, я не отрѣзываю себя отъ общенія со страждущими, отъ возможности поддерживать людей морально. Есть тюрьмы, есть прокаженные, есть больницы, есть дѣти. Католическіе монастыри даютъ широкій просторъ для активной милосердной любви къ ближнему. Кромѣ углубленія въ себя, исканія и созерцанія Бога, монастыри стремятся быть полезными словомъ и дѣломъ. Согласись, что эти перспективы много шире моей прошлой и настоящей дѣятельности.

— А Росія? Ты забылъ, что мы еще можемъ быть нужны для Россіи.

— Нѣтъ, я не забылъ. Монахъ, воспитавшій въ строгой дисциплинѣ послушанія и смиренія свою личную волю, можетъ многое сдѣлать словомъ, примѣромъ и дѣломъ для деморализованныхъ несчастныхъ русскихъ дѣтей и юношей. Нѣтъ, Гриша, не вѣрно вы многое понимаете. Чтобы управлять другими, надо сперва справиться съ собой.

— Справляйся въ міру, коли считаешь нужнымъ.

— Не могу, Гриша; вижу, что не могу. Не всѣмъ это дано.

— Ну, братъ, если бы всѣ для добродѣтелей въ монастырь стремились, то кончился бы родъ людской.

— Въ томъ то и дѣло, что къ добродѣтели очень мало кого тянетъ, а потому за родъ людской безпокоиться нечего.

Григорій разсмѣялся:

— Такъ то это такъ! Значитъ, любви и флиртамъ теперь крышка? Дуракъ ты, дуракъ! Ничего больше сказать тѣбѣ не могу... Мы еще вернемся въ Россію - матушку, поживемъ, а ты что же?!

— А я, если вернусь въ Россію, то вернусь не для того, чтобы пожить, а чтобы, во имя Божье, внести въ нее вѣтвь мира, внести любовь и милосердіе.

— Ну нѣтъ, братъ, ужъ католиковъ мы туда не пустимъ! Ни - ни, это играй назадъ!

— Кто: мы?

— Да всѣ мы — православные.

— И ты тоже.

— И я, — обязательно.

— Да вѣдь ты же Богу никогда не молишься, въ церковь ходишь, какъ въ клубъ и не дальше паперти; при чемъ же твое православіе и почему, такіе, какъ ты, меня въ Россію не пустите? Все это вздоръ. Жизнь сдѣлаетъ то, что выльется изъ потребностей духовныхъ запросовъ самой же Россіи, и всѣ вы вольетесь, какъ стадо, въ общій потокъ. Не время объ этомъ еще говорить. Будущее въ премудрой волѣ Его, а я иду, куда зоветъ меня мое сердце и совѣсть.

— И что жъ: это секретъ, тайна для всѣхъ?

— Нисколько. Мнѣ, кромѣ тебя, говорить некому, а ты вѣдь, все равно, секретовъ хранить не умѣешь, — добродушно усмѣхнулся Алексѣй.

Григорій ушелъ отъ брата въ суетливо - приподнятомъ настроеніи. Радость неожиданно устроиться на прекрасномъ спокойномъ мѣстѣ смѣшивалась съ чувствомъ удивленія, недовѣрія, и легкой жалости къ Алексѣю. Не будучи способнымъ абсолютно ничего хранить въ самомъ себѣ, всег-

да движимый острой потребностью все выбалтывать, онъ, прямо отъ брата, помчался къ Наталіи, зная, что по воскресеньямъ у нея всегда собирается много народу.

Изъ гостинной доносился ея грудной смѣхъ, покрывавшій гомонъ нѣсколькихъ голосовъ и тихіе аккорды гитары, дрожавшіе надъ струнами, осторожно перебираемые рукой влюбленнаго Левушки.

Григорій стремительно вошелъ:

— Господа, я принесъ новость. Готовъ держать пари, что хоть три года думайте, не отгадаете. — Онъ скользнулъ взглядомъ по лицу Маріи, впередъ предвкушая могущій произойти скандалъ отъ неожиданности извѣстія.

— Ну, такъ говорите же; вѣдь все равно не отгадаемъ, — произнесла Наталія, любившая Григорія за живость его характера и всегда свѣжія новости эмигрантской жизни, ловко приправленныя забавными, не рѣдко зловредными, сплетнями.

— Ну съ, позвольте вамъ доложить, что братецъ мой Алексѣй удаляется въ монастырь и постригается въ монахи.

Взгляды всѣхъ, невольно, обратились въ сторону Маріи. Но она, съ тѣмъ же апатичнымъ выраженіемъ лица, продолжала тасовать карты, и, передавъ ихъ своему партнеру, близорукому генералу, забавлявшемуся съ ней игрой въ дурачки, спокойно произнесла:

— Сдавайте, генералъ.

Посыпались вопросы. Григорій, на нѣсколько минутъ, сдѣлался центромъ общаго вниманія.

Мироновъ, сидѣвшій въ концѣ комнаты, напротивъ Маріи, впился въ нее долгимъ взглядомъ. Когда онъ опустилъ глаза, волненіе его было

такъ сильно, что пальцы, сжимавшіе янтарный мундштукъ, дрожали. Острой прозорливостью настороженной ревности онъ нашелъ въ спокойствіи Маріи подтвержденіи догадки, что она видѣлась, а быть можетъ, и продолжаетъ видѣться съ Алексѣемъ, а потому знала уже новость, поразившую присутствовавшихъ.

Начались толки и догадки. Всѣ, наперебой, увѣряли, что Алексѣй жертва какихъ то католическихъ махинацій, что, конечно, рука Ватикана тутъ сыграла главную роль, что Алексѣй, какъ баранъ, далъ остричь себя и что, разумѣется, они его — какъ русскаго католика — утилизируютъ во всю. Каждый, горячо подтверждавшій эти догадки, не только представлялъ себѣ смутно, что такое католичество, но еще менѣе отдавалъ себѣ отчетъ, кто эти « они », въ чемъ заключаются « ихъ махинаціи », какъ и для чего они могутъ утилизировать русскаго католика, и при чемъ тутъ Ватиканъ, представленіе о которомъ у нихъ было весьма неопредѣленное, какъ о какой то собирательной силѣ, почему то направленной исключительно противъ православныхъ.

— А вы что на это скажете? обратился Григорій къ генералу, занятому не столько игрой въ дурачки, сколько красивыми глазами и плѣнительной улыбкой своей партнерши.

—Меня мало занимаютъ личности, измѣняющіе своему русскому національному православію. Я не уважаю ренегатовъ.

Вскорѣ всѣ разговоры объ Алексѣ были прерваны заявленіемъ хозяйки, что обѣдъ поданъ.

Григорій торжественно пригласилъ всю компанію къ себѣ на новосельѣ, черезъ двѣ недѣли, подъ

Парижъ на виллу, передаваемую братомъ въ его вѣденіе.

ХУ.

Незамѣтно для кутящей компаніи, въ которой вращалась Наталія, промелкнули двѣ недѣли. Печально прошли дни для Маріи, мысленно прощавшейся съ любимымъ Алексѣемъ. Она написала ему длинное письмо, похожее на исповѣдь всей своей жизни. Заканчивала она его признаніемъ, что не сможетъ найти въ сердцѣ своемъ ни жалости къ мужу, ни достаточнаго смиренія, чтобы продолжать жить съ нимъ и что, прощаясь мысленно съ нимъ, — единственно любимымъ ею человѣкомъ, она твердо рѣшаетъ, чего бы это ей ни стоило, уйти отъ мужа, чтобы остаться совершенно одной. Отъ жизни она уже ничего не ждала для себя, и одиночество казалось ей теперь менѣе страшнымъ, чѣмъ совмѣстная жизнь съ Мироновымъ. Она просила его не отвѣчать на это письмо, ибо, неминуемо, оно попадетъ въ руки сестры или мужа.

Письмо это внесло новую струю горечи въ раскаянное сердце Алексѣя. Единственнымъ виновникомъ страданій Маріи онъ считалъ себя, ставшаго на пути ея, какъ могъ бы стать язычникъ, но не сынъ церкви Вселенской, еще такъ недавно пріявшій душой обязательство въ выполненіи законовъ ученія Христа, строго хранимыхъ Ею. Орошая свою молитву слезами, онъ горячо просилъ Господа помочь Маріи, потушить въ сердцѣ ея грѣховную любовь къ нему и даровать ей смиреніе и терпѣніе въ ея трудной жизни.

Отъ владѣльца виллы вскорѣ пришелъ отвѣтъ на письмо Алексѣя; онъ обѣщалъ спѣшно прiѣхать, чтобы лично переговорить съ братомъ его и передать ему на храненiе виллу. Оставалось всего нѣсколько дней, отдѣлявшихъ Алексѣя отъ порога новой жизни. Дни тянулись медленно, отъ волненiя мысли разбѣгались, шаря во всѣхъ забытыхъ углахъ далекаго и недавняго прошлаго.

Наканунѣ означеннаго срока, хозяинъ виллы прислалъ второе письмо, извѣщавшее, что непредвидѣнныя обстоятельства задерживаютъ его на нѣсколько дней, и онъ настоятельно проситъ ни въ какомъ случаѣ, никому не передавать безъ него ни виллы, ни ключа отъ нея.

Крайне впечатлительный и нервный, Алексѣй, по прочтенiи этого письма, испыталъ какъ бы болѣзненный толчокъ въ сердце. Волненiе, не слушаясь доводовъ разсудка, наростало и, наконецъ, имъ начала овладѣвать безотчетная тоска. Онъ ни за что не могъ взяться, ни на чемъ не могъ сосредоточить своихъ мыслей, хватался за одно, забывалъ начатое, хватался за другое, останавливался среди комнаты, не зная куда и для чего идетъ. Нѣсколько разъ принимался за Евангелiе, но мысли не сопутствовали взгляду, многократно скользившему по однѣмъ и тѣмъ же строкамъ.

Два дня Алексѣй тщетно боролся съ самимъ собой. Наконецъ, рѣшилъ, вопреки желаньямъ хозяина, покинуть виллу, передавъ ключъ отцу Владимiру. Такое рѣшенiе вопроса показалось ему вполнѣ прiемлемымъ, и онъ, нѣсколько ободренный, поспѣшно отправился въ Парижъ.

Отецъ Владимiръ вышелъ къ нему съ усталымъ взглядомъ и блѣднымъ лицомъ.

— Вы больны? — съ тревогой спросилъ Алексѣй, глубоко любившій смиреннаго монаха.

— Ничего, говорите, я васъ слушаю.

Алексѣй, запинаясь, повторяясь, сбиваясь на ненужныя подробности, началъ излагать положеніе вещей. Отецъ Владиміръ слушалъ молча, опустивъ глаза, перебирая пальцами конецъ длинной бороды.

— Письмо его съ вами? — поднялъ онъ глаза, когда Алексѣй, послѣ продолжительнаго многословія, умолкъ.

Онъ внимательно дважды перечиталъ краткое письмо владѣльца виллы, и, обернувъ его въ сторону Алексѣя, провелъ указательнымъ пальцемъ подъ строкой, въ которой выражалась просьба ни виллы, ни ключа никому не сдавать.

— Вы видите? Распоряженіе высказано категорично.

— Но вѣдь ключъ будетъ переданъ вамъ, а не кому нибудь иному!

— Вы не имѣете права передать, а я — принять. Надо дождаться пріѣзда хозяина.

— Я не въ силахъ дольше ждать. Со мной происходитъ нѣчто очень странное.

— Развѣ вы забыли, что отъ монаха, главнымъ образомъ, требуется смиренное послушаніе, — мягко произнесъ отецъ Владиміръ.

— Я заболѣю отъ невыносимаго нервнаго напряженія.

— Полгода ждали терпѣливо, а теперь не можете справиться съ собой, чтобы подождать какихъ нибудь три - четыре дня! — Онъ укоризненно покачалъ головой. — Вотъ вамъ поучительный примѣръ, на сколько мы слабы и какъ легко под-

дамся мелчайшимъ искушеніямъ тогда, когда преодолѣвъ крупныя, считаемъ себя уже на высшихъ ступеняхъ побѣды надъ собой. Трудомъ и молитвой побѣдите себя и подчините свои нервы разсудку.

Отецъ Владиміръ, въ высшей мѣрѣ выработавшій въ себѣ духъ смиренія и послушанія, имѣлъ даръ внушать и другимъ необходимость обладанія этими, — самыми трудными, но и самыми необходимыми для жизни духа, — качествами. Алексѣй вышелъ отъ него нѣсколько успокоенный, съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить въ себѣ безпричинное волненіе.

Прошло дня три - четыре. Григорій, раздосадованный сообщеніемъ брата объ отсрочкѣ сдачи виллы, среди знакомыхъ дурачливо подмигивалъ и подтрунивалъ, что, яко бы, Алексѣй передумалъ и, переставъ валять дурака, пожалуй во время сообразилъ, что разстаться съ суетной жизнью мірской, — такъ спокойно протекающей для него въ красивой виллѣ, — не такъ ужъ легко.

Въ одинъ изъ этихъ послѣднихъ дней, Наталія забѣжала къ сестрѣ въ то время, когда, вернувшись съ утомительной синематографической съемки усталые и голодные, они собирались идти въ сосѣдній ресторанъ ужинать. Наталья пошла съ ними. Марія была, по обыкновенію, молчалива. Она мысленно не разставалась съ Алексѣемъ и, не зная объ отсрочкѣ, уже представляла его себѣ за монастырской оградой, далекаго, недосягаемаго, но близкаго душѣ, вѣрнаго любви по духу, непрестаннаго молитвенника о себѣ. Тихая грусть легкой тѣнью лежала на чертахъ ея лица, придавая имъ нѣчто затаенное и болѣе значительное.

Мироновъ, изподтишка выслѣживавшій Марію, теперь былъ спокоенъ, тоже предполагая, что Алексѣй уже въ монастырѣ. Онъ былъ увѣренъ, что съ этого момента, мало по малу, отношеніе къ нему жены будутъ налаживаться. Марію онъ любилъ искренной, острой, хотя и грубой любовью.

Допивая вторую бутылку вина, Мироновъ и Наталія шутили и громко смѣялись. Шумливый столъ, съ двумя красивыми иностранками, притягивалъ вниманіе публики, что всегда нравилось Наталіи и смущало сестру. Она предложила докончить вечеръ у нея. Уступивъ настойчивымъ просьбамъ Миронова, Марія тоже пошла къ сестрѣ.

У Наталіи собралось, по обыкновенію, много народу. Кромѣ хорошаго пѣвца, исполнявшаго серьезные номера, скоро прискучившіе легкомысленно - настроенной компаніи, было все то же безалаберно - пьяное веселье: играли въ покеръ, кто то разсказывалъ пошлые анекдоты. Мироновъ былъ въ ударѣ и не отходилъ отъ рояля. Въ то время, какъ онъ пьянисимо доигрывалъ въ варіаціяхъ заключительные аккорды, и Марія, стоя подлѣ мужа, перелистывала ему ноты, опираясь одной рукой о его плечо, раздался, сильно упирающій на букву О, голосъ купца Проскурова, степенно и трезво присутствовавшаго на пьяныхъ собраніяхъ своей неугомонной подруги:

— А когда же состоится обѣщанное новоселье у Григорія Васильевича?

Наталія, забывъ о присутствіи сестры, громогласно передала то, что болталъ, потѣхи ради, братъ Алексѣя. Мироновъ почувствовалъ, какъ дрогнула рука жены, и пальцы конвульсивно впились въ его плечо. Онъ обернулся и увидѣлъ, какъ

алая краска до самыхъ корней волосъ залила ея лицо и такъ же быстро отлила, оставивъ его безъ кровинки.

— Что съ тобой? — тихо спросилъ Мироновъ, сурово въ упоръ глядя на жену.

— Я не знаю... такъ... это ничего, — еле внятно прошептала она, опускаясь на стулъ. Передъ ея глазами завертѣлись ноты, суровое лицо мужа стало туманиться и уплывать.

Вскорѣ она уѣхала домой, сопровождаемая мужемъ, не проронившимъ ни слова ни въ пути, ни дома. Однако, въ молчанiи дозрѣвала, за долгiе годы накопившаяся, ненависть, давила грудь, искала выхода.

— Если онъ не уѣдетъ въ монастырь, — я его убью, — всплыла и закрѣпилась въ сознанiи мысль.

На слѣдующiй день, Мироновъ, едва начало вечерѣть, ушелъ изъ дому и вернулся поздно. Отъ него опять пахло виномъ. Марiя брезгливо отстранилась. На грозный окрикъ, она промолчала, чтобы не обострять, и безъ того слишкомъ натянутыхъ, отношенiй. Въ ея умѣ созрѣло безповоротное рѣшенiе уйти отъ Миронова. Утромъ, онъ объявилъ ей, что на весь день уѣзжаетъ на съемку, вечеромъ же будетъ у Наталiи и проситъ ее обязательно быть тамъ же.

Съ послѣдняго вечера у Наталiи, Мироновъ чувствовалъ въ себѣ странное , тяжелое раздвоенiе: одно его я, какъ будто спряталось за уголъ и оттуда зорко слѣдило за вторымъ, которое жестко и хладнокровно готовило западню. Хотя первое я догадывалось къ какимъ страшнымъ результатамъ можетъ привести эта западня, однако, оно притаилось, не смѣя оформить свою догадку. Читая мыс-

ли Маріи, оно подсказывало ихъ второму я, распаливъ въ этомъ страшномъ, холодномъ, преступномъ звѣрѣ ревнивую ненависть, ищущую мщенія.

XVI.

Мироновъ, выйдя изъ дому, завернулъ за уголъ, прошелъ нѣсколько шаговъ, вернулся и сѣлъ въ ресторанѣ за столикъ у окна, напротивъ своего дома. Какъ и наканунѣ, онъ имѣлъ въ виду выслѣдить каждый шагъ Маріи. Тайный злорадный голосъ шепталъ ему, что ея терпѣливое отчужденное молчаніе есть залогъ близкой развязки, въ которой она сама дастъ ему поводъ навсегда убрать съ его пути ненавистнаго ему человѣка.

Развернувъ газету, еле притрогиваясь къ поданному завтраку, онъ не спускалъ глазъ съ подъѣзда своего дома.

Между тѣмъ, Марія, едва онъ вышелъ, торопливо сложила въ ручной чемоданъ бѣлье, платье и цѣнныя вещи. Она спустилась на улицу, наняла « такси » и вернулась обратно за чемоданомъ. Рѣшивъ съ вечернимъ поѣздомъ уѣхать къ теткѣ въ Ниццу, она сдала его на храненіе на вокзалѣ и затѣмъ, взяла билетъ на поѣздъ, идущій черезъ полчаса по направленію, гдѣ жилъ Алексѣй. Волнуясь, боясь встрѣчи съ кѣмъ либо изъ знакомыхъ, она прошла въ ресторанный залъ и сѣла въ углу, дожидаясь поѣзда. Всегда слабая и нерѣшительная, на этотъ разъ, она дѣйствовала безъ колебаній. Не вѣря глупымъ догадкамъ на счетъ Алексѣя, переданнымъ ей сестрой со словъ его брата, она, въ то же время, надѣялась на какую то перемѣну, от-

даляющую, а быть можетъ и совсѣмъ отмѣняющую, его уходъ въ монастырь. Смутныя надежды придавали бодрости духа и поддерживали стойкость рѣшенія. Мысли безпорядочно кружились въ головѣ, ни на минуту не порождая опасливой осторожности. Ей не приходило въ голову, что Мироновъ прочелъ ея мысль о свиданіи съ Алексѣемъ и не сомнѣвался въ предшествовавшемъ; въ его замкнутомъ молчаніи она никогда не отгадывала упорнаго за собой шпіонажа, какъ не отгадывала и того, что ея отъѣздъ изъ дому уже былъ ему извѣстенъ.

Странное тревожное состояніе охватило ее, когда, выйдя со станціи и пройдя одинокую уличку, она вошла въ тщательно расчищенную густую аллею сада. Стараясь сдержать учащенные удары сердца, она присѣла на скамейку. Ей стало страшно, что вдругъ Алексѣй разсердится, увидя ее и не зная еще, что никакого обмана нѣтъ, ибо она уже покинула навсегда домъ свой, или что онъ не захочетъ слушать ее, или же скажетъ обидное слово, которое ей придется навсегда унести въ сердцѣ своемъ въ эту тяжелую, рѣшительную минуту своей горькой жизни.

— Ахъ, лучше уйти... не надо!...—пронеслось въ ея головѣ, и она, поддаваясь внезапному необъяснимому страху, повернулась и хотѣла бѣжать обратно, однако, пересилила себя, перекрестилась и, быстро пройдя аллею, поднялась на террасу. Стеклянная дверь въ столовую была открыта. Она вошла. На стулѣ лежала шляпа и палка Алексѣя, на столѣ, покрытомъ съ одного конца салфеткой, была неубрана посуда.

Марія сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась.

— Алеша!... — робко позвала она. Отвѣта не было. Она вошла въ кабинетъ. Въ открытое окно вливались лучи солнца, прорѣзывавшаго набухшіе края разорванной тяжелой дождевой тучи. Она выглянуло въ окно и увидѣла Алексѣя за изгородью, отдѣлявшей огородъ отъ сада. Онъ поливалъ изъ лейки разставленные въ рядъ вазоны цвѣтовъ. Марія вторично обозвала его, но, разстояніе было достаточно велико, и до него не дошелъ ея робкій голосъ.

— Подожду въ столовой. — Она сѣла къ столу лицомъ къ открытой двери и, волнуясь, машинально протянула руку къ лежавшему подлѣ прибора періодическому журналу, листы котораго Алексѣй, очевидно, только что началъ разрѣзывать, такъ какъ внутри его лежалъ, взятый отъ прибора, столовый ножъ. Такъ же машинально она стала разрѣзывать листы. Рука дрожала, взглядъ то и дѣло устремлялся на дверь. Скрипнулъ гравій, и на порогѣ столовой выросла фигура Миронова. Глаза его впились въ нее. Она, словно отъ электрическаго толчка, вскочила на ноги и, съ расширенными отъ ужаса глазами, попятилась назадъ. Однимъ эластичнымъ прыжкомъ, онъ оказался подлѣ нея. Въ глазахъ его Марія прочла нѣчто такое страшное, что, втянувъ голову въ плечи и вся дрожа мелкой дрожью, она, инстинктивно, стала незамѣтно отводить за спину руку съ ножомъ. Въ ея глаза впились, остріемъ стали, сѣрозеленые зрачки, обведеные черной каймой, и, сквозь стиснутые зубы, вырвалось короткимъ угрожающимъ шопотомъ:

Ни зву - ка!.. По - ня - ла?!

Онъ схватилъ ее за плечо, желая посадить на оставленный ею стулъ.

Въ то же мгновеніе изъ горла ея вырвался пронзительный, полный ужаса, крикъ:

— Алешенька!... Онъ здѣсь!...

— Алешенька?!.. Вотъ какъ!!... — прошипѣлъ Мироновъ и, вырвавъ ножъ изъ руки Маріи, смертельнымъ ударомъ всадилъ ей подлѣ самаго горла. Безъ крика, безъ стона, она мягко осѣла и, съ закинутой головой, повалилась навзничь. На полу, возлѣ головы, разросталась лужа изъ, булькающей въ легкомъ хрипѣ, горячей алой струи.

Мироновъ, съ выраженіемъ застывшаго бѣшенства, стоялъ неподвижно, опершись ладонями о край стола.

Хлопнула корридорная дверь. Онъ вздрогнулъ, рванулся было, провелъ рукой по лбу, какъ бы очнулся и остался стоять въ острой напряженности каждаго нерва въ ту минуту, когда Алексѣй вбѣжалъ въ столовую. Увидавъ Марію, лежащую въ лужѣ крови, онъ ахнулъ, перевелъ взглядъ на Миронова и въ ту же секунду все понялъ.

— Что вы сдѣлали?! — съ воплемъ воскликнулъ онъ, бросился къ неподвижно распростертой Маріи, выхватилъ изъ ея горла ножъ и заглянулъ въ широко открытые, еще полные ужаса, глаза: они были мертвы.

Алексѣй схватился за голову, упалъ на колѣни, и, приникнувъ лбомъ до самаго пола, громко зарыдалъ:

— Прости... прости меня, неповинная!...

Мироновъ качнулся, опустился на стулъ, уронилъ руки и, весь посѣрѣвшій, глядя передъ собой тя-

желымъ неподвижнымъ взглядомъ, громко дышалъ.

Алексѣй поднялся. Вытирая заплаканное лицо скомканной салфеткой, онъ подошелъ къ нему. Стараясь преодолѣть дрожаніе нижней челюсти, онъ тихо, скорбно проговорилъ:

— Вы убили неповинную...

Мироновъ поднялся. Переведя на Алексѣя застывшій взглядъ, онъ нѣсколько секундъ молчалъ.

— Я пришелъ убить васъ, а убилъ ее, — глухо проговорилъ онъ.

— Ахъ, лучше бы вы убили меня, несчастный!...

— Молчите вы!... убійца!...—Застывшій взглядъ пробудился и блеснулъ остріемъ ненависти.

Алексѣй отшатнулся:

— Что вы сказали?!

— Вы убили ее моей рукой! Вы думаете, что я не понималъ, что, продолжая полковую вражду, вы, изъ бахвальства, чтобы мстить мнѣ, переманили ее отъ меня, бросили и рѣшили вторично отнять, но уже не любовницу, а жену... и спрятаться въ келью, за монастырскую ограду. Мерзавецъ! Подлецъ!...

Алексѣй, съ перехваченнымъ въ горлѣ дыханіемъ, не находя словъ, задыхаясь, какъ подстрѣленными крыльями, махалъ протянутыми къ Миронову обѣими руками и, заикаясь, ронялъ вмѣсто словъ, какіе то нечленораздѣльные звуки.

Мироновъ сразу преобразился. Лицо, съ перекошенными губами, съ бѣлыми, большими хищными зубами, было страшно выраженіемъ бѣшеной ненависти. Слова падали сквозь стиснутые зубы размѣрянными жесткими ударами. Глаза, подъ судорожно слившейся темной дугой, впились не-

подвижнымъ смертоноснымъ жаломъ въ широко раскрытые, скорбно испуганные, покраснѣвшіе отъ слезъ, глаза Алексѣя.

— Такихъ какъ вы — подлецовъ сперва бьютъ, а затѣмъ убиваютъ, какъ собакъ.

Алексѣй не успѣлъ отшатнуться. Мироновъ изо всѣхъ силъ ударилъ его по лицу. Въ слѣдующее мгновеніе эта же рука, скользнувшая въ карманъ френча за револьверомъ, оказалась сжатой въ желѣзныхъ тискахъ, перехватившей ее, руки Алексѣя. Другой рукой онъ сдавилъ ему горло:

— Бросьте револьверъ... да бросьте же! — Желѣзныя тиски сомкнулись сильнѣе. Револьверъ выпалъ изъ сжатаго кулака. Мироновъ, на секунду потерявъ сознаніе, грузно опустился на стулъ. Алексѣй, оттолкнувъ ногой упавшій на полъ револьверъ, налилъ въ стаканъ воды изъ графина, стоявшаго на столѣ и поднесъ къ губамъ Миронова. Рука его дрожала такъ, что онъ ударялъ краемъ стакана о его губы.

Мироновъ схватилъ стаканъ и выпилъ воду залпомъ.

— Ну, что: доканали?!—злобно прошепталъ онъ, опустивъ голову. — Теперь идите, зовите полицію... надѣвайте на меня кандалы... а сами, подлый лицемѣръ, ренегатъ, переодѣвайтесь въ рясу, чтобы лгать вашему католическому Богу.

Алексѣй стоялъ подлѣ Миронова и, полузакрывъ глаза, держа у подбородка сплетенные пальцы, весь настороженный, напряженный внутри себя, ушедшій въ то страшное и притягивающее, что творилось въ его душѣ, слушалъ слова, произносимыя Мироновымъ, какъ слушаютъ слова приговора.

— Да ну же, зовите людей, полицію, или я искалѣчу васъ, — вдругъ яростно крикнулъ Мироновъ.

— Тише... тутъ она лежитъ. — Алексѣй всей грудью забралъ воздухъ, истово перекрестился и твердо произнесъ:

— Уходите поскорѣй, и чтобъ никто не видѣлъ. Да, вы правы: убійца я.

Мироновъ поднялся. Недоумѣвающе и недовѣрчиво онъ посмотрѣлъ на Алексѣя.

Алексѣй закрылъ ладонями лицо и чуть внятно, но твердо повторилъ:

— Уходите.

— Смотрите, уйду такъ ужъ не вернусь, — хмуро произнесъ Мироновъ.

Онъ протянулъ руку за шляпой, поднялъ съ полу револьверъ, лежавшій возлѣ упавшаго со стола журнала, и шагнулъ къ двери.

Когда Алексѣй отнялъ отъ лица руки, въ комнатѣ никого не было, кромѣ него и мертвой Маріи.

Онъ опустился передъ ней на колѣни, перекрестилъ, поцѣловалъ уже похолодѣвшій лобъ, покрылъ лицо салфеткой, еще мокрой отъ слезъ, и, послѣ долгой молитвы, отправился въ полицію, съ красными, отъ слезъ, глазами, весь блѣдный и взъерошенный, не обративъ вниманія, что на колѣняхъ брюкъ, на обшлагахъ и на груди были большія пятна крови. Въ полиціи, еле справляясь съ собой, чтобы вновь не разрыдаться, онъ заявилъ, что, въ то время какъ былъ на огородѣ, на виллѣ было совершено убійство.

XVII.

Мироновъ, съ удивительнымъ хладнокровіемъ учтя всѣ мелчайшія подробности происшедшаго, съ момента выхода изъ калитки сада роковой виллы, обдумывалъ каждый свой шагъ и дѣйствовалъ съ крайней осторожностью. Хотя онъ купилъ въ Парижѣ билетъ съ обратнымъ проѣздомъ, однако, онъ сѣлъ въ трамвай, довезшій его до слѣдующей желѣзнодорожной станціи. Тамъ онъ взялъ новый билетъ и прошелъ на платформу; поѣздъ, какъ разъ, приближался. Всю дорогу онъ дѣлалъ видъ, что читаетъ газету. Пряча за ней лицо, онъ, въ то же время, намѣчалъ въ своемъ умѣ каждый свой послѣдующій шагъ.

— Выдастъ, мерзавецъ, навѣрное, выдастъ! — со злбой думалъ онъ объ Алексѣ. — Ну нѣтъ, братъ, теперь я тебѣ не дамся. Выскочилъ изъ подъ моей руки, — погибнешь либо на гильотинѣ, либо въ кандалахъ. Туда тебѣ и дорога! Изъ за тебя, негодяй, я ее убилъ. Ломалъ комедію съ монастыремъ, такъ вотъ и спасайся теперь въ арестантской рясѣ.

Чувство къ убитой женѣ у него какъ то сразу осѣклось. Съ ея именемъ у него теперь сплеталась угроза роковой опасности, исключавшей не только раскаяніе, но даже и сожалѣніе. Къ тому же, въ послѣднемъ возгласѣ Маріи, онъ усматривалъ подтвержденіе ея возобновившейся связи съ Алексѣемъ. Слѣпая ревность, готовившая ударъ сопернику и поразившая, въ минуту бѣшенства, жену, находила себѣ оправданіе, въ совершонномъ преступленіи.

Прямо съ вокзала онъ поѣхалъ домой. Мимо ложи консьержа, онъ прошелъ незамѣченнымъ. Убѣдившись, что на немъ нѣтъ пятенъ крови, кромѣ небольшой алой полоски на обшлагѣ рукава, который онъ тщательно подвернулъ, выйдя изъ сада виллы, онъ сейчасъ же замылъ его и спустился къ консьержу освѣдомиться, не знаютъ ли тамъ, куда уѣхала его жена и когда вернется, такъ какъ онъ, якобы, съ часу дня до сего времени тщетно ожидаетъ ее. Консьержъ отвѣтила, что мадамъ не заходила къ ней, и потому она ничего не знаетъ. Мироновъ отправился къ Наталіи и, съ видомъ весьма естественнаго раздраженія, освѣдомился не у нея ли весь день находится Марія.

— Не въ первый разъ замѣчаю, что она гдѣ то шатается.

— Можетъ быть въ магазинъ поѣхала. Она собиралась. Куда же вы спѣшите? Оставайтесь обѣдать. — Наталія взяла Миронова за обшлагъ и потянула къ себѣ:

— Плюньте, Мишенька, не хмурьтесь. Посидите со мной. Развѣ вамъ скучно подлѣ меня?

— Подлѣ васъ?... — Въ умѣ его родилась неожиданная и странная мысль. Онъ остановилъ на Наталіи взглядъ, помолчалъ и чему то усмѣхнулся.

— Нѣтъ, подлѣ васъ мнѣ не скучно.

— Мишенька... милый! — Наталія притянула его ближе и разсмѣялась ему въ глаза беззвучнымъ радостнымъ смѣхомъ.

— Эхъ, Миша, хороша жизнь, коли умѣешь ею пользоваться!

— Вѣрно.

— Ну, а коли вѣрно, такъ не уходите.

— Нѣтъ, я долженъ сейчасъ съѣздить насчетъ

съемки спросить, а оттуда, часа черезъ полтора, я вернусь; вы же, Наташа, позвоните Марусѣ и...

— И позвать ее вмѣстѣ обѣдать? Такъ или нѣтъ? — насмѣшливо перебила Наталія.

—Ну, это ужъ какъ тамъ хотите. Скажите ей, что я золъ, какъ чертъ, и узнайте, гдѣ она шатается весь день.

— А я еще разъ говорю вамъ, Мишенька: плюньте.

Когда Мироновъ вернулся, Наталія, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, сообщила ему, что звонила тщетно къ сестрѣ три раза.

Обѣдать отправились въ ресторанъ, съ тѣмъ, чтобы оттуда еще разъ позвонить Маріи.

—Однако, тутъ что то неладное, — произнесъ Мироновъ, когда и въ девять часовъ телефонъ остался безъ отвѣта. — Вы не находите?

— Да, я начинаю безпокоиться.

— Надо заявить полиціи.

— Подождите, Миша, заявлять. А вдругъ она... да нѣтъ, ерунда, этого не можетъ быть.

— Вы о чемъ говорите? Досказывайте.

— Да нѣтъ, ерунда пришла въ голову.

— Я знаю что: вы думаете, что она поѣхала къ Алексѣю? Ну, такъ я вамъ скажу, что и мнѣ эта же мысль приходила въ голову, ибо у меня есть данныя, что она уже была у него и, вѣрно, не разъ.

—Не можетъ быть: она бы мнѣ сказала.

— Нѣтъ, не сказала бы, потому что отъ него узнала, что вы перехватили его письмо.

— Это вѣрно.

— Вы знаете его адресъ?

— Знала, да забыла. Можно позвонить Григорію Васильевичу.

— Позвоните. Если я найду ее тамъ, то уложу. его на мѣстѣ.

— Скажите, какой пѣтухъ нашелся! Ну, а если ее тамъ нѣтъ, то какую вамъ физіономію прійдется состроить? Положеніе ваше будетъ глупѣйшее. Я сейчасъ узнаю его адресъ и поѣду сама. Кстати, увижу, какъ этотъ будущій аскетъ и отшельникъ проводитъ свои вечера. Интересно! Попробую съ нимъ флиртонуть.

— Не говорите глупости, Наташа. — Мироновъ сдвинулъ брови.

— А - а, ревнуете. Это хорошо.

Наталія, узнавъ адресъ Алексѣя, собралась ѣхать, пообѣщавъ Миронову сообщить ему съ вокзала результаты поѣздки. Она была почти увѣрена, что Марія у Алексѣя. Ловкая и опытная во всякихъ продѣлкахъ, она не сомнѣвалась, что съумѣетъ отвести отъ сестры заслуженный гнѣвъ.

Черезъ часъ она подходила къ виллѣ, гдѣ уже производилось слѣдствіе. По приказу властей, былъ вызванъ Мироновъ. Онъ пріѣхалъ со слѣдующимъ поѣздомъ.

— Я былъ увѣренъ, что она здѣсь, — съ хорошо разыгранной злобой, проговорилъ онъ, переступая порогъ столовой и бросая на Алексѣя, понуро сидѣвшаго въ углу комнаты, яростный взглядъ. Слѣдователь, зорко наблюдавшій за малѣйшимъ измѣненіемъ въ его лицѣ, посторонился, чтобы сразу открыть ему, лежавшую на полу, мертвую Марію. Мироновъ остановился. Въ лицѣ, съ сурово сдвинутыми бровями и холоднымъ жесткимъ взглядомъ, не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Прошло нѣсколько мгновеній. Онъ отвелъ взглядъ

отъ лица Маріи, обвѣяннаго неподвижными тѣнями смерти, и устремилъ его на Алексѣя:

— Раздѣлался таки!... — сквозь зубы произнесъ онъ.

Алексѣй поднялъ голову и, съ глубокой тоской, посмотрѣлъ на Миронова.

ХУШ.

Алексѣй былъ арестованъ. Захлопнулись тяжелыя ворота, и его повели черезъ пустой, точно вымершій, дворъ къ громадному сумрачному зданію, слѣпо глядящему рѣшетчатыми окнами на солнечный день. Чье то блѣдное, скуластое, хмурое и неопрятное лицо мелькнуло изъ за рѣшетки верхняго окна. По безконечнымъ корридорамъ гулко отдавались шаги. Кому то его сдали и опять повели. Загремѣлъ засовъ, и онъ оказался въ крошечномъ грязноватомъ чуланѣ.

Послѣ подъема жертвенныхъ силъ и напряженія волевой энергіи, настала реакція. Онъ весь сжался, нервы обратились въ болѣзненный комокъ. Долетѣвъ до дна страшной пропасти, въ которую онъ бросился, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, съ полнымъ сознаніемъ грядущаго для него позора и скорбей, онъ почувствовалъ, что крылья его опустились.

Потекли дни, полные оскорбительныхъ, въ своей реальности, подробностей, ускользавшихъ въ представленіи общей картины, возлагаемаго на плечи, великаго креста искупительной жертвы. Начались безконечные допросы, съ явнымъ намѣреніемъ поймать на словѣ, разставить ловушку. Въ глазахъ допрашивавшихъ предубѣжденыхъ судій,

Алексѣй читалъ подозрительную недовѣрчивость. Всѣ улики были противъ него. Чувство глубокаго оскорбленія и обиды, невяжущіяся съ самовольно принятымъ на плечи крестомъ, терзали его душу. Онъ не испытывалъ ни радости въ сознаніи творимаго подвига, ни подъемовъ духа въ молитвѣ. Тьма и тоска заволокли его душу. Показанія опрашиваемыхъ были противъ него. Квартирная хозяйка, у которой онъ снималъ комнату, разсказала, что очень часто слышала раздраженный и даже сердитый голосъ Алексѣя, обращенный къ Маріи, которую она называла кроткой женщиной, очевидно, сильно любившей его. Отвѣтомъ на его гнѣвъ были только ея слезы. Она считала Алексѣя честнымъ малымъ, но съ непріятнымъ и вспыльчивымъ характеромъ.

Какія то предчувствія заманчиваго будущаго, связанннаго съ личностью Миронова, заставили Наталію, для огражденія его отъ всякихъ подозрѣній, повторить слѣдователю фразу, сказанную однажды Алексѣемъ въ минуту запальчивости: «сведете ее съ Мироновымъ, такъ убью и ее, и васъ». Она не скрывала передъ судьями ни своего отвращенія къ Алексѣю, ни увѣренности въ его виновности.

Григорій показалъ, что братъ его былъ человѣкомъ очень честнымъ, но скрытный, со странностями, деспотичный, раздражительный и, до крайности, ревнивый.

Мироновъ держалъ себя на допросѣ съ полнымъ самообладаніемъ. Говорилъ мало, точно и толково. На вопросъ слѣдователя, подозрѣвалъ ли онъ жену въ свиданіяхъ съ Алексѣемъ, Мироновъ отвѣтилъ, что въ послѣднее время эта мысль приходи-

ла ему въ голову, но онъ старался не останавливаться на ней, ибо зналъ, что еслибъ не было увѣренности въ скоромъ удаленіи Алексѣя въ монастырь, то онъ вызвалъ бы его на дуэль и, навѣрное, убилъ бы, такъ какъ стрѣлялъ лучше его; а если бы тотъ отказался драться, то все равно, при первой же возможности, пустилъ бы въ него пулю, такъ какъ револьверъ всегда носилъ при себѣ.

Слова эти подтвердили предположеніе, что если бы Мироновъ выслѣдилъ жену, то врядъ ли поѣхалъ бы вслѣдъ за ней къ ненавистному человѣку, оставивъ револьверъ дома, ибо, если предположить, что убійство было совершено имъ, то почему онъ дѣйствовалъ ножемъ, а не револьверомъ, который, подтвердили свидѣтели, всегда находился при немъ. Наконецъ, почему, убивъ жену, онъ пощадилъ врага, зная, что онъ гдѣ то близко, ибо его шляпа и палка, какъ показалъ самъ Алексѣй, оставались на виду въ столовой.

Въ его шкатулкѣ найдено было, полное упрековъ и обвиненій, письмо Маріи, съ просьбой отвѣтить по адресу сестры. На вопросъ слѣдователя, отвѣтилъ ли онъ, и каковъ былъ его отвѣтъ, Алексѣй сказалъ такъ, какъ было, но Наталія, испугавшаяся могущихъ произойти осложненій съ вопросомъ укрывательства, перехваченнаго ею, письма, солгала, что отвѣтнаго письма получено не было. Этотъ фактъ прибавилъ лишнюю черту къ общей картинѣ, сложившихся противъ Алексѣя, фактовъ, подтверждавшихъ крайнюю запутанность его отношеній и чувствъ къ Маріи и не чистосердечность показаній.

Правдивый по натурѣ, страшившійся даже малѣйшей лжи, Алексѣй испытывалъ на себя позоръ трусливаго и лживаго убійцы. На первыхъ допросахъ онъ, не щадя себя, винился въ преступномъ легкомысліи и чувственной распущенности, одержавшихъ верхъ надъ сознаніемъ грѣховности поступковъ, толкнувшихъ его на связь съ женщиной, которую любилъ другой и на которой онъ жениться не могъ бы. На послѣдующихъ допросахъ, онъ замкнулся и почти не отвѣчалъ.

— Своимъ молчаніемъ вы, или лишаете насъ возможности найти убійцу, или еще больше отягощаете свою вину, — строго замѣтилъ ему слѣдователь.

— Я вамъ сказалъ, все что могъ. Больше говорить мнѣ нечего. Господь самъ рѣшитъ это дѣло,— устало отвѣтилъ онъ и съ тѣхъ поръ упорно замолчалъ.

Для Алексѣя, заключеннаго въ одиночной тюрьмѣ, потянулись скорбные, полные отчаянія, дни. Онъ сидѣлъ часами, вперивъ взглядъ въ одну точку. Передъ нимъ, какъ на яву, рисовались, происходящія за сѣтной тюрьмы, картины, связанныя съ его именемъ. Онъ зналъ, что русскія газеты въ Парижѣ, во Франціи и по всему міру оповѣстили эмиграцію объ отвратительномъ злодѣяніи, совершенномъ рукой русскаго, недавно перешедшаго въ католичество, лицемѣрно прикидывавшагося набожнымъ, готовившагося, яко бы, уйти въ монастырь. Онъ слышалъ, сквозь толстыя стѣны тюрьмы, глумленія по адресу католиковъ, лицемѣріе и « іезуитство » которыхъ , яко бы, подтверждались ихъ новымъ адептомъ. Онъ слышалъ перебиваю-

щій высокій голосъ брата, всюду повторяющій налаженыя фразы:

— Я такъ и зналъ! Я говорилъ, что это католичество не доведетъ его до добра... я предупреждалъ его... Гордился бы своимъ православіемъ, а онъ на - те вамъ, Ватикану подслужиться хотѣлъ. Вотъ и наказалъ Господь. А ужъ католикамъ этимъ по дѣломъ! Пусть получатъ сраму: не православный, а ими же соблазненный католикъ убилъ...

Но не видѣлъ и не отгадывалъ Алексѣй, что, накричавшись и напѣтушившись вдоволь среди людей, братъ его, вернувшись въ свою комнату, одиноко и горько рыдалъ, жалѣя его. Не зная кого винить въ случившемся, не умѣя смириться и молиться, онъ рыдалъ потрясая кулаками. По нелѣпому представленію о церкви католической, онъ клялъ всѣхъ католиковъ, клялъ Римъ, клялъ Ватиканъ.

Видѣлъ и слышалъ Алексѣй, сквозь стѣны тюрьмы, позорные толки, направленные противъ него, противъ погибшей Маріи... Видѣлъ, — о, тоска и скорбь, великая мука души!... онъ видѣлъ строгіе поникшіе взоры монаховъ той обители, куда такъ страстно рвалось сердце его и куда, быть можетъ, проникла ужасная вѣсть. Слышалъ тихія, одинокія о немъ молитвы: « да проститъ ему Господь великій тяжкій грѣхъ и да вольетъ въ душу его раскаяніе.»

Дальше, дальше летѣли его мысли, жгли какъ желѣзнымъ клеймомъ: онъ видѣлъ любимаго отца Владиміра, погруженнаго въ думы о немъ. Алексѣй силился проникнуть въ глубину этихъ тяжкихъ о немъ думъ. О, Господи, неужели онъ не слышитъ крика души его, вопля его великаго страданія?! Онъ былъ послушенъ ему — своему

любимому пастырю... Вѣдаетъ ли онъ, что сердце его чисто, что онъ невиновенъ? Рыдая, Алексѣй падалъ на колѣни и, сквозь стѣны тюрьмы, видѣлъ, какъ отецъ Владиміръ, склонивъ на ладони лицо, стоялъ въ долгой молитвѣ. О чемъ молился онъ любимому Христу? Молился ли онъ, какъ тѣ монахи, о прощеніи ему смертнаго грѣха или же видѣло сердце его истину, и онъ молился — « да не дрогнетъ сердце Алексѣя, да не устыдится онъ посрамленія отъ людей и донесетъ до конца добровольно принятый крестъ свой, чтобы предстать передъ Творцомъ, съ омытой отъ грѣха, свѣтлой душой».

— О, Свѣтловъ, любимый, желанный другъ души!

Алексѣй молитвенно складывалъ руки.

Гдѣ онъ? Знаетъ ли?... Какъ свѣтла была дорога, на которой они встрѣтились въ тотъ чудный яркій день, когда, счастливый и радостный, онъ шелъ къ монастырю! Какъ прекрасна была эта встрѣча! Какимъ тепломъ любви вѣяло отъ Свѣтлова, какой нѣжной лаской прозвучало въ устахъ его «Алеша»... Онъ сказалъ:—«для подвиговъ нужна молитва... только въ ней черпается великая сила души». О, если бы зналъ тогда Свѣтловъ, какой тяжкій, какой непосильный крестъ ждалъ его! А можетъ быть и зналъ...

Мысль о Свѣтловѣ, о его единственномъ, самомъ любимомъ другѣ, стала заполнять все больше и больше мозгъ Алексѣя, вытѣсняя всѣ другія мысли. Лежа по ночамъ на узкомъ, твердомъ тюремномъ ложѣ, онъ звалъ его, молился Христу, чтобы Онъ сотворилъ чудесную радость и привелъ бы его хотя на минуту.

Дни потянулись однообразные, длинные и мрачные, безъ всякаго утѣшенія. Иногда Алексѣю казалось, что сердце его черствѣетъ, душа тускнѣетъ, что Господь оставилъ его. Вялая молитва умирала на устахъ, Онъ опускалъ голову и, въ тоскующемъ сердцѣ, уныло повторялъ:

— Зачѣмъ, зачѣмъ Ты, Господи, оставилъ меня?!

Иногда случалось, что какой то голосъ кричалъ ему въ самое ухо:

— Безумецъ, что ты надѣлалъ?! Кому это надо? Зачѣмъ ты позоришь себя и брата... въ глазахъ православія бросаешь тѣнь на русскихъ католиковъ! Очнись! Кого ты хочешь спасти: негодяя, убившаго свою жену и, за твоей спиной, скрывающаго свое преступленіе?! Въ немъ нѣтъ ни совѣсти, ни раскаянія.
Онъ же и глумится надъ тобой. Какую напрасную боль ты причиняешь довѣрившимъ тебѣ, хотѣвшимъ допустить тебя раздѣлить съ ними, полную воздержаній и молитвъ, — жизнь. Теперь ты, въ глазахъ всѣхъ людей, распутный злодѣй, убійца, каторжникъ!... Но что общаго между тобой и всей этой грязью, заливающей твою душу?!

Алексѣй вскакивалъ, хватился за голову, метался по крошечной камерѣ, останавливался, начиналъ вслухъ разговаривать самъ съ собою:

— Да что жъ это я, вправду, надѣлалъ? Я — арестантъ?! Меня будутъ судить... засудятъ... Я пойду на каторгу??! Буду человѣкомъ подъ номеромъ — ничто, хуже, чѣмъ ничто. Обо мнѣ останется брезгливое воспоминаніе... За что же, за что?! Умру на галерахъ отъ непосильныхъ работъ, отъ грязныхъ болѣзней, быть можетъ, отъ побоевъ Еще не осудили, а уже дважды толкнули въ спину

такъ, что чуть было головой ни разшибся. Да что жъ это со мной: навожденіе? Я ли это? Сонъ, кошмаръ! Господи, что творится со мной? Вѣдь это я — Алексѣй Васильевичъ... Алеша... Вотъ, помню себя мальчикомъ, мама любила и баловала... потомъ корпусъ... юнкеръ... офицеръ.. Кутилъ, бросалъ деньги, весело жилъ... Любовь и женщины... Мироновъ... темное, всегда раздражающее въ полковой жизни, пятно. Наглый, самоувѣренный покоритель женскихъ сердецъ... Я завидовалъ ему... Потомъ, война... но что общаго въ этомъ прошломъ съ тѣмъ, что происходитъ сейчасъ? Съ этой камерой съ рѣшетчатымъ окномъ, со мною, готовымъ идти на каторгу? Во имя чего? Чтобы искупить вину мою передъ невинно убитой Маріей? Но ее уже нѣтъ, ей не надо моихъ слезъ и страданій. Во имя души моей, чтобы « Онъ » простилъ грѣхъ мой? Да въ чемъ же особый грѣхъ? Ну, любилъ, какъ многіе любятъ, а потомъ отошелъ, потому что понялъ, что нельзя такъ... Понялъ?? А когда приближался, развѣ не понималъ и не зналъ?

— Зналъ, зналъ!... кричалъ внутренній голосъ. — Зналъ, но не хотѣлъ слушать того, что зналъ! И убита она потому, что ты, проникнутый ученіемъ Церкви Вселенской, требующей точнаго исполненія Словъ Христа, ты все таки ослушался и Христа, Котораго такъ любишь, и Церковь, которой сознательно клялся быть послушнымъ сыномъ. Для чего же ты слился съ нею, если хотѣлъ жить, какъ жилъ раньше? Гдѣ была любовь твоя ко Христу, если она ничѣмъ не выражалась, кромѣ мертвой молитвы. Сдѣлавъ одинъ кривой шагъ, ты пошелъ по кривому пути и увлекъ на него ту, которая убита. Мироновъ, наглый и безсовѣстный,

не носящій въ сердцѣ своемъ Бога, логически правъ, назвавъ тебя убійцей. Ты привелъ ее къ этой развязкѣ. Мироновъ хотѣлъ жениться на ней, но ты увлекъ ее къ себѣ. Онъ женился, и она обманула его, ибо вышла за него, любя тебя, не желая бороться съ грѣховной страстью. Умерла безъ покаянія. Ты долженъ искупить и свой, и ея гррѣхъ. Ты виновенъ... А Христосъ страдалъ неповинный, чистый, Богъ,искупая грѣхи людей въ минувшихъ и грядущихъ вѣкахъ.

Однажды, когда онъ укрѣплялъ въ сотый разъ такими разсужденіями свою колеблющуюся волю, въ сердцѣ его раздался страшный, невѣдомый до тѣхъ поръ, лукавый шопотъ. Злобной усмѣшкой подмигнули чьи то пронизывающіе глаза:

— Христосъ?! А если Христосъ былъ во сто кратъ большій чѣмъ ты, безумецъ, взвалавшій на плечи свои грѣхъ не одного, а всѣхъ людей?... Фантазеръ, безумецъ, а не Богъ. Кто сказалъ тебѣ, что онъ былъ Богъ? Только Онъ Самъ.

Алексѣй, въ трепетномъ ужасѣ сталъ пятиться и, какъ въ тотъ страшный день убійства Маріи, когда Мироновъ потрясъ его душу потокомъ обвиненій, такъ и въ данный моментъ, онъ отмахивался дрожащими руками отъ кого то, кто нашептывалъ ему ужасныя слова искушенія.

— ...Нѣтъ, нѣтъ... не надо, не надо... не слушаю!... Господи, Господи, да что же это творится во мнѣ?! Не надо... только не это, не этотъ ужасъ!... Вѣдь Ты же есть и былъ, Ты приходилъ на землю... Тебя я носилъ съ дѣтства въ сердцѣ моемъ...

— А ты всетаки отвѣть: кто сказалъ тебѣ, что Онъ Богъ? Не онъ ли самъ? А если... обманулъ?! — хихикнулъ голосъ.

— Обманулъ?! Онъ обманулъ?! Зачѣмъ?

— ...Потому что самъ этому вѣрилъ, безумецъ. .

— Нѣтъ, погоди... успокойся... будь логиченъ... — вытирая со лба холодный потъ, силясь найти равновѣсіе, — говорилъ себѣ Алексѣй. — Христосъ всюду указываетъ, что, кромѣ вѣры, долженъ быть и разумъ: « Разумѣйте » — говорится въ Евангеліи. — Алексѣй перекрестился и сталъ самъ съ собою разсуждать:

— Въ книгахъ вѣтхаго Завѣта, задолго предсказано пришествіе Христа, даны подробнѣйшія указанія и факты. предшествовавшія. Его рожденію на землѣ, подробности Его жизни, Его страданій, Его смерти, включительно до брошеннаго воинами жребія на одежды Его.

—Если бы Онъ былъ безумецъ, то не могъ бы обладать всѣми высшими духовными качествами, притягивающими не только единичныхъ людей, но и толпу. Мало ли было безумцевъ, мнящихъ себя божествами. Никто за ними не шелъ, не умирали за нихъ толпы мучениковъ, ихъ сажали въ дома умалишенныхъ или же они проходили, какъ пролетаетъ вѣтеръ.

— Если я, порочный грѣшникъ, испорченный человѣкъ, ненавижу всякую, даже малѣйшую ложь, то какъ же Онъ, — одаренный величайшей мудростью, какъ же Онъ, отвергающій всякое зло и ложь, велящій, превыше всего, любить Бога и ближняго своего, какъ же Онъ рѣшился бы на такое ужасное безумство, на такую преступную ложь: назвать себя Богомъ, Сыномъ Бога Отца, указуя многократно на свое единство съ Богомъ Отцомъ и въ Богѣ Отцѣ?! Тогда это былъ бы только сумасшедшій или преступный лгунъ, и Его ученіе не-

минуемо погибло бы, ибо все преступное гибнетъ, вычеркивается изъ памяти. Развѣ лжецъ и обманщикъ будетъ переносить гоненія, клевету и страданія? Развѣ хулитель Бога станетъ подвергать себя поруганіямъ, дастъ терзать себя и распинать? Во имя чего? Ради какихъ благъ? Гдѣ ложь и обманъ, тамъ зло, эгоизмъ и низкія страсти; тамъ не можетъ сіять красота идеи.

— Былъ ли въ исторіи примѣръ, чтобы отрицающій божественность Христа, достигнулъ бы тѣхъ высшихъ ступеней духовной культуры и любви къ ближнему, какихъ достигаютъ люди, изучающіе и слѣдующіе Его ученію?...

— Я колеблюсь, мнѣ измѣняютъ силы оттого, что люди, которыхъ я такъ мало уважалъ и любилъ, до которыхъ мнѣ не было дѣла, что эти люди перестали уважать меня, называютъ убійцей и сошлютъ на каторгу. Если бы трудъ, подобный каторжному, былъ бы предписанъ уставомъ монастыря, развѣ я не пошелъ бы? Да, я пошелъ бы, ибо въ сознаніи моемъ была бы заложена увѣренность, что я творю нѣчто, заслуживающее похвалы или, во всякомъ случаѣ, людского уваженія...

Радостная улыбка осѣнила истомленное безсонными ночами и горькими слезами, лицо Алексѣя:

— Попался, попался! Гордыня сидитъ въ тебѣ, — стукнулъ онъ себя кулакомъ по лбу. — Смиренія ни на грошъ... Говоришь, что не уважаешь толпу, а какъ боишься потерять ея уваженіе! Самому себѣ лжешь, себя обманиваешь!... Ну, поди, поди, скажи имъ, что убылъ не ты, а Мироновъ; да развѣ они тебѣ повѣрятъ? Вотъ, если обратный желѣзнодорожный билетъ покажешь, который онъ

уронилъ подъ столъ, вынимая револьверъ, тогда, пожалуй, повѣрятъ, потому что проконтролируютъ, и улика окажется явной. Христосъ творилъ чудеса ,о немъ за сотни лѣтъ говорили пророки, и все таки не вѣрятъ ему тѣ, кому не выгодно носить на совѣсти своей обязательства по отношенію себя и ближняго. Зачѣмъ ты бережешь билетъ? Зачѣмъ? Чтобы когда нибудь похвалиться передъ людьми, быть можетъ, передъ Мироновымъ? О, слабость, о, нищета души!...

Алексѣй нащупалъ въ пиджакѣ, внизу полы, билетъ, засѣвшій между краями сукна. Перебирая пальцами, онъ втянулъ его къ слегка подпоровшемуся шву, вынулъ, рѣшительно порвалъ на мелчайшіе кусочки и бросилъ въ ведро.

XIX.

Потянулись длинные, мучительно однообразные дни и недѣли. Тюрьма, со всѣми ея грязными и жуткими особенностями, со всей ея грязью внѣшней и внутренней, какъ паукъ, впилась въ израненную душу Алексѣя, нависла надъ ней гнилымъ и мертвымъ дыханіемъ. Изъ одиночки онъ былъ давно переведенъ въ общую камеру, гдѣ переносилъ оскорбленія и грубость дѣйствительныхъ убійцъ. Нѣкоторые изъ нихъ не взлюбили его за отчужденность и молчаливость, быть можетъ, за то, что чувствовали его чистое сердце. Они высмѣивали подмѣченую ими набожность, хотя онъ цѣломудренно скрывалъ свои молитвы и слезы. Двое изъ нихъ, — бѣглые злодѣи — рецидивисты, возненавидѣли его слѣпой, жестокой ненавистью;

ихъ удерживала на нѣкоторомъ отъ него разстояніи лишь увѣренность въ его исключительной физической силѣ. Одинъ изъ нихъ, какъ будто случайно, чуть было ни попалъ ему камнемъ въ голову, пользуясь случаемъ, когда ихъ погнали во дворъ перетаскивать, наготовленныя для работъ груды каменьевъ. Алексѣй, молча, переносилъ всѣ эти страданія. Ему приходилось слушать разговоры, полные цинизма и богохульства, на которые способны только озвѣрѣвшіе люди, утерявшіе въ себѣ образъ и подобіе Божіе, заливающіе помоями свою душу, чтобы утопить въ ней послѣдніе проблески человѣческаго я. Сквернословіе и самая грубѣйшая отборная ругань наполняли камеры и корридоры. Алексѣй былъ совершенно оглушенъ и потрясенъ морально. Всегда отличавшійся разсѣянной неряшливостью, въ тюрьмѣ онъ опустился совсѣмъ. Неопрятный, съ пожелтѣвшимъ сѣроватымъ лицомъ, худой, унылый и молчаливый, онъ, съ перваго момента, не производилъ выгоднаго впечатлѣнія и лишь, вглядѣвшись въ его печальные честные глаза, становилось ясно, что въ этотъ страшный, отрѣзанный отъ общенія съ прочими людьми, домъ съ желѣзными рѣшетками, его загнала трагическая, внѣ его власти и воли, судьба.

Какимъ далекимъ сномъ казалась ему его прошлая жизнь! Какимъ страшнымъ кошмаромъ нависла она надъ нимъ теперь!

— Жизнь — это сонъ нашего духа, — говорилъ себѣ Алексѣй. Снятся сны прекрасные, сны уродливые и кошмарные. Проходятъ тѣ и другіе. Пройдетъ и этотъ кошмаръ. Скоро будетъ судъ, а тамъ... Что тамъ? — содрогался Алексѣй. — Опять то же, опять тюрьма, откуда будутъ гонять, какъ

скотъ, на непосильныя работы... И никогда, никогда не увидать ему больше такихъ келій, просыпающихся въ розовыхъ зоряхъ свѣжаго утра... Не услышать тягучаго звона, несущагося надъ росными нивами... Не пройдутъ мимо него, подъ каменными сводами, чинные ряди черныхъ иноковъ... Затуманится передъ нимъ въ дымкѣ времени густой молчаливый садъ, обнесенный высокой стѣной... За что? За что, о Господи?!

Весна настала ранняя. Сквозь рѣшетки вонючаго, набитаго преступными людьми, — зданія, видны были островки лазоревыхъ небесъ, освобождающихся отъ загромождавшихъ ихъ зимнихъ тучъ. Съ унылаго пустого двора повѣяло, сквозь ржавыя рѣшетки оконъ, первымъ тепломъ, украдкой брошеннымъ, скупо проникавшими, весенними лучами.

Алексѣй былъ опять переведенъ въ отдѣльную камеру, по распоряженію завѣдующаго тюрьмой, узнавшаго, что положеніе его въ общей камерѣ было, благодаря ненависти нѣкоторыхъ заключенныхъ, не только невыносимо, но даже становилось опаснымъ. Безпричинная слѣпая ненависть озлобленныхъ, собственными преступленіями, — людей обострялась пропорціонально терпѣливой выдержкѣ и молчаливому отъ нихъ отчужденію Алексѣя.

Полутемная конура, съ рѣдко проникавшими черезъ высокое оконце, изъ за угла стѣны, скупыми стрѣлами солнечныхъ лучей, показалась бѣдному узнику желанной. Къ порогу тяжелой кованной двери, выходившей въ пустой и сумрачный корридоръ, не докатывались грязные потоки ругани, сквернословія и ненависти. Опять онъ могъ

молиться и плакать, могъ перелистывать страницы прошлаго и готовиться къ страданіямъ грядущаго. Возвращаясь мыслями, день за днемъ, къ пережитымъ въ общей камерѣ страданіямъ, онъ винилъ самого себя, въ себѣ самомъ находилъ причины, вызванной къ себѣ, злобной вражды.

Какъ еще далеко былъ онъ отъ кротости и смиренія, необходимыхъ для инока, ищущаго царствія Божьяго! Въ его молчаливой отчужденности развѣ не скрывалась доля брезгливости къ этимъ падшимъ грѣшникамъ? Въ замкнутой терпѣливости, переносившей ругань и оскорбленія, развѣ не таилась гордыня сознанія своего превосходства моральнаго, умственнаго и сословнаго? Въ его страданіяхъ о самомъ себѣ развѣ примѣшивалась жалость къ нимъ? Былъ ли онъ смиренъ и кротокъ сердцемъ, когда, стиснувъ зубы, устремивъ тяжелый взглядъ на оскорбителя, стоялъ молчаливъ и неподвиженъ? Онъ былъ одинокъ среди нихъ, ибо, съ брезгливымъ высокомѣріемъ, отшатнулся отъ нихъ, какъ отъ заклейменныхъ позоромъ преступленія. Этому ли училъ Христосъ, приходившій на землю спасать не праведниковъ, но грѣшниковъ. Чтобы быть инокомъ — слугой Христа, сперва надо научиться любить не издалека всѣхъ людей, но подлѣ себя всякихъ людей.

Такъ думалъ Алексѣй, въ полномъ одиночествѣ, углубленый въ себя, перечитывая безконечное число разъ постыдныя страницы своего духовнаго нищенства, начертанныя имъ именно тогда, когда онъ считалъ себя уже готовымъ отойти отъ людей, чтобы стать слугою Христа.

Онъ стыдился своей гордыни, возомнившей то, отъ чего онъ былъ еще безконечно далекъ. Въ

монастырѣ, гдѣ онъ прожилъ гостемъ, предоставленный самому себѣ, не участвовавшій въ трудахъ, не подчиненный строгому уставу, не трудно было ошибаться въ самомъ себѣ. Слѣдующіе за тѣмъ полгода полнаго одиночества, безъ заботъ о хлѣбѣ насущномъ, безъ соприкосновенія съ людьми, могущими вызвать гнѣвъ, оскорбленіе, обиду или хотя бы даже недовольство, лишили его возможности провѣрки себя. Онъ хотѣлъ совершить подвигъ крестнаго страданія, забывъ, что крестъ этотъ утверждается на камнѣ величайшаго смиренія; что несущій крестъ не превозносится, но оплевывается людьми. Онъ не зналъ, что одиноко несущій въ себѣ тайну истины, несетъ на себѣ злобу, отвергающей ее, толпы и позоръ ея заблужденій. Онъ не зналъ, что оплеванному и поруганному сердцу сперва надо умереть, потонувъ въ потокахъ клеветы и злобы, дабы на покорномъ прахѣ его расцвѣлъ огненный цвѣтокъ, похороненной въ немъ, истины.

Приближался назначенный для суда день. Алексѣй, зная напередъ, что будетъ осужденъ, ждалъ его съ покорнымъ спокойствіемъ. Его тревожилъ лишь вопросъ, въ какую форму выльется незаслуженная кара. Смерти онъ не боялся, привыкнувъ, въ долгій періодъ войны, безстрашно смотрѣть ей въ глаза; но боялся онъ, что, преждевременно оборванная, нить жизни лишитъ его возможности искупить въ трудахъ и покаяніи заблужденія своей жизни и несознанный грѣхъ убитой Маріи.

Онъ вспомнилъ притчу о дѣвахъ со свѣтильниками, и страшно ему было отъ мысли, что, быть можетъ, дни его сочтены, что не съумѣетъ онъ зажечь свѣтильника своего и перешагнетъ порогъ

вѣчности съ потухшей лампадой. Ночи на пролетъ онъ вымаливалъ у Христа милости, да отстрочитъ Господь часъ его смерти, дабы научиться ему быть кроткимъ и смиреннымъ, любящимъ ненавидящихъ его.

На судъ предсталъ онъ со спокойствіемъ, удивившемъ его самого. Всѣ улики былы противъ него. Единственнымъ невыясненнымъ обстоятельствомъ являлся вопросъ логической цѣли убійства, при рѣшеніи уйти въ монастырь. Однако, Наталія и тутъ набросила долю сомнѣнія, утверждая, что у нея не было никакой увѣренности въ серьезности этого рѣшенія, которое они считали комедіей, освобождавшей его отъ обязательствъ по отношенію къ любившей его Маріи и, въ то же время, дающей возможность играть роль человѣка, не только достойнаго уваженія, но даже и въ высшей мѣрѣ добродѣтельнаго.

Залъ суда былъ переполненъ. Алексѣю казалось, что самаго себя и все происходящее вокругъ онъ видитъ какъ бы со стороны, что настоящее я, ничего общаго не имѣющее съ этой слѣпой комедіей, стоитъ тутъ же подлѣ него наблюдательное и спокойное. Раза два случилось, что онъ, уйдя въ свои мысли, не разслышалъ вопросовъ, предложенныхъ ему прокуроромъ. Спохватившись, онъ краснѣлъ и отвѣчалъ съ торопливой готовностью Видъ у него былъ крайне истомленный, но глаза смотрѣли свѣтло.

По мѣрѣ выясненія всѣхъ подробностей процесса, устанавливалась очевидная виновность подсудимаго. Его некрасивое блѣдное лицо съ застывшими чертами, неподвижная поза и краткіе точные отвѣты, производившіе впечатлѣніе строго

обдуманной осторожности, не располагали въ его пользу.

Послѣ сурово логичной рѣчи прокурора, защитная рѣчь, взывавшая къ осторожности и къ милосердію, показалась блѣдной и мало убѣдительной. Въ залѣ пронеслось жуткое дыханіе смерти. Съ нетерпѣніемъ ожидали послѣдняго слова подсудимаго. Алексѣй поднялся и, глядя прямо передъ собой, въ напряженой тишинѣ тысячи глядящихъ на него глазъ, произнесъ твердымъ голосомъ:

— Нѣтъ, я не лишилъ и никогда не имѣлъ въ мысляхъ лишить жизни эту несчастную, ни въ чемъ неповинную, женщину.

Въ звенящемъ голосѣ, въ проподнятой рукѣ, призывающей въ свидѣтели Господа, въ прямомъ и свѣтломъ взглядѣ почуялась правда. Съ этой минуты, какія то неуловимые токи сочувствія потянулись къ Алексѣю изъ зала со стороны присяжныхъ. Однако, онъ не уловилъ этой перемѣны настроенія. Сердце его билось трепетно и тяжко, когда, послѣ непродолжительнаго совѣщанія присяжныхъ, судъ собрался вновь. Минуты казались ему мучительно долгими. Смерть, — избавительница отъ страданій и позора, была ему не нужна: сердце жаждало искупленія въ трудахъ.

— Даруй жизнь мнѣ, Господи, не жизни ради, но смиренія ради въ покаяніи, — шептали его губы, въ то время, когда весь залъ слился въ одномъ общемъ напряженномъ ожиданіи.

— ...Тюремное заключеніе на двадцать лѣтъ...

У Алексѣя радостью всколыхнулось сердце. Онъ передохнулъ глубокимъ вздохомъ. Слезы благодарности, къ услышавшему молитву его, готовы

были политься изъ глазъ. Раздался общій вздохъ облегченія. Когда судъ окончился, Алексѣй всталъ, перекрестился, обвелъ залъ благодарнымъ прощальнымъ взглядомъ и, не чувствуя ни обиды, ни позора, спокойно удалился, сопровождаемый двумя конвойными.

XX.

Передъ отправкой Алексѣя на каторгу въ Гвіану, Григорій пришелъ проститься съ братомъ. Вслѣдъ за нимъ пришелъ проститься и священникъ Павелъ. Алексѣй не ожидалъ увидѣть брата въ состояніи такой глубокой подавленности. Въ пріемной они были одни. Григорій, сильно постарѣвшій и осунувшійся, горько разрыдался, охвативъ его за шею.

— Алеша, ну скажи мнѣ, мнѣ брату своему, умоляю тебя, скажи: вѣдь не ты?

Острая игла уколола сердце Алексѣя:

— И этотъ не вѣритъ... братъ мой!...

Онъ слегка отстранилъ отъ себя Григорія и, горестно качая головой, посмотрѣлъ ему въ лицо:

— А ты самъ какъ думаешь?

— Я не могу, понимаешь ли, — не могу объ этомъ думать.

— Думать не можешь, но все же сомнѣваешься... Оставимъ, Григорій! Господу угодно, чтобы я шелъ въ иной монастырь, съ инымъ уставомъ; и вотъ, я иду.

— Алеша, я ночи не сплю.

— Не мучься, Гриша; спи спокойно. Я иду туда,

куда идти мнѣ надлежитъ. Большаго сказать не могу: ты меня все равно не поймешь.

Григорій развелъ руками:

— Да, ты правъ, я тебяересталъ понимать: надлежить, какъ убійцѣ идти тебѣ на каторгу, тебѣ — бывшему офицеру?! Оплевано наше имя, оплевана честь! Если не ты, такъ для чего же ты молчалъ, отказывался отъ показанія? Всегда въ тебѣ были какія то странности.

— Странности? Ты находилъ во мнѣ странности? Я считалъ и считаю себя человѣкомъ вполнѣ здравомыслящимъ.

— Но если такъ, то почему же ты пальцемъ не шевельнулъ, чтобы оправдать себя? Вѣдь всѣ, понимаешь ли, всѣ увѣрены, что это ты. Наталія объ этомъ кричитъ... Мироновъ пьянствуетъ и ругаетъ тебя на всѣхъ перекресткахъ.

При упоминаніи имени Миронова, по лицу Алексѣя пробѣжала мгновенная судорога. Григорій, все время слѣдившій за братомъ, замѣтилъ ее и истолковалъ по своему. Нѣсколько минутъ онъ молчалъ. Алексѣй молчалъ тоже, провѣряя свои чувства къ бывшему врагу своему. Но нѣтъ: въ сердцѣ не было ни злобы, ни обиды, ни даже недоброжелательства; была только жалость къ человѣку, взявшему на душу свою тяжелый грѣхъ.

— На дняхъ я съ Мироновымъ провелъ вечеръ въ ресторанѣ. Онъ очень убитъ горемъ: онъ сознался, что любилъ ее ужасно и не можетъ примириться съ ея смертью

Алексѣй опустилъ глаза, и Григорій ничего не могъ прочесть на его неподвижномъ лицѣ.

— Я попробую хлопотать о тебѣ... — Григорій,

прощаясь съ братомъ, плакалъ и горячо обнималъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, прошу тебя этого не дѣлать; я напишу тебѣ, если мнѣ что нибудь понадобится... Не горюй, Гриша, я бодръ духомъ. Ну, иди... иди...

Отецъ Павелъ былъ допущенъ на свиданіе съ нѣкоторымъ трудомъ. Алексѣй прочелъ въ его глазахъ жалость, когда онъ, молча, опустился, рядомъ съ нимъ, на скамью.

— Мужайтесь, Алексѣй Васильевичъ. Господь караетъ, Господь же и прощаетъ.

— Я не падаю духомъ, отецъ Павелъ.

— Вы очень худо выглядите, очень измѣнились.

— Кормятъ скверно, воздуху нѣтъ, вѣроятно отъ этого.

— Плохо спите?

— Иногда и совсѣмъ не сплю: много думаю.

— А молитесь?

— Молюсь...

— Вотъ и хорошо, дорогой мой. Помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ, сказалъ злодѣй-разбойникъ, и по одному слову этому Господь простилъ его. Съ вашей, слишкомъ пылкой, душой и слишкомъ страстнымъ сердцемъ, вы заблудились, но скоро найдете путь къ милосердію Его. Покайтесь, покайтесь во всемъ... уйдя на ложный путь, вы дали страстямъ ослѣпить себя... Помните ли упрекъ, брошенный мнѣ — пастырю — въ день нашего съ вами послѣдняго свиданія? Вы не забыли? Вы упрекнули нашу чистую святую церковь въ попустительствѣ развода....

— Церковь искажаютъ пастыри.

— Не будемъ вдаваться въ тягостныя разсужденія. Я напомнилъ вамъ этотъ упрекъ лишь для

того, чтобы указать, насколько разумно въ своемъ предвидѣнiи то, что вы назвали попустительствомъ. Православная церковь не попускаетъ, а ограждаетъ. Останься вы вѣрнымъ сыномъ, послушнымъ и смиреннымъ, — она оградила бы васъ законнымъ бракомъ отъ пожара ревнивыхъ страстей, залившихъ огнемъ гнѣва вашъ разумъ... не оказались бы вы въ этомъ ужасномъ скорбномъ домѣ.

Алексѣй смотрѣлъ на священника и молчалъ.

— Однако, сердце отца всегда открыто для блуднаго сына. Церковь православная терпѣливо ждетъ минуты, когда раскаянiе коснется сердца вашего. Я думаю, минута эта должна наступить именно теперь, когда вы, въ заблужденiяхъ вашихъ дошли до крайняго предѣла. Я пришелъ къ вамъ, какъ пастырь, какъ другъ.

— Благодарю васъ, отецъ Павелъ, за ваши добрыя чувства. Я цѣню ихъ; но напрасно вы призываете меня вернуться къ православiю, отъ котораго я ушелъ на вѣки, съ полнымъ сознанiемъ, съ глубокой вѣрой и благодарностью Творцу за открывшуюся мнѣ истину. Въ этотъ страшный домъ скорби и позора я пришелъ собственной, вполнѣ сознательной, волей, ибо Господь указалъ мнѣ этотъ путь, и я останусь въ немъ, пока на то будетъ воля Его.

— Не ясны мнѣ ваши мысли. Боюсь, что увѣренность въ себѣ самомъ въ такой мѣрѣ овладѣла вашими мыслями, что вы принимаете за истину то, что хотите, а не то что есть. Во всякомъ случаѣ, мой долгъ остеречь васъ: вы ставите себя въ горестное положенiе: отвергнувъ свою церковь, вы остаетесь въ этотъ страшный часъ одиноки, ибо

вашимъ католическимъ друзьямъ, такой какъ вы сейчасъ, вы не нужны.

— Оставимъ всѣ эти предположенія, отецъ Павелъ. Таковъ, какъ я есть, я нуженъ Богу: Христосъ приходилъ на землю для грѣшниковъ, а не для праведниковъ. Молитесь обо мнѣ, я буду молиться о васъ.

Священникъ покачалъ головой:

— Скорблю, скорблю о васъ... Какъ бы то ни было, съ молитвой буду носить васъ всегда въ сердцѣ моемъ.

Отецъ Павелъ, въ глубокой задумчивости, вернулся къ себѣ домой.

— Что онъ: гордецъ или праведникъ? — и не находилъ отвѣта.

Наканунѣ дня отправки въ дальную каторгу, Алексѣя вызвали въ пріемную. Въ ту минуту, какъ онъ перешагнулъ порогъ, стоявшій лицомъ къ окну обернулся.

Алексѣй бросился къ нему:

— Отецъ Владиміръ! Наконецъ то!

Монахъ обнялъ Алексѣя и ласково посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Послѣ вашего послѣдняго посѣщенія, я долженъ былъ внезапно уѣхать, заболѣлъ тамъ и вернулся лишь вчера. Когда же васъ отправляютъ? — спросилъ онъ, кладя руку на его плечо.

— Завтра. Да, это начнется завтра. — Алексѣй горестно покачалъ головой. — Въ церковь не водятъ. Нѣтъ утѣшенія въ Причастіи. Я очень отъ этого страдаю. — Голосъ его дрогнулъ.

— Молитесь, мысленно исповѣдуйте грѣхи ваши и присоединяйтесь къ таинству Причастія: благодать Духа святого будетъ съ вами.

— Вамъ, моему духовнику, только вамъ, я хочу сказать нѣчто... — У Алексѣя задрожали губы, глаза наполнились слезами.

Монахъ опустилъ глаза и ждалъ.

— Не я убилъ ее, нѣтъ, не я. Говорю вамъ это, какъ на исповѣди. Я уничтожилъ доказательство виновности того, кто совершилъ убійство. Вину на себя я взялъ добровольно, чтобы искупить передъ Богомъ грѣхъ мой по отношенію къ ней.

Монахъ поднялъ на Алексѣя глаза: въ нихъ свѣтилась тихая радость.

— Я догадывался, что это такъ. Буду просить Христа, чтобы ниспослалъ вамъ крѣпость, да не ослабнутъ силы ваши до конца. Трудно вамъ будетъ.

— Я знаю, что трудно. Самое скверное — это мои нервы: иной разъ большого труда стоитъ сдерживать слезы.

— Сильно обижаютъ?

Алексѣй утведительно качнулъ головой.

Молчали, охватывая мыслями надвигающее трудное, темное для Алексѣя.

— Не надо ли вамъ чего?

— Нѣтъ, мнѣ ничего ужь больше не надо. Все кончилось... — Голосъ сорвался, онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

— Блажены плачущіе, яко тіи утѣшатся.

На порогѣ пріемной показался дежурный. Монахъ поднялся: минуты для свиданія истекли.

— Прощайте!... вѣроятно, навсегда... не увидим-

ся больше... тщетно силясь подавить слезы, произнесъ Алексѣй.

— Если не здѣсь, — увидимся тамъ. — Отецъ Владиміръ остановилъ на Алексѣѣ долгій, любовью проникнутый, взглядъ, обнялъ его и, не оборачиваясь, вышелъ.

На слѣдующій день, партію арестантовъ отправляли въ далекій путь. Толкались, сквернословили, ругались, въ воздухѣ висѣли грубые окрики, скрещивались злобные взгляды, разряжаясь, какъ электричество, опаляя душу ненавистью. Алексѣй, въ арестантскомъ костюмѣ, съ круглой шапочкой, уродовавшей еще болѣе его некрасивое лицо, ставшимъ сѣровато - желтымъ, сливался въ общей массѣ людей, потерявшихъ свободу, уваженіе, потерявшихъ право даже на человѣческое обращеніе. Алексѣй, не выносившій съ самаго отрочества, даже въ товарищескихъ играхъ, ругани и грубыхъ прикосновеній и ограждавшій себя отъ нихъ страхомъ къ своей исключительной физической силѣ, теперь долженъ былъ молча и покорно сносить пинки, толчки и усердную ругань начальствующихъ. Къ его испытаніямъ прибавилось еще и то, что двое возненавидѣвшихъ его арестантовъ оказались въ партіи ссылаемыхъ.

Рано утромъ, когда небо было мутно и сѣро, и моросилъ дождикъ, ругая и толкая, ихъ погрузили въ вагонъ, для доставки на большой океанскій пароходъ, которому надлежало, обреченныхъ на каторгу, понурыхъ и угрюмо глядѣвшихъ людей оторвать, кого на догіе годы, а кого и на вѣки, отъ ихъ семьи, отъ ихъ родины, отъ всего, что было, до тѣхъ поръ, ихъ жизнью. Въ вагонахъ тѣсно размѣстились по лавкамъ. Алексѣй старался

держаться всторонѣ, но его не оставляли въ покоѣ, задирали грубыми насмѣшками и толчками. Алексѣй весь сжался внутри себя, силясь побороть вспыхивающій гнѣвъ и желаніе ударить обидчиковъ, чтобы дать почувствовать свою силу и тѣмъ положить конецъ глумленіямъ, но онъ не хотѣлъ нарушать начертанную програму своего поведенія среди озлобленныхъ несчастныхъ людей. Съ замираніемъ сердца, онъ ждалъ назрѣвающей катастрофы и готовился къ ней, какъ къ пробному камню своего духовнаго роста. Одинъ изъ злобствующихъ арестантовъ, перемигнулся съ товарищами и пересѣлъ на его лавку. Когда, при остановкѣ, рвануло вагонъ, онъ, сильнымъ и неожиданымъ, пинкомъ свалилъ Алексѣя и, сорвавъ съ него шапку, хотѣлъ зашвырнуть ее подъ лавку. Алексѣй, съ бьющимся сердцемъ, молча, ловкимъ движеніемъ перехватилъ кисть руки арестанта и сжалъ ее.

— Отдайте шапку.

Вмѣсто отвѣта арестантъ свободной рукой изо всѣхъ силъ толкнулъ его въ грудь. Напруживъ мускулы, Алексѣй не шелохнулся и сильнѣе сжалъ руку. Гнѣвъ кипѣлъ въ немъ. Ему хотѣлось размахнуться и ударить, но, ни на секунду не ослабляя контроля надъ собой, онъ стоялъ неподвижно, наружно — спокойный.

— Я вамъ повторяю — отдайте шапку.

Арестантъ сабирался ударить во второй разъ но и другая его рука, повыше локтя, оказалась въ желѣзныхъ тискахъ. Въ ту же секунду, со злобнымъ проклятьемъ, онъ выпустилъ шапку. Арестанты, съ интересомъ наблюдавшіе эту короткую сцену, разразились хохотомъ.

— Погоди, я тебя проучу! — съ крѣпкомъ ругательствомъ процѣлилъ, сквозь стиснутые зубы, побѣжденный. Алексѣй, не глядя, прошелъ въ другой конецъ вагона.

Переѣздъ на пароходѣ былъ мучителенъ. Алексѣй страдалъ отъ качки, лежалъ въ грязи на полу общей каюты, безъ помощи, въ зловонномъ воздухѣ, среди проклятій больныхъ, какъ и онъ, морской болѣзнью. Въ знойный день высадились на берегъ земли, гдѣ ждалъ, измученныхъ переѣздомъ, людей адъ страданій физическихъ и душевныхъ. Алексѣй еле волочилъ ослабѣвшія ноги, поминутно обтиралъ рукавомъ со лба липкій, холодный потъ. Передъ глазами плыли зеленыя круги, тѣло болѣло, сердце сжималось отъ тоски. А въ воздухѣ, горячемъ и яркомъ, звенѣла все та же несмолкаемая ругань.

Съ первыхъ же дней, жизнь въ каторжной тюрьмѣ показалась Алексѣю , подавляющимъ душу и мозгъ, кошмаромъ. Громадное зданіе, переполненное существами, утерявшими всякую способность для воспріятій духовныхъ, угрожалъ ему смертью или безуміемъ. Ему казалось неосуществимымъ ужасомъ возможность прожить въ этой страшной клѣткѣ хотя бы одинъ годъ. Онъ чувствовалъ, что, пробывъ лишь нѣсколько дней, его мозгъ уже начиналъ горѣть и терять равновѣсіе въ мысляхъ. Что же будетъ дальше, когда, безъ отдыху, безъ передышки, потянутся недѣли и мѣсяцы?!

Тюрьму ремонтировали и, съ самаго ранняго утра и до вечера, Алексѣй рылъ землю тяжелой лопатой, таскалъ на тачкѣ каменья, на спинѣ таскалъ доски. Кормили грязно и скудно. Чуждая русско-

му сердцу психологія французскаго простолюдина, — которыми была полна тюрьма, къ тому еще простолюдина преступнаго, создавала для Алексѣя еще болѣе тягостное положеніе. Онъ чувствовалъ себя абсолютно одинокимъ среди враждебнаго лагеря людей, душа которыхъ казалась ему погребенной. Повторялась та же исторія, что была въ тюрьмѣ предварительнаго заключенія, съ тою лишь разницей, что не было возможности быть изолированнымъ въ отдѣльной камерѣ. Послѣ страшнаго дня, начиналась мучительная ночь. Отъ непосильнаго труда ломило все тѣло, ныли и болѣли распухшія ноги, пораненныя руки. Злокачественная лихорадка ползла по темнымъ вонючимъ нарамъ. Алексѣй изнемогалъ. Душу опутала черная тоска и скорбь. Насталъ день, когда тяжелая капля горькихъ испытаній переполнила чашу.

Нѣсколько человѣкъ было назначено для очистки отхожаго мѣста. Въ число ихъ попалъ Алексѣй. Едва сдерживая тошноту, онъ покорно принялся за дѣло. Въ то время, какъ надсматривавшій дежурный отошелъ всторону, злобствующій арестантъ изъ черпака плеснулъ на Алексѣя зловонной жидкостью, окатившей его и попавшей ему въ лицо. Онъ зашатался и упалъ на грязныя, липкія доски. Подошелъ дежурный. Не смотря на пинки, онъ не подымался. Хохотъ, ругань и циничныя насмѣшки стояли въ воздухѣ. Алексѣй ихъ не слышалъ, такъ какъ лежалъ безъ чувствъ. Его облили водой, и, такъ какъ онъ все таки не шевелился, стащили въ лазаретъ. Въ себя онъ не приходилъ. Къ ночи все тѣло горѣло отъ сильнѣйшаго жара. Онъ заболѣлъ воспаленіемъ мизга и, безъ

ухода, безъ сочувствія, и ласки, брошенный какъ ненужное и вредное животное, пролежалъ почти два мѣсяца. Ужасно было выздровленіе съ сознаніемъ, что, за стѣной лазарета, его ждетъ все тотъ же невыносимый адъ, изъ котораго его на время вырвалъ, затянувшійся осложненіями, тяжкій недугъ.

За два дня до выписки изъ лазарета, Алексѣй, исхудавшій ,какъ скелетъ, съ обостренными нервами, ослабѣвшій, какъ дитя, горько плакалъ надъ собой, прижимая къ лицу края грубой, грязной простыни и поминутно сморкаясь въ измятый уголъ. Случайно, въ эту ночь всѣ койки были пусты, и онъ могъ дать волю слезамъ, въ изобиліи лившимся по исхудалому, какъ воскъ блѣдному, лицу. Въ первый разъ, онъ сказалъ себѣ, что добровольно взятый на плечи крестъ ему не подъ силу; съ ужасомъ онъ думалъ о томъ, что ему суждено тащить его, быть можетъ, долгіе годы, пока не изсякнетъ его жизнь. Въ эту скорбную ночь, онъ не представлялъ себѣ испытаній ужаснѣй своихъ собственныхъ. Пинки, толчки, ругань и послѣднее оскорбленіе, въ особенности, казались ему превышающими всякую мѣру страданія. Онъ метался, стоналъ и рыдалъ. Богатырскій храпъ сторожа, спавшаго по ту сторону закрытой двери, былъ единственнымъ звукомъ, нарушавшимъ тишину короткой ночи грознаго дома.

— ...За что Ты, Господи, оставилъ меня?... Неужели я такъ грѣшенъ, что нѣтъ для меня ни милости, ни сострадания? Кому нужны мои страданія?! Я слабѣю душой, я теряю силы... Если Ты благостный, зачѣмъ же Ты не пожалѣешь меня, зачѣмъ не прекратишь страданій моихъ?! — рыдая, взы-

валъ Алексѣй. Сидя на кровати, спрятавъ лицо между ладоней и опустивъ голову до самыхъ колѣнъ, онъ вздрагивалъ всѣмъ своимъ ослабѣвшимъ и исхудавшимъ тѣломъ.

Чья то легкая, ласковая рука опустилась на его голову. Онъ поднялъ заплаканное лицо, ахнулъ и замеръ отъ изумленія и радости: передъ нимъ стоялъ Свѣтловъ. Сквозь рѣшетчатое окно, падалъ яркій свѣтъ луны, озаряя тихимъ свѣтомъ прекрасное лицо съ большими, печальными, задумчивыми и полными любви и состраданія глазами.

Алексѣй, боясь проронить единый звукъ, чтобы не нарушить видѣнія, молча протянулъ къ нему дрожащія руки въ грязной, грубой сорочкѣ. Губы дрожали, изъ глазъ текли и текли слезы.

— Алеша!... — раздался ласковый тихій голосъ. Господь опять прислалъ меня къ тебѣ. — Свѣтловъ нагнулся, взялъ голову Алексѣя и прижалъ къ своей груди. Алексѣй весь приникъ къ нему и зарыдалъ горько и безпомощно, какъ дитя:

— Другъ мой... я... гибну!...

Свѣтловъ молчалъ. Изъ руки, покоившейся на головѣ, струилась ласка.

— Страдалъ ли кто такъ, какъ страдаю я, неповинный и оплеванный! — тихо всхлипивалъ Алексѣй, не изумляясь непонятному появленію друга въ охраняемой со всѣхъ сторонъ тюрьмѣ, боясь лишь одного: нарушить чудесную близость. Но нѣтъ, то не было видѣніе: ласковая рука грѣла, голова, покоившаяся на груди, ощущала біеніе любимаго сердца.

Свѣтловъ, Господь забылъ меня!...

— Нѣтъ... — тихо прозвучалъ отвѣтъ. Свѣтловъ сѣлъ на край узкой твердой койки. Лунное сіяніе

озарило лицо его, и оно было прекрасно, какъ въ ту далекую ночь, когда онъ пришелъ въ его комнату.

Свѣтловъ проводилъ ладонью по головѣ, опущенной передъ нимъ въ глубокой и безутѣшной скорби.

— Возьмите иго Мое на себя и научитеся отъ Меня, ибо смиренъ есмъ и кротокъ сердцемъ...

Алексѣй, пораженный глубиной звука, всегда любимыхъ имъ словъ, поднялъ голову.

— Посмотри... — указалъ Свѣтловъ.

Алексѣй поднялъ взглядъ по направленію протянутой руки Свѣтлова: въ лунномъ сіяніи, на томъ мѣстѣ, гдѣ была стѣна, въ раскрывшейся дали, начали выступать по склону горы силуэты оливковыхъ деревъ. Серебристо голубѣла узкая тропа, ведущая къ столпившейся у грота кущѣ деревъ. Тамъ кто то, упавъ на колѣни, стоналъ и плакалъ, склонивъ на руки голову. За гротомъ, вдали, на холмѣ, выросло, озаренное лучами ночного свѣтила, страшное орудіе пытки — двѣ тяжелыхъ перекладины, бросавшихъ далеко - далеко, отъ горизонта къ горизонту, черную неподвижную тѣнь. У подножья лежали длинные и заостренные толстые гвозди, тяжелый молотъ, веревки, плети, колючій вѣнокъ жестокаго тернія. Еще дальше, въ зыбкихъ даляхъ, онъ увидѣлъ связаннаго по рукамъ Человѣка съ кроткимъ лицомъ, покрытымъ синяками, ссадинами и плевками; по лбу, изъ угловъ рта, по истерзаннымъ плечамъ и спинѣ, струились капли крови.

Изъ за мягкой дымки выплыла полная луна, и ярче выступилъ, подъ ея голубыми лучами, ска-

листый гротъ и склоненный подлѣ него, тихо плакавшій, всѣми брошенный, одинокій Человѣкъ.

— ...Пусть будетъ, Отецъ мой, какъ хочешь Ты, но не Я!... — заломивъ руки, со стономъ, воскликнулъ Онъ и поднялъ голову къ безмолвнымъ, высоко синѣвшимъ, небесамъ. Лицо, озаренное сіяніемъ мѣсяца, было прекрасно...

Алексѣй, затаивъ дыханіе, широко открытыми немигающими глазами пронизывалъ дали давно истлѣвшихъ вѣковъ. Сердце его билось и замирало, изъ глазъ капали крупныя слезы. Все свое было забыто. Онъ упалъ на колѣни, протягивая руки туда, гдѣ, въ разступившихся свѣтло лунныхъ зыбкихъ даляхъ, въ благоуханіи нѣжной весны, подъ кущами оливковыхъ деревъ, одиноко скорбѣлъ покинутый всѣми Человѣкъ, любившій всѣхъ и всякихъ людей, включительно до своихъ мучителей и палачей.

— Къ Тебѣ иду я, Господи... хочу нести иго Твое, плача свѣтлыми, облегчающими душу, слезами, повторялъ Алексѣй.

Онъ оглянулся на Свѣтлова. Никого не было: онъ былъ одинъ...

Весь остатокъ ночи Алексѣй въ молитвѣ простоялъ на колѣняхъ. Онъ чувствовалъ себя перерожденнымъ: исчезъ страхъ передъ тюрьмой, не пугали изнурительныя работы, не страшны были обиды ожесточенныхъ людей. Въ душѣ назрѣвали новыя силы, къ сердцу приливали новыя источники любви.

Послѣднія сутки въ лазаретной палатѣ онъ провелъ въ постѣ за чтеніемъ Евангелія, въ подготовкѣ себя вступить другомъ и утѣшителемъ въ среду озлобленныхъ людей.

Докторъ выписалъ его послѣ полудня, освободивъ на три дня отъ работы. Онъ такъ исхудалъ, такъ поблѣднѣлъ и измѣнился и, въ то же время такимъ радостнымъ и ласковымъ блескомъ горѣли его глаза, что арестанты сразу его не узнали. Онъ подошелъ къ своимъ оскорбителямъ и, здороваясь, съ улыбкой протянулъ имъ руку. Одинъ изъ нихъ, ошеломленный неожиданностью, неловко протянулъ руку, которую Алексѣй крѣпко, дружески пожалъ. Другой, буркнувъ, отвернулся и отошелъ. Съ искалеченнымъ отъ побоевъ плечомъ арестантъ рецидивистъ—гроза всей тюрьмы, внушавшій жуткое уваженіе даже надсмотрщикамъ, угрюмо и молча присутствовашій при всякихъ травляхъ, со странныхъ огонькомъ въ рыщущихъ глазахъ, исподлобія наблюдавшій жестокія сцены, подошелъ къ Алексѣю и опустилъ ему на плечо тяжелую, испытанную въ преступныхъ дѣяніяхъ, руку:

— Мы думали, — сдохнешь.

— Нѣтъ, надо еще поработать, — улыбнулся Алексѣй.

Съ этого дня его тюремная жизнь приняла иныя формы. Арестанты почуяли въ немъ какую то новую скрытую силу, внушавшую имъ уваженіе, однако, прямо противоположное тому, которое внушалъ старый, угрюмый рецидивистъ. Они, съ недоумѣніемъ, присматривались къ новому выраженію его лица, на которомъ лежалъ отпечатокъ полнаго спокойствія и ничѣмъ не нарушаемой ясности.

Онъ научился быть смиреннымъ, научился скрывать преимущества своего воспитанія, своихъ знаній. Его перестали чуждаться. Окрѣпнувъ пос-

лѣ болѣзни, онъ работалъ лучше и больше всѣхъ, стараясь помогать болѣе слабымъ. Лаской сочувствующаго сердца, онъ выучился смягчать сердца, пробивая кору ихъ озлобленнаго недружелюбія.

Начальство, съ теченіемъ времени, отмѣтило его, и, мало по малу, само собой, его роль въ жизни тюрьмы вполнѣ опредѣлилась: онъ былъ поддержкой угнетенныхъ, защитникомъ слабыхъ и другомъ всѣхъ заключеныхъ.

XXI.

Въ то время, какъ Алексѣй проходилъ черезъ мучительныя, сложныя, въ конечномъ результатѣ, возвысившія его душу, переживанія, Мироновъ скатывался въ пропасть духовнаго убожества. Пока ни закончился судъ, приговорившій Алексѣя къ пожизненному заключенію, онъ переживалъ острую нервную напряженность, притуплять которую ему удавалось только кутежами. Увѣренный въ своей скрытности и выдержкѣ, не измѣняющей ни при какихъ обстоятельствахъ, онъ не боялся много пить и быть на людяхъ. Одиночество подавляло его; назойливыя, мрачныя мысли и образы обостряли нервность, на которую онъ жаловался окружающимъ, выставляя причиной трагическую смерть жены. Послѣ суда, Наталія убѣдила его переселиться къ ней.

Похудѣвшій, съ нервно сдвинутыми бровями надъ круглыми хищными глазами, съ неестественно возбужденнымъ, отъ вина, взглядомъ, Мироновъ останавливалъ на себѣ вниманіе женщинъ. На фильмѣ онъ сталъ появляться въ главныхъ роляхъ вмѣстѣ съ Наталіей. Ласковое вниманіе жен-

щинъ возбуждало ея нескрываемую ревность. Стихійная, неудержимая страсть къ Миронову охватило все ея существо, и, деспотичная покорительница мужскихъ сердецъ, никогда ничего не признававшая, кромѣ собственнаго каприза, — всецѣло подчинилась суровой волѣ человѣка, позволявшаго любить себя.

Когда, съ осужденіемъ Алексѣя, всѣ опасенія прошли, въ памяти Миронова ярко воскресъ образъ убитой имъ Маріи, всегда ревниво желанной, всегда отвергавшей его любовь. Въ движеніяхъ, въ блескѣ темныхъ, еще недавно властныхъ, теперь — покорныхъ — глазъ, въ случайныхъ интонаціяхъ голоса, онъ улавливалъ возростающее сходство Наталіи съ Маріей, которую онъ любилъ единственной въ своей жизни любовью, память о которой воскресла съ мучительнымъ сознаніемъ вѣчной, раздѣлившей ихъ, пропасти, созданной его же собственной жестокой рукой. Въ объятіяхъ и ласкахъ Наталіи онъ воскрешалъ близость Маріи, и, чѣмъ сильнѣе выявлялось сходство, тѣмъ страстнѣе были отвѣтныя ласки Миронова.

Наталіи не стоило особаго труда склонить его на бракъ. Первый годъ все шло довольно гладко. Рабская любовь Наталіи, смягчая ея нравъ, дѣлала ее еще болѣе схожей съ короткой Маріей, и Мироновъ, въ своихъ обманныхъ видѣніяхъ, питалъ ея страстныя чувства. По прежнему онъ много кутилъ, что не нарушало гармоніи отношеній, ибо Наталія не признавала жизни безъ ночныхъ ресторановъ.

Первая недомолвка случилась въ Ниццѣ, послѣ закончившагося путешествія для съемки фильмы. Въ ресторанѣ, Наталія перехватила взглядъ краси-

вой женщины, сидѣвшей неподалеку отъ ихъ стола. Мироновъ, съ полной откровенностью, разсматривалъ ее, не обращая особаго вниманія ни на ея многозначительныя улыбки, ни на, загорѣвшіяся ревностью, глаза Наталіи.

— Уйдемъ отсюда, — произнесла она, нервно отодвигая недопитый бокалъ.

— Нѣтъ, сюда скоро прійдутъ всѣ наши. Уходить не для чего.

— Если ты сейчасъ не уйдешь отсюда, я одна вернусь въ отель.

— Сиди смирно, — небрежно бросилъ Мироновъ.

Въ Наталіи проснулась забытая ею властность. Она швырнула на столъ салфетку, съ шумомъ отодвинула стулъ и быстро направилась къ выходной двери. Мироновъ стиснулъ зубы, однако, не двинулся съ мѣста. Вернулся онъ поздно. Въ комнатѣ горѣлъ свѣтъ. Наталія, съ заплаканными глазами, встрѣтила его гнѣвнымъ взглядомъ, стоя возлѣ раскрытаго сундука. Тутъ же лежали два уложенныхъ, затянутыхъ ремнями, чемодана.

Мироновъ остановился на порогѣ, вопросительно глядя на раскрытый уложенный сундукъ.

— Завтра съ утреннимъ поѣздомъ я уѣзжаю,— сдерживая слезы и клочкочущіи гнѣвъ, произнесла Наталія.

— Никуда ты не уѣдешь. Не дури, пожалуйста.— Онъ толкнулъ ногой, загораживавшій ему, чемоданъ и прошелъ въ другой конецъ комнаты.

— Уѣду... понялъ ты?!... Уѣду...

Онъ взялъ ее за плечи, со всѣхъ силъ встряхнулъ и посмотрѣлъ на нее взглядомъ, котораго она испугалась:

— Марусю ударилъ лишь одинъ разъ, а тебя буду бить... Ложись спать. Завтра разберешь сундукъ и чемоданы и никуда не поѣдешь.

Въ слѣдующей ссорѣ, опять вызванной ревнивой подозрительностью Наталіи, Мироновъ выполнилъ свою угрозу и больно ее отхлесталъ. Она сразу стихла, цѣпляясь за колѣни, цѣлуя руки и умоляя о прощеніи. Съ тѣхъ поръ началась странная для Наталіи жизнь: предвидя тяжелую для себя развязку, она, тѣмъ не менѣе, часто затѣвала сцены ревности и вздорныхъ капризовъ, какъ бы намѣренно дразня хищные инстинкты Миронова, съ каждой новой ссорой, выявлявшіеся суровѣе и безпощднѣе.

При видѣ зажигавшихся въ его глазахъ холодно-жестокихъ огонькахъ, у нея падало сердце, но она не могла остановиться; леденѣя отъ страха, она сознательно катилась въ пропасть, гдѣ сразу отрезвлялась, тщетно умоляя о пощадѣ.

Эти сцены разнуздывающія дикаго звѣря, дѣйствовали на Миронова опьяняюще. Теряя къ Наталіи всякое уваженіе, онъ, въ то же время, началъ къ ней привязываться, какъ къ дурману, застилавшему неотвязныя страшныя картины: все чаще и чаще на него смотрѣли дико расширенные, полные ужаса зрачки, онъ ощущалъ движеніе, мягко и глубоко воткнувшагося въ живое тѣло, ножа, видѣлъ струю крови, охватившую алымъ ошейникомъ безсильно откинувшуюся голову. Когда алкоголь оказывался бозсильнымъ затушить яркость преслѣдующихъ его образовъ, онъ, зачастую, искусственно вызывалъ ссоры.

Въ холодно и жестоко придуманныхъ мученіяхъ, въ стонахъ и рыданіяхъ Наталіи, остро восприни-

маемыхъ распаленнымъ воображеніемъ, застилались воспоминанія о роковыхъ минутахъ. Затѣмъ, наступалъ со стороны Миронова періодъ повышеной страсти, за которую Наталія готова была переносить какія угодно муки.

Иногда Мироновъ сознавалъ, что, разжигая и дразня въ немъ дикаго звѣря, она безсознательно ведетъ его къ чему то трагическому, но отойти отъ нея онъ уже не могъ, какъ не могъ перестать пить. Ихъ обоихъ окутывала темная преступная сила.

Однажды, случайно, она причесалась, какъ причесывалась ея сестра. Сходство подчеркнулось въ такой мѣрѣ, что Мироновъ измѣнился въ лицѣ:

— Маруся!... Маруся!... — у него сорвался голосъ.

Наталія сдвинула брови и стала еще болѣе схожа съ сестрой:

— Ты такъ сильно любилъ ее? Больше, чѣмъ меня? Скажи мнѣ правду.

Мироновъ вывернулся.

—Послѣ первой же встрѣчи съ тобой, я въ ней любилъ тебя, какъ теперь въ тебѣ — люблю ее. Вы обѣ слились для меня въ одну нераздѣлимую любовь. Чѣмъ больше я улавливаю въ тебѣ сходства съ ней, тѣмъ сильнѣе во мнѣ жажда обладанія вами обѣими.

Съ этого дня Наталія, съ большимъ искусствомъ, начала увеличивать свое сходство съ сестрой. Она заказывала себѣ платья тѣхъ же цвѣтовъ, что любила Марія; она точно имитировала ея жесты, ея внезапную молчаливость, ея грустную улыбку. Мироновъ впивался въ нее глазами. Не было предѣла его желаньямъ, но, въ то же время, это роковое

сходство съ большей ясностью и силой будили страшныя воспоминанія, отъ которыхъ онъ силился освободиться, вызывая жестокія сцены, отъ которыхъ все больше хмѣлѣлъ его, теряющій равновѣсіе, мозгъ.

XXII.

Однажды, Наталіи пришла въ голову безразсудная фантазія надѣть для ночного кутежа платье, — точную копію туалета, въ которомъ Марія собиралась уѣхать въ Ниццу, въ послѣдній день своей жизни.

Послѣ синематографической съемки, Мироновъ вернулся домой, когда всѣ гости были уже всборѣ. Наталія, съ радостью, поймала на себѣ его странно загорѣвшійся взглядъ. За ужиномъ, чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ острѣе впивался въ нее этотъ жуткій загадочно - волнующій взглядъ.

Среди блеска огней, гомона голосовъ и взрывовъ смѣха, сливавшихся со звуками рояля, гитары и цыганскихъ пѣсенъ, Мироновъ былъ поглощенъ нахлынувшими на него страшными воспоминаніями. Когда Наталія забывала взятую на себя, для этого вечера, роль и разражалась громкимъ хохотомъ или нескромными шутками, несвойственными ея сестрѣ, онъ приходилъ въ себя, проводилъ ладонью по влажному холодному лбу и облегченно вздыхалъ. Но снова разступались стѣны, и, воображенію, возбужденному виннымъ угаромъ, съ полной реальностью рисовалась освѣщенная солнцемъ комната, и въ ней сидящая у стола Марія... Кровь отливала отъ сердца, холодѣли руки... Онъ

еле сдерживалъ дрожаніе челюсти, съ усиліемъ отводилъ взглядъ и, въ ужасѣ, видѣлъ передъ собой эту самую Марію, то смѣющуюся, то, въ минуты задумчивости, слѣдящую за нимъ углами глазъ сквозъ опущенныя длинныя, слипшіяся какъ бахрома — рѣсницы.

Онъ вставалъ, силился говорить и смѣяться, хотѣлъ залить виномъ овладѣвшій мозгомъ кошмаръ; но проходили минуты, и опять начиналось то же, опять исчезали огни, гости, голоса, смѣхъ и музыка, разступались стѣны, и опять онъ видѣлъ Марію, сидѣвшую у стола и... о, ужасъ!... вертящую въ рукѣ столовый ножъ. Онъ рванулся и вырвалъ изъ рукъ Наталіи ножъ, который она машинально вертѣла между пальцевъ, не слушая словъ сосѣда и искоса поглядывая на Миронова.

— Что съ тобой?! — она вскинула на него удивленный взглядъ.

— Оставь ножъ... — очнувшись, глухо проговорилъ онъ.

— Что за глупости! — бросила Наталія. Она пристальнѣе вглядѣлась въ его расширенные зрачки. Ей начало передаваться его нервно - повышенное, крайне возбужденное, настроеніе. Не отгадывая его истинной причины, она испытывала, радостное, то замирающее, то учащенное сердцебіеніе, чувствуя на себѣ жуткій, многообѣщающій взглядъ.

Съ нимъ заговаривали, онъ отвѣчалъ, не переставая пить. Страшная картина то тускнѣла и отступала, то вновь появлялась, и вновь онъ, съ ужасомъ, видѣлъ противъ себя за столомъ воскресшую Марію, и ему чудилось, что она сейчасъ же при всѣхъ укажетъ на него и назоветъ убійцей.

Было поздно. Гости поднялись отъ стола. Мироновъ, во власти страшныхъ бредовыхъ видѣній, медлилъ встать, допивая вино, забывъ окружающее.

— Миша, иди же... — позвала его Наталія. Онъ оглянулся. Она стояла въ полумракѣ притушенныхъ огней.

— Она... опять она!! — Сердце билось, падало и замирало отъ ужаса.

Едва закрылась за гостями дверь, и они остались вдвоемъ, Наталія, съ гладко расчесанными, какъ у Маріи, волосами, возбужденная виномъ и страстью, бросилась къ нему и охватила его шею:

— Какъ ждала я этихъ минутъ!...

Онъ отшатнулся, схватился за край стола, хотѣлъ высвободиться изъ ея жаркихъ и страшныхъ объятій, но она плотнѣе прильнула къ нему.

— Прочь! — крикнулъ Мироновъ не своимъ голосомъ. Въ глазахъ его зажегся страшный огонь.

Наталія, не отгадывая, что творится въ немъ, уже готовая принять всѣ муки его разгоряченной виномъ жестокой фантазіи, упала на колѣни и обняла его ноги:

— Терзай, мучь какъ хочешь, но только не отходи!...

— Прочь, зачѣмъ ты тутъ?! Я не хочу тебя!.. Прочь!... — дрожа и сжимая кулаки, блѣдный, съ остановившимся взглядомъ, хрипло кричалъ Мироновъ. Холодный липкій потъ смочилъ его лобъ, на вискахъ надулись жилы.

Наталія поднялась. Почуявъ въ его голосѣ новыя жуткія нотки, смутно сознавая, что стоитъ у порога какой то страшной, еще неизвѣданной, пропасти, она, трепеща отъ страха, закрыла

лицо руками, не подозрѣвая, что это былъ обычный жестъ Маріи, кагда Мироновъ бывалъ съ нею грубъ.

— Нѣтъ, я никуда не уйду... на вѣки буду съ тобой, — покорно прошептала она.

— Марія?!... — Изъ глазъ его глядѣло безуміе.

— Ну да, я Марія... видишь, я подлѣ тебя... Миша, что хочешь дѣлай... ну убей, но только...

Она не договорила. Раздался пронзительный крикъ: Мироновъ, съ выраженіемъ ужаса въ безумныхъ глазахъ, схватилъ со стола десертный ножъ и, точнымъ какъ и тогда, ударомъ, всадилъ ей въ шею подлѣ самаго горла. Наталія зашаталась и, хрипа, конвульсивно вцѣпилась обѣими руками за его рукавъ. Горячая струя крови брызнула ему на грудь. Онъ силой отдернулъ руку. Она упала, зацѣпивъ другой рукой за уголъ скатерти. Со звономъ упала и разбилась тарелка и нѣсколько стакановъ. Лицо Наталіи подергивалось страшной судорогой, руки и ноги конвульсивно трепетали. Кровь, хлынувъ изъ раны, заливала свѣтлый узорчатый коверъ.

Мироновъ отшатнулся, схватился за голову, сорвалъ съ себя залитый кровью пиджакъ, бросилъ его на омертвѣлое, уже покрытое зловѣщими тѣнями, лицо и, не замѣчая, что весь онъ былъ забрызганъ кровью, выбѣжалъ изъ квартиры и бросился внизъ, по темной лѣстницѣ. За нимъ погнался кто то ужасный, окровавленный и, хрипя, цѣпляясь за рукава рубашки, мѣшалъ бѣжать. Въ слѣпомъ ужасѣ, онъ хотѣлъ отдернуть руку, но это страшное всей тяжестью навалилось на него. Онъ крикнулъ дикимъ безумнымъ крикомъ и упалъ безъ чувствъ, ударившись

головой о чью то дверь. Этотъ пронзительный вопль донесся въ квартиры перепуганыхъ жильцовъ. Открылись двери, высунулись взволнованныя заспанныя лица. Общими силами перенесла Миронова въ его квартиру. По телефону вызвали полицію.

Мироновъ пришелъ въ себя. Онъ сразу отрезвѣлъ и, съ необычайной ясностью, вспомнилъ всѣ подробности минувшаго вечера. Ему вернулось его обычное самообладаніе и выдержка. Въ наступившей реакціи онъ испытывалъ громадную нервную и физическую усталость и, какъ бы покорность судьбѣ, почти удовлетвореніе, что роковая развязка, наконецъ, пришла къ концу.

Безъ колебаній, онъ сознался въ преступленіи и далъ всѣ показанія. На слѣдующій день онъ разсказалъ слѣдователю точно и подробно исторію двухъ убійствъ. Какъ несомнѣнное единственное доказательство своей виновности въ убійствѣ Маріи, онъ назвалъ заглавіе періодическаго журнала, кторый былъ въ ея рукахъ въ минуту его появленія. Марія, вскочивъ, выронила его изъ рукъ на полъ. Уходя, поднимая съ полу револьверъ, оказавшійся подлѣ журнала, онъ машинально скользнулъ взглядомъ по обложкѣ, и краткое заглавіе, черными крупными буквами по бѣлому фону, запечатлѣлось въ его мозгу. Объ убитой женѣ онъ говорилъ съ явнымъ волненіемъ и тоской, Наталію же называлъ злымъ геніемъ, толкавщимъ его къ безумію.

Онъ былъ приговоренъ къ пожизненной каторгѣ. Приговоръ онъ выслушалъ совершенно спокойно, какъ спокойно принялъ бы приговоръ къ смерти. Его отправили въ ту же Гвіану, гдѣ Алексѣй про-

былъ болѣе двухъ лѣтъ. Его круглые орлинные глаза, обведенные по зрачку чернымъ кольцомъ, не утеряли нагло - холоднаго взгляда, предупреждавшаго со стороны арестантовъ даже малѣйшій намекъ на задираніе или обиду. Этотъ взглядъ странно дѣйствовалъ и на сторожей тюрьмы, избавляя его отъ обычныхъ пинковъ, толчковъ и ругани. Исполнительный и пунктуальный, какъ машина, замкнутый и молчаливый, чуждый и далекій для окружающихъ, онъ, съ какой то презрительной небрежностью, несъ на плечахъ своихъ тяжкую кару изо дня въ день, изъ года въ годъ. Никому не было вѣдомо какія мысли, какія чувства таились за этимъ высокомѣрнымъ, стальнымъ взглядомъ.

XXIII.

Опять наступило жаркое золотое лѣто. Въ сизой разогрѣтой дымкѣ парнаго воздуха млѣли нивы, луга, лѣса и рощи. Опять подъ набѣгающимъ вѣтеркомъ, осторожно и упруго, мягкими волнами, сгибался и разгибался золотой колосъ. Синѣли горизонты, зеленѣли изумрудныя дали. Въ голубой безднѣ медленно и спокойно плыли воздушно-парусные вѣчные паломники небесъ. Молчаливъ и строгъ стоялъ густой лѣсъ, хороня, среди папоротника, мховъ и густыхъ зарослей, таинственныя зелено золотыя сказки. Въ золотыхъ брызгахъ шептались листья и травы. Между нивъ и рощъ и дальше по окраинѣ лѣса бѣлѣла, убитая щебнемъ, къ самому горизонту убѣгающая дорога.

Слегка волоча больную ногу, безъ шапки, под-

ставляя солнцу и вѣтру, покрытое нездоровой желтизной, со впалыми щеками и глазами, лицо, худой, некрасивый, съ надорванными силами, шелъ Алексѣй. Тюрьма, съ ея недугами, тоской и слезами, наложили печать грусти и морщинъ на черты еще молодого, но казавшагося старше своихъ лѣтъ, отцвѣтшаго лица. На вискахъ проступала преждевременная сѣдина. Взглядъ, прямой, свѣтлый, озарялъ тусклый образъ. Еще не истекъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ, неожиданно для себя, Алексѣй былъ объявленъ невиновнымъ въ убійствѣ Маріи и выпущенъ на свободу. Покинувъ мрачную тюрьму, онъ немедля отплылъ во Францію, гдѣ его ждалъ братъ Григорій. Неожиданное освобожденіе сильно потрясло его. Прощаясь съ арестантами, ему казалось, что въ ихъ хмурыхъ лицахъ, въ отведенныхъ всторону взорахъ, онъ читаетъ нѣмой укоръ за то, что, возвращаясь къ жизни, къ свободѣ, онъ покидаетъ ихъ, обреченныхъ страдать до конца.

Пробывъ въ Парижѣ у брата всего три дня, онъ получилъ отъ отца Владиміра, переведеннаго въ Бельгію, чудесное письмо, съ извѣщеніемъ, что братія, любимаго имъ, монастыря ждетъ его въ свою тихую обитель. Братъ Григорій, со слезами, просилъ у него прощенія за то, что могъ сомнѣваться въ его невиновности и умолялъ остаться съ нимъ, обѣщая скрасить его жизнь заботами о немъ и горячей братской любовью; но Алексѣй не могъ уступить его просьбамъ: ничего не осталось въ немъ больше для жизни мірской. Въ состояніи сильнѣйшей нервной реакціи, Алексѣй боялся, что силы измѣнятъ ему, и онъ не достигнетъ желанной радости, — не прешагнетъ порога монастыр-

ской ограды. Но нѣтъ: Господь, влилъ въ душу его смиреніе, всепрощеніе и любовь ко всѣмъ людямъ и ко всякимъ людямъ, открывалъ ему двери монастыря, дабы онъ облекся въ монашескую рясу не только для того, чтобы найти покой для своей души, но чтобы, ставъ слугою Христа, смиреннымъ инокомъ послужить заблудшемуся стаду Его — озлобленнымъ, очерствѣлымъ, отверженнымъ и униженнымъ, заточеннымъ въ тюрьмахъ...

Отвыкшій отъ свободы, отъ счастія чувствовать себя среди природы, быть одному и въ тишинѣ, онъ безпрестанно останавливался, оглядывался и крестился. Онъ чувствовалъ легкое опьяненіе, голова слегка кружилась, тѣло сладостно млѣло отъ жары. Не вѣрилось въ великое счастіе свободы, не вѣрилось, что, отнынѣ, тишина будетъ неотлучна съ нимъ. Брань, ругань и сквернословіе еще стояли въ его ушахъ, но въ сознаніи была радостная увѣренность, что никогда больше не будутъ звучать вокругъ него грубыя, страшныя, оскорбляющія душу — слова. Разумъ говорилъ, что если сдѣлать тотъ же путь обратно, то воскреснетъ весь кошмаръ послѣднихъ годовъ, но сердце не вѣрило: казалось лживой и невозможной дисгармоніей, существованіе этого злого уродства на той же самой землѣ, гдѣ въ такомъ совершенномъ аккордѣ брошена рукой Творца красота природы, призывающая, ласкающая, обновляющая.

На каждомъ шагу, Алексѣя обступали воспоминанія минувшаго. Три года тому назадъ, онъ шелъ въ такой же яркій лѣтній день по этой самой дорогѣ. Издали виднѣлась деревушка, а тамъ дальше, черезъ поле — ручей. Онъ обогнулъ деревню

и пошелъ мимо нивъ. Вотъ и ручей. Какъ тогда, онъ остановился на мосточкѣ.

По прежнему, сонно журчалъ ручей; неподвиженъ стоялъ ярко - зеленый, густо заросшій, камышъ.

—Ахъ, земля, родная земля, поля и рощи, какъ далеко я былъ отъ васъ! Какъ стосковалась по васъ душа моя!

Онъ закрылъ глаза и внималъ каждымъ нервомъ эту ласковую пѣсню струи. Пошелъ дальше, легко уставалъ и часто садился. Дойдя до лѣсу, охваченный волненіемъ чудеснаго воспоминанія, отыскалъ подлѣ дороги то же могучее дерево, подлѣ котораго задремалъ три года тому назадъ и гдѣ явился ему... Кто? Свѣтловъ ли?... или то былъ посланникъ небесъ, являвшійся ему въ минуты труднѣйшихъ жизненныхъ переживаній.

Алексѣй, съ благоговѣніемъ, постоялъ, глядя въ свѣтлыя дали, куда, въ тотъ давно минувшій день встрѣчи, исчезла, словно таяла въ розовыхъ отблескахъ догоравшаго дня, любимая фигура таинственнаго друга. Алексѣй опустился на землю, вытянулъ больную ногу, оперся спиной о стволъ густо - разросшагося дерева и отдался созерцанію природы, прислушиваясь къ непрестанному рокоту густого лѣса. Не только душой и мыслями, какъ будто даже и тѣломъ онъ растворялся въ млѣющей, подъ солнцемъ, природѣ. Хотѣлось забыть все прошлое, смѣсти съ души всю пыль жизни, сорвать съ мыслей всю цѣпкую паутину пережитого и, съ ясно - воздушной легкостью, слиться съ горячимъ дыханіемъ жаркаго дня. Но воспоминанія, пресыщенныя горечью, не давали покоя и

все еще чертили передъ нимъ картины тюремной жизни.

Начинало вечерѣть. Алексѣй поднялся и пошелъ дальше по окраинѣ лѣса. Издали забѣлѣла высокая ограда. Сердце его забилось трепетно и радостно: еще немного, и онъ замкнется въ тишинѣ, оставивъ позади себя, убитую острыми каменьями тропу, идя по которой онъ столько разъ спотыкался и падалъ, столько разъ до крови ранилъ сердце свое, столько разъ лежалъ искалѣченный и немощный, безсильный подняться и идти дальше. Кончался этотъ длинный, мучительный, полный ничтожныхъ и обманныхъ достиженій, путь...

Солнце скатилось къ самому краю горизонта. Купаясь въ пурпурѣ, оно залило алыми пожарами нивы и рощи. Опрокинутая надъ головой, бездонная высь переливалась изъ океана раскаленной мѣди въ розовато - голубыя степи.

Раздался тягучій колокольный звонъ. Медленно и строго онъ поплылъ надъ нивами, подъ небесами, залитыми пожаромъ вечерней зори. Въ лучахъ догорающаго дня, растаяли послѣдніе удары колокола, какъ растаяло и растворилось во времени все минувшее его странной, полной скорбей, жизни. Вокругъ еще сіялъ пожаръ заката, когда онъ подошелъ къ высокой оградѣ монастыря. Никѣмъ не видимый, наединѣ съ Богомъ, онъ упалъ на колѣни и, весь въ слезахъ, приникъ головой къ обѣтованной землѣ.

КОНЕЦЪ.

Начато: 23 февраля 1925 г. въ Парижѣ.

Окончено: 18 августа 1925 г. въ деревушкѣ Муазенэ

Того же автора:

Исчерпанныя изданія:

Въ Туманѣ Жизни — — — — 1911 г.
Жена Министра — — — — 1912 »
Княжна Мара — — — — — 1913 »
Русскій баринъ — — — — — 1914 »
Мишура — — — — — — 1915 »

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

Долгъ Жизни — — — — — 1916 »
То было раннею весной — — — 1916 »
Развалъ — часть I — — — — 1917 »
Крушеніе — часть II — — — — 1918 »
На комъ вина — часть III — — — 1919 »
Да будетъ свѣтъ — часть IV — — 1920 »
Екатерина Никитишна — — — 1923 »
Къ счастію — — — — — 1925 »
Кровавый Рубинъ — — — — 1925 »

Готовится къ печати новая книга
„ДВѢ СЕМЬИ"

Типографія Якубовича и Романо
9, rue Saint-Gilles, Paris (3ᵉ).

